

Цена 3 руб. 50 коп.

83.3P5-8

0-52

37472.

Турге.
83.345-2
0-52
ПРОФ. Ю. Г. ОКСМАН

И. С. ТУРГЕНЕВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ВЫПУСК I

ВСЕУКРАИНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОДЕССА—1921

ПРОВЕРЕНО 2014

ПРОВЕРЕНО 2009

инв. № 21461

Р. В. Ц. (Одесса). Зак. № 1027-19304. *3000 экз. 8-я Сов. тип., ул. Ленина 49.
Одесса—1921.

37472

Фонд редкой книги
ТУРГЕНИАНА

I.

СЕКРЕТНОЕ СЛЕДСТВИЕ 1852 ГОДА О „ЗАПИСНАХ
ОХОТНИКА“

Характернейшие особенности первопечатных текстов «Записок Охотника», многократные пояснения и признания их автора, ответственные заключения его друзей и корреспондентов и непреложный по существу документальный материал чисто официального порядка свидетельствуют с совершенной определенностью, что появление на страницах обновленного в 1847 году «Современника» одного из замечательнейших художественных достижений Тургенева обеспечено было лишь предварительным отказом писателя от некоторых особенно занимавших его сюжетов¹⁾, невольным сужением первоначальных творческих перспектив, кощунственным извращением в печати интереснейших деталей повествования²⁾.

Необычайно показательно и важно, что наиболее враждебные отживающему социальному и бытовому укладу

¹⁾ В письме от 25 окт. 1872 г. к П. В. Анненкову Тургенев упоминает о двух сохранившихся в его бумагах отрывках из Записок Охотника — «Русский немец и реформатор» и «Землеед», которые были им «начаты», но оставлены потому, что никакая тогдашняя цензура их бы не пропустила» («Рус. Обозр.», 1898, V, 22); волнующие фабулы этих творений запечатлены в воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островской («Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова, стр. 84—85).

²⁾ В специальных экскурсах А. Е. Грузинского («Литерат. очерки» М., 1908, стр. 220—256) и Г. З. Бунцевича («Жур. Мин. Нар. Прос.», 1909, XII, 393—398) освещен с достаточной ясностью общий характер искажения в печати «Записок Охотника». К сожалению, полное восстановление начальной редакции последних в настоящее время едва ли уже осуществимо, так как большинство автографов Тургенева не сохранилось, а все изменения их в журнале определялись обычно частным соглашением редакции с цензором и в официальном делопроизводстве не оставляли никаких следов.

главы «Записок Охотника» слагались в пору теснейшего общения за-границей молодого Тургенева с В. Г. Белинским, и сама «аннибаловская клятва», которую так живо и образно характеризовал впоследствии Иван Сергеевич в своих «Литературных и Житейских воспоминаниях», могла быть дана лишь в самом процессе творческой его работы, — под непосредственным воздействием общественно-политических построений, впечатлений и приговоров знаменитого зальцбруннского письма «неистового Виссариона» к Гоголю¹⁾.

В самом деле, именно в новеллах второй половины 1847 г. — «Бурмистр», «Два помещика», «Контора» — чисто публицистический элемент резко выраженного художественного протеста неожиданно осложняет раннюю — эпическую по преимуществу — композицию «Записок», привлекает немедленно поэтому к ним самое пристальное внимание как широких читательских кругов, так и насторожившейся сразу цензуры и навсегда окрашивает в определенные тона историческое значение еще даже не развернувшейся до конца крепостной эпопеи.

Хорошо учитывая необычайный успех в журнале первых ее частей, Н. А. Некрасов уже 28 октября 1847 года выдвигает план отдельного издания «Записок Охотника» в широко задуманной им «Библиотеке русских романов, по-

¹⁾ Вопрос о вкладе Белинского в «Записки Охотника», давно, как известно, поставленный, но даже эпизодически не разрешенный, принадлежит к числу интереснейших проблем тургеневской историографии. Предваряя результаты общего об этом размышления, можно считать несомненно установленной связь зальцбруннского письма с тем определяющим в истории «Записок» уклоном творческих интересов Тургенева, который летом 1847 г. выражен был яркой художественной аргументацией в «Бурмистре», «Конторе» и «Двух помещиках» характернейших положений Белинского. При полном совпадении последних с позднейшей Тургеневской оценкой как самого содержания, так и исторического значения «Переписки с друзьями» (местами определенно пародируемой в «Двух помещиках»), весьма знаменательно, что дата, напр., «Бурмистра» — Зальцбрунн в Силезии, июль 1847 г. — точно соответствует времени и месту письма «неистового Виссариона» — 15 июля 1847 г., Зальцбрунн. Ср. С. Ашевский, общий очерк которого «Тургенев и Белинский» («Образы», 1901, кн. III, 1-20 и IV, 10-21) обходит, однако, интересующую нас тему.

вестей, записок и путешествий»¹⁾; согласно на это Тургенев получает очень легко, но смерть Белинского определяет в следующем году его желание печатать «Записки» лишь в пользу семейства покойного²⁾. Материальная неудача первых номеров некрасовской серии заставляет, однако, осенью 1848 г. от этого проекта отказаться, и издание, принципиально давно предпринятое, осуществляется только в 1852 году. Право на него Тургенев тем временем дарит одному из старейших членов кружка Белинского — Н. Х. Кетчеру³⁾, и 6 марта последний получает в Москве официальное «дозволение» на выпуск двух томов «Записок Охотника».

В пору небывалого цензурного террора не приходилось, разумеется, думать о полном восстановлении всего текста произведения, но очень многое в нем все же удалось провести на этот раз в печать в исправленном и дополненном виде. К лету издание было, очевидно, закончено, но самый выпуск его в свет неожиданно пришлось отсрочить: 16 апреля 1852 г. за известное свое письмо о смерти Гоголя в «Московских Ведомостях» Тургенев посажен был под арест, а через месяц выслан из Петербурга «под приемотр» на родину.

«Вот и мои «Записки Охотника» совсем готовы, и билет на их выпуск выдан, однако мы с Кетчером решили подождать», — замечал опальный художник 6 июня в письме из места своей ссылки к И. С. Аксакову⁴⁾, определенно

¹⁾ «Я вам скажу вещь, может быть, приятную» — писал тогда Некрасов Тургеневу и П. В. Анненкову — «я хочу издавать и на днях начну: Библиотеку русских романов, повестей, записок и путешествий — начну с *Кто виноват*, потом *Обыкни*. История, а потом думаю я *Записки Охотника* — уже наберется томик порядочный, а когда наберется другой — и другой напечатается... А рассказы ваши так хороши и такой производят эффект, что затеряться им в журнале не следует» (А. Н. Пыпин, «Н. А. Некрасов», СПб, 1905, стр. 90).

²⁾ А. Н. Пыпин, *op. cit.*, стр. 94. Проект этот вновь выдвигается 20 июля 1857 г. Некрасовым в письме к Тургеневу о втором издании «Записок Охотника» (*op. cit.*, 176).

³⁾ «Рус. Мысль», 1902, XII, 178.

⁴⁾ «Вестник Европы», 1894, I, 334.

не рискуя напоминать о себе некоторое время в печати и как бы предчувствуя уже грозу, которая над ним должна была вновь разразиться.

В самом деле, 13 мая 1852 года обе части «Записок Охотника» препровождены были московским цензурным комитетом в канцелярию министра народного просвещения, а через десять дней особым чиновникам Главного Управления Цензуры, призванным с 15 апреля 1850 г. осуществлять «бдительный надзор за духом и направлением выходящих в свет книг, в особенности же повременных изданий», предложено было начать несколько необычное следствие о только что отпечатанном произведении.

«По предложению Вашего Сиятельства — отмечалось 26 мая в первой справке о «Записках Охотника» для князя П. А. Ширинского-Шихматова¹⁾ — эти 2 части были схожимы с теми книжками журнала «Современник», в которых в разное время помещались отдельные статьи, соединенные ныне в одно целое сочинение. Оказалось, что большая часть статей напечатана была в «Современнике» 1847, 1848 и 1849 годов; в последние же два года (1850 и 1851) только четыре статьи: две же главы второй части, именно XIII под заглавием: «Два помещика», и XVIII под заглавием: «Петр Петрович Каратаев», — не отысканы в «Современнике»²⁾.

¹⁾ Архив цензуры и печати (1 Петерб. отд. IV сек. Гос. Арх. фонда): «Дело канцел. минист. народн. просв. по Глав. Упр. Ценз. с представлением чиновником особых поручений коллежским советником Волковым рапортов о прочитанных им книгах, вышедших в свет с дозволения цензурных комитетов. Нач. марта 24 дня, 1852 г., № 77, лист 7. В цитируемых здесь и далее документах сохранена орфография и пунктуация подлинника.

²⁾ Следует отметить, что справка о «Петре Петровиче Каратаеве» не отвечала действительности: рассказ этот не только был напечатан в первом томе «Современника» за 1847 год (кн. 2, стр. 197—212), но тогда же, как свидетельствует письмо к Тургеневу Некрасова, лишился в цензуре «двух-трех мест» (А. Н. Пытин, *op. cit.*, 87). Что же касается «Двух помещиков», история опубликования которых представляется пока совершенно невыясненной, то весьма вероятно, что очерк этот лишь из-за цензурных опасений не увидел света в известном «Иллюстрированном Альманахе», затеянном в 1847 г. как приложение к «Современнику». По крайней мере, в письме к

Таким образом, включение в «Записки Охотника» очерков, большая часть которых недавно лишь подвергнута была действиям исключительно суровых инструкций цензоров «Современника», совершенно естественно на первых порах ослабляло интерес к этому изданию представителей нового охранительного института, ближайшим образом обязанных все произведения «внимательно прочитывать тотчас по появлении их в печати, делать по содержанию их замечания и доводить немедленно до сведения министра о всяком отступлении от цензурных правил», дабы глава ведомства мог «тогда же употреблять нужные меры строгости и предупреждать подобные упущения на будущее время»¹⁾. С этой точки зрения, серьезные упущения могли быть проявлены в Москве лишь при разрешении неизвестных якобы ранее произведений — «Два помещика» и «Петр Петрович

Тургеневу от 25 июня 1847 г. Некрасов выражает твердую уверенность в участии его в этом издании, в первых числах марта 1848 г. для альманаха уже отгиснут был рисунок Федотова «Два помещика», теснейшая связь которого с героями одноименного рассказа Тургенева не может подлежать сомнению, и, наконец, в сентябре 1848 г. цензор А. Крылов обращает внимание в своем рапорте как на самый рисунок («без помещиков и здесь дело не обошлось»), так и на отсутствие в альманахе подходящего текста. Ср. «Дело Главн. Упр. Ценз. об «Иллюстрированном Альманахе», 1848 г., № 108, л. 14—15; «Дело» о том же СПб. Цензур. Комитета, 1848 г., № 81; А. Е. Грушинский, *op. cit.*, стр. 222; М. К. Азадовский, «Из старых Альманахов», Петерб., 1918, стр. 21).

¹⁾ Высочайше утвержденная 15 апреля 1850 г. записка кн. П. А. Ширинского-Шихматова «О наблюдении за духом и направлением Повременных изданий» (Архив Цензуры и Печати: секретное Дело Канц. Мин. Нар. Просв. по Глав. Упр. Цензуры, 1850 г., № 73, л. 7-9). Определение общего круга заданий нового цензурного института целиком восходило здесь к известному «положению» 1811 г. о «цензурной ревизии» министерства полиции, функция которого, без указания источника, министром народного просвещения были, таким образом, в 1850 г. лишь реставрированы. Ср., напр., инструкцию кн. Ширинского-Шихматова с § 84, п. 2 «наказа» 1811 г.: «Если министр полиции усмотрит, что в книгах и сочинениях и с одобрением цензуры изданных, допущены места и выражения, подающие повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противных, — таковые министр полиции обязан немедленно с замечаниями своими, вносить на Высочайшее усмотрение и ожидать повеления» (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп., т. 31, № 24687).

Каратаев», на рассмотрении которых министр народного просвещения и предложил сейчас же сосредоточиться «одному из чиновников».

Как свидетельствует рапорт коллежского советника Е. Е. Волкова (л. 9-11), представленный лишь через месяц, обследование Тургеневских очерков несколько задержалось, но добытый в результате его материал должен был, очевидно, вполне оправдать тревожные предположения главы цензурного ведомства.

«По приказанию Вашего Сиятельства — доносил 25 июня Волков — я рассмотрѣлъ XIII и XVIII главы второй части книги, подъ заглавіемъ: «Записки Охотника» соч. Г. Тургенева.

Замѣченныя мною в этихъ главахъ нижеозначенныя мѣста, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ быть названы предосудительными, — я имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Сиятельства.

1) Глава XIII. Два помѣщика.

Авторъ, рисуя портретъ отставнаго Генераль-Маіора Хвалынскаго, и изображая его въ смѣшномъ видѣ, говоритъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее:

Стран. 25 и 26.

«Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой; взялъ къ себѣ въ управители отставнаго вахмистра, Малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ, въ дѣлѣ хозяйничества, никто у насъ еще не перещеголялъ одного Петербургскаго важнаго Чиновника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что овины у него въ имѣньи часто подвергаются пожарамъ, отчего много хлѣба пропадаетъ — отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ же самый Сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля макомъ... и проч. въ томъ же тонѣ насмѣшки. Этотъ важный Петербургскій Чиновникъ-Сановникъ выставленъ авторомъ пошлымъ дуракомъ и сумазбродомъ. Слово Сановникъ означаетъ у насъ лице Государственное, а потому при этомъ названіи, не должно,

мнѣ кажется, позволять себѣ ни той ироніи, ни той насмѣшки, которыя допустилъ въ своей книгѣ Г. Тургеневъ. — Не кроется ли тутъ какая нибудь личность?

Стран. 27.

«Состоялъ онъ (Хвалынскій) в молодые годы адъютантомъ у какого то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ какъ по имени и по отчеству; говорятъ будто бы онъ принималъ на себя не однѣ адъютанскія обязанности — да не всякому слуху можно вѣрить».

«Принималъ на себя не однѣ адъютанскія обязанности».

Непонятно какъ могъ Г. Цензоръ пропустить подобное выраженіе, такъ ясно обозначающее скрытую грязную мысль автора? — И я не ошибаюсь говоря это, потому что и многіе другіе, читавшіе «Записки охотника», понимаютъ упомянутое выраженіе точно также какъ и я его понимаю. Каждому образованному читателю очень хорошо извѣстно, что никакихъ нѣтъ такихъ Адъютанскихъ обязанностей, о которыхъ бы нельзя было говорить печатно; но Г. Тургеневъ намекаетъ на такія, по его словамъ, обязанности, которыя противны не только нравственности, но даже и самой природѣ человѣка! — Вотъ почему онъ и не наименовалъ эти обязанности, а закончилъ фразу словами: «да не всякому слуху можно вѣрить», и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпилъ въ читателѣ мысль, родящуюся у него при чтеніи вышеозначеннаго выраженія. —

«Перейдемъ теперь къ другому помѣщику». — Этими словами авторъ оканчивая свой очеркъ Хвалынскаго, начинаетъ описывать помѣщика Стегунова.

Такъ какъ въ обоихъ этихъ разсказахъ нѣтъ ни какой интриги, — это просто одинъ только очеркъ двухъ помѣщиковъ, знакомыхъ Автору, то мнѣ и невозможно передать Вашему Сиятельству, содержаніе XIII главы Записокъ Охотника. Я вынужденъ ограничиться указаніемъ однѣхъ только мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ быть названы предосудительными, и слѣдовательно не долженствовавшія быть допущенными къ печати. —

Говоря о Священникѣ, котораго авторъ встрѣтилъ у помѣщика Стегунова, онъ представляетъ его въ униженномъ и подобострастномъ положеніи, такъ не соответствующимъ съ саномъ Служителя Церкви. — Обращеніе Стегунова съ Священникомъ болѣе чѣмъ фамиллярное: оно близко къ пренебреженію, съ которымъ помѣщики, подобные Стегунову, привыкли обращаться съ своими крестьянами.

Стран. 33 и 34.

— «Погоди, погоди батюшка, заговорилъ Мардарій Аполлоновичъ, не выпуская моей руки: — не уходи; я велѣлъ тебѣ водки принести».

— «Я не пью-съ, съ замѣшательствомъ пробормоталъ священникъ и покраснѣлъ до ушей.

— «Что за пустяки! Отвѣчалъ Мардарій Аполлоновичъ: — Мишка, Юшка, водки Батюшкѣ!».

Тутъ надо замѣтить, что это было вовсе не время, въ которое обыкновенно подаютъ водку,—это было в 7 часовъ вечера,—время для чаю, а не для водки. Ее во всякое время подаютъ только однимъ мужикамъ.—Когда принесли водку, то священникъ началъ отказываться.

— «Пей, Батюшка, не ломайся», замѣтилъ помѣщикъ Выраженіе: «не ломайся» не доказываетъ ли пренебреженіе помѣщика къ Священнику? —

Стран. 37.

«А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? Отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлоновичъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ (онъ указал на свой затылокъ). И никакой пользы я отъ этого размежеванья не предвижу».

Не могу оставить безъ вниманія этихъ послѣднихъ словъ.—Съ перваго взгляда онѣ кажутся очень невинными; но вникнувъ въ нихъ хорошенько, убѣдишься, что эти слова могутъ имѣть вредное вліяніе на большую часть нашихъ помѣщиковъ, которые, къ сожалѣнію, походятъ во всемъ на Мардарія Аполлоныча Стегунова.

Мнѣ случалось много разъ присутствовать при полюбовномъ размежеваніи, а потому я знаю по опыту, какъ помѣщики, и въ особенности помѣщицы наши, закоренѣлые въ

невежествѣ и предразсудкахъ,—стараются всевозможными средствами уклониться отъ исполненія желаній Правительства, касательно уничтоженія череполоснаго владѣнія.—Каждый изъ такихъ помѣщиковъ, прочтя книгу Г. Тургенева, съ самодовольствіемъ остановится на словахъ: «И никакой пользы я отъ этого размежеванья не предвижу», и болѣе прежняго станетъ уклоняться отъ полюбовнаго размежеванія.— Въ провинціяхъ еще до сихъ поръ вѣрятъ слѣпо всему печатному, а потому, тамъ навѣрное станутъ разсуждать такъ: «Не защищайте пожалуйста вы размежеванія,—отъ него нѣтъ и не будетъ никакой пользы, и мнѣ странно, что вы спорите, когда извѣстный нашъ авторъ Г. Тургеневъ печатно, да, сударь мой, печатно въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ, что размежеваніе не можетъ принести никакой пользы».

Трудно, почти невозможно разувѣрить такого провинціального оратора; на всѣ доказательства и доводы, что это говоритъ не Г. Тургеневъ, а одно изъ описываемыхъ имъ лицъ,—помѣщикъ Стегуновъ, невѣжда, человѣкъ вовсе не образованный, вамъ возразятъ, что это не такъ, не правда, что это говоритъ самъ Тургеневъ, потому что онъ, а ни кто другой, сочинилъ эту книгу.

Быть можетъ во всемъ вышесказанномъ я и ошибаюсь; но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ Ценсоръ, при разсматриваніи каждаго сочиненія, долженъ обращать особенное вниманіе на выраженія въ которыхъ кроется какая нибудь дурная мысль автора, замаскированная приличными и часто отборными словами; равно и на тѣ слова, которыя могутъ быть извѣстнымъ кругомъ читателей поняты не такъ какъ слѣдуетъ, или перетолкованы въ дурную сторону.

2) Глава XVIII. Петръ Петровичъ Каратаевъ.

Съ этимъ оригинальнымъ лицомъ, авторъ встрѣтился на станціи въ проѣздъ свой изъ Москвы въ Тулу. Описавъ наружность и характеръ Каратаева, Г. Тургеневъ передаетъ читателю рассказанный ему самимъ Каратаевымъ эпизодъ изъ своей жизни.—

Вотъ содержаніе этого разсказа.—Каратаевъ, влюбившись въ крѣпостную дѣвку одной помѣщицы, хотѣлъ было ее выкупить на волю; но такъ какъ ея барыня на это не согласилась, то онъ увезъ свою возлюбленную. — Барыня, какъ водится, подала объявленіе о побѣгѣ своей дѣвки, не подозрѣвая, что она живетъ у Каратаева. Въ послѣдствіи, однакожъ, помѣщица узнала объ этомъ, и подала въ судъ жалобу, да тутъ же, какъ выражается Каратаевъ, и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Въ слѣдствіе этой жалобы явился къ Каратаеву Исправникъ съ требованіемъ отъ него бѣглянки, но влюбленный похититель, угостивъ Исправника хорошимъ завтракомъ, и предложивъ ему свою лошадь въ подарокъ, на что тотъ и согласился, выпроваживаетъ уѣзднаго блюстителя порядка изъ своего дому.

Стр. 179.

«Смотрю, ѣдетъ ко мнѣ Исправникъ; а Исправникъ то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ, то есть, въ сущности человѣкъ не хорошій. Вотъ пріѣзжаетъ и говоритъ: такъ и такъ Петръ Петровичъ, какъ же это такъ? отвѣтственность сильная и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами поговоримъ, а вотъ, не хотите ли перекусить съ дороги? Перекусить то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите.—Оно, конечно, правосудіе, говорю я: оно, конечно... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть вороненькая, такъ не хотите ли помѣняться на моего Лампурдоса? а дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется.—Ну, говоритъ онъ: Петръ Петровичъ, дѣвка то у васъ; мы вѣдь не въ Швейцаріи живемъ... а на Лампурдоса помѣняться лошадкой можно, можно, пожалуй, его и такъ взять».

Говоря другими словами, Исправникъ взялъ взятку, въ слѣдствіе чего и оставилъ дѣвку-бѣглянку у Каратаева. Но старая помѣщица не переставала хлопотать въ Судъ, и вѣроятно отняла бы наконецъ у Каратаева свою дѣвку, еслибъ эта послѣдняя, вскорѣ послѣ посѣщенія Исправника, сама не вздумала къ ней явиться. Каратаевъ, лишившись своей возлюбленной, предался отчаянію, и долго не могъ

забыть своего горя.—«Вѣдь, что вы думаете? Продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межъ тѣмъ, какъ слезы все еще бѣжали по его разгоряченнымъ щекамъ: — вѣдь выдала себя дѣвка! пошла да и выдала себя»...

Этими словами Каратаевъ заключаетъ свой разсказъ.

Въ главѣ XVIII, я не встрѣтилъ ничего такого особеннаго, что могло бы, въ отношеніи Ценсурномъ, обратить на себя вниманіе; однакожъ мнѣ кажется, что слѣдующее выраженіе не совсѣмъ прилично, и очень бы могло быть выпущено.—Авторъ, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, просидѣлъ цѣлый день на Станціи, и вотъ что говоритъ онъ о смотрителѣ.—

«Смотритель, человѣкъ уже старый, угрюмый, съ волосами, нависшими надъ самымъ носомъ, съ маленькими заспанными глазами, на всѣ мои жалобы и просьбы отвѣчалъ отрывистымъ ворчаньемъ, въ сердцахъ хлопалъ дверью, какъ будто самъ проклиналъ свою должность»...

Проклипать свою должность, то есть, службу свою, выраженіе довольно странное и не приличное, потому, что оно выражаетъ, нѣкоторымъ образомъ, неуваженіе къ Правительству, постановляющему всѣ должности въ Государствѣ.

Коллежскій Совѣтникъ Волковъ.

25 Іюня, 1852.

Прежде, чемъ определить в связи с этимъ рапортомъ дальнейшій ход следствія о «сомнительныхъ» страницахъ «Записокъ Охотника», министр 30 іюня предложилъ «сообразить и доложить» вновь это дело коллежскому советнику В. И. Кузнецову. Особо отмеченные в первомъ донесеніи предосудительные детали тургеневскаго повѣствованія новымъ докладчикомъ были значительно смягчены и разъяснены, по возможности, какъ промахи и недочеты скорее стилистическіе, чемъ последовательно и определенно тенденціозные.

По мнѣнію В. И. Кузнецова (л. 12-13),—«въ разбираемыхъ двухъ главахъ, XIII и XVIII, второй части «Записокъ Охотника» Тургенева авторъ рисуетъ быть помѣщиковъ въ Россіи, стараясь поддѣлаться подъ выраженія, употребляе-

мая въ общежитіи. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія указанная въ рапортѣ мѣста, то я бы полагалъ возможнымъ считать нѣкоторыя изъ нихъ не столь предосудительными, какъ полагаетъ Коллежскій Совѣтникъ Волковъ. Именно:

1. Въ главѣ XIII «Два помѣщика». Замѣчаніе о неосновательныхъ распоряженіяхъ по хозяйству одного *важнаго Петербургскаго чиновника* (стр. 25 и 26), тогда только подлежитъ осужденію, если тутъ скрывается личность: но вѣроятно, что это анекдотъ уже старый. Названіе же *Сановника*, данное тому же чиновнику, оправдывается тѣмъ, что авторъ говоритъ здѣсь иронически: ибо слово *Сановника* не имѣетъ опредѣленнаго значенія, и въ официальномъ слога не употребляется.

2. Свиданіе Священника съ помѣщикомъ Стегуновымъ (глава XIII, стр. 33 и 34) также, кажется, взято изъ нравовъ деревенскаго быта. Если помѣщикъ и обращается съ Священникомъ съ нѣкоторою фамиллярностію, то это объясняется тѣмъ, что послѣдній пришелъ какъ гость. Если молодой Священникъ выказываетъ передъ уважаемымъ въ уездѣ лицомъ застѣнчивость и смиреніе: но это не можетъ называться неприличнымъ его лѣтамъ и званію. Если Стегуновъ при прощаніи угощаетъ водкой, то это есть извѣстный обычай у всѣхъ русскихъ, остатокъ патріархальныхъ нравовъ; при томъ водкой угощаютъ обыкновенно дорогихъ гостей. Слова «не ломайся», не выражаютъ, кажется, пренебреженія, но напротивъ близость отношеній.

3. Въ главѣ XVIII подъ заглавіемъ: «Петръ Петровичъ Каратаевъ» обращаютъ на себя вниманіе: Разсказъ о любовной связи Каратаева съ простою крѣпостною дѣвкою, также о взяткахъ, которыя даются въ Судѣ и Исправнику. Въ первомъ отношеніи, разсказъ этотъ, кажется, не выходитъ изъ предѣловъ дозволеннаго; во второмъ отношеніи, хотя и желательно бы было, чтобы избѣгать намековъ на взятки, но это случай возможный, ибо неблагонамѣренные люди, какъ вездѣ, такъ и между чиновниками, встрѣчаются. Г. Волковъ также полагаетъ, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего особеннаго, что могло бы, въ отношеніи цензурномъ, обратить на себя вниманіе.

За тѣмъ я и съ своей стороны полагаю, что глава XIII: «Два помѣщика» погрѣшаетъ противъ цензурныхъ требованій:

1. Въ приведенной изъ стр. 27-й выписки о томъ, что отставный Генералъ Хвалынский, состоя въ молодые годы адъютантомъ, принималъ на себя не однѣ адъютантскія обязанности—да не всякому слуху можно вѣрить. Если признать толкованіе Г. Волкова на это мѣсто справедливымъ, то конечно оно весьма безнравственно и не должно бы было быть помѣщаемо. Нельзя ли однакожь дать этимъ словамъ и болѣе близкій смыслъ со всей нитію разсказа? Въ этой самой выпискѣ сказано, что онъ называлъ то значительное лицо, у котораго былъ адъютантомъ, не иначе, какъ по имени и отчеству; слѣдовательно старался выказывать нѣкоторое равенство въ отношеніяхъ къ этому лицу. Между тѣмъ изъ описанія характера Хвалынскаго видно, что онъ былъ подобострастенъ съ высшими и обращался съ пренебреженіемъ съ низшими: изъ этого нельзя ли заключить, что подъ выраженіемъ: *не однѣ адъютантскія обязанности*, авторъ хотѣлъ указать на излишнюю услужливость вообще, независимо отъ исполненія долга благороднаго подчиненнаго.

2. Въ той же главѣ XIII, на стр. 37, употреблено выраженіе: «И никакой пользы отъ размежеванія не предвижу». Хотя оно и служитъ для изображенія характера Стегунова, предпочитающаго старину всему новому; но эти слова сказаны не осторожно, и удобіе могли бы быть пропущены.

3. Въ главѣ XVIII стр. 159-й, «Петръ Петровичъ Каратаевъ», Г. Волковъ справедливо, какъ и мнѣ кажется, замѣчаетъ неумѣстность выраженія, что Смотритель: «*будто самъ проклиналъ свою должность*». Выраженіе это также заимствовано изъ просторѣчія; но въ печати могло быть замѣнено другимъ.

Вторая часть Записокъ Тургенева при семъ прилагается.

Коллежскій Совѣтникъ В. Кузнецовъ.

3-го Іюля 1852.

Подробно, таким образом, осведомившись о некоторых особенностях содержания второй части «Записок Охотника», кн. Ширинский-Шихматов немедленно потребовал представления ему сведений, «была ли рассмотрѣна первая часть, и если была, то что оказалось?» (л. 12). В приготовленной об этом 9 июля справке (л. 14) интересующих министра данных почти не заключалось: «Повременныя изданія—поясняя колл. секр. Галов — разсматриваются Чиновниками особыхъ порученій только с 10-го Апрѣля 1850 г. Посему все, напечатанное въ Современникѣ до этого времени, не подвергалось никакому особому разсмотрѣнію, кромѣ какъ со стороны обыкновенной Цензуры. На семъ основаніи въ вышедшей въ Москвѣ книгѣ подъ заглавіемъ: «Записки Охотника», состоящей изъ 2-хъ томовъ, въ первомъ томѣ изъ 11-ти статей разсмотрѣны были Чиновниками особыхъ порученій только двѣ статьи, а во второмъ, не включая 2 статьи, разсмотрѣнныя Г. Волковымъ, изъ остальныхъ 11-ти разсмотрѣны тоже только двѣ статьи, въ которыхъ, по отзывамъ означенныхъ Чиновниковъ, не оказалось ничего, противнаго цензурнымъ правиламъ». Новая резолюція министра—Г. Волкову разсмотрѣть и первую часть въ цѣлости—знаменовала не только новый этапъ цензурного следствия, но и торжество определенного в нем направления—полуофициальное признание и поддержку обличительныхъ тенденцій первого референта «Записок Охотника» и косвенный тем самымъ отказ отъ точки зрѣнія на нихъ его оппонента. Формальное ограничение роли Волкова в этомъ деле лишь «рассмотрѣніемъ» предосудительнаго произведенія нисколько не могло помешать исчерпывающему разрешенію имъ ответственного задания кн. Ширинскаго-Шихматова, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ 5 августа 1852 г. не объективный матеріалъ предварительнаго дознанія, а уже совершенно законченный обвинительный актъ:

«Вникнувъ внимательно въ содержаніе обѣихъ частей этихъ записокъ и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ — резюмировалъ Волковъ свои замечанія в особомъ введеніи къ рапорту (л. 16—17)¹⁾,—невольно прійдешь къ заключенію: что при

¹⁾ Несколько строкъ изъ впервые опубликованнаго здѣсь полностью рапорта Волкова введены были, безъ обозначенія источника и с ссылкой на

изданіи оныхъ, г. Тургеневъ, человекъ, какъ извѣстно, богатый, конечно не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія; но вѣроятно имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу.

Какая же именно эта цѣль? Разрѣшеніе этого вопроса я на себя взять не могу,—боясь ошибиться; но желательно было бы, чтобъ всѣ читатели видѣли въ помянутыхъ запискахъ одну лишь только хорошую и полезную цѣль! Что же касается собственно до меня, то мнѣ кажется, что книга Г. Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра... и вотъ почему. Полезно ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, (нельзя же отвергать, что «Записки Охотника», какъ и всякая другая книга, могутъ быть читаны грамотнымъ крестьяниномъ и другими лицами изъ низшаго сословія), что однодворцы и крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опозтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, рационалистовъ, романтиковъ, идеалистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ гдѣ онъ нашелъ такихъ!), что крестьяне эти находятся въ угнетеніи, что помѣщики, надъ которыми такъ издѣвается авторъ, выставляя ихъ пошлыми дикарями и сумазбродами, ведутъ себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболѣпствуетъ передъ помѣщиками, что исправники и другія власти берутъ взятки, или наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольяе, лучше. Не думаю, чтобъ все это могло принести какую нибудь пользу, или хотя бы удовольствіе благомыслящему читателю; напротивъ, всѣ подобныя рассказы оставляютъ по себѣ какое то непріятное чувство. Не смотря на это «Записки Охотника» переводятся на нѣмецкій языкъ, и одинъ отрывокъ, подъ заглавіемъ: «Сосѣдъ

«одного изъ цензоровъ», в принадлежащій М. И. Сухомлинову некрологъ Тургенева в «Отчетѣ о деятельности II отдѣла Академіи Наукъ за 1883 г.» (стр. 28—29). Воспользовавшись этимъ неточнымъ указаніемъ Сухомлинова, А. Е. Грушинскій произвольно связалъ его со временемъ предварительнаго рассмотрѣнія «Записокъ Охотника», несколько, впрочемъ, недоумевая, «почему доклад цензора не повелъ за собой остановки книги или изъятія ее изъ продажи» (op. cit., 244—245).

мой Радиловъ» (Глава V I-й части), рассказъ, по содержанию своему противный законамъ нашей Церкви, уже напечатанъ въ Санктъ-Петербургскихъ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, съ нѣкоторою, впрочемъ, перемѣною, сдѣланною Г. Цензоромъ Пейкеромъ, въ концѣ повѣсти.

Въ I-й части Записокъ Охотника, помѣщены 11 рассказовъ, которые, равно какъ и во 2-й части, не имѣютъ никакого общаго содержанія, никакой связи между собою. Это—характеристика разныхъ лицъ, болѣе частью изъ крестьянскаго сословія, съ которыми авторъ познакомился на охотѣ.

Чтобъ не обезпокоить Ваше Сіятельство чтеніемъ разбора всѣхъ помянутыхъ 11 рассказовъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ оныхъ есть и такіе, которые не имѣютъ ничего предосудительнаго, я осмѣлюсь обратить вниманіе Ваше только на тѣ, которые въ цензурномъ отношеніи, подлежатъ, по моему мнѣнію, нѣкоторымъ замѣчаніямъ.

Стран. 1-я.

I. Хорь и Калиничъ.

Прозваніе двухъ крестьянъ, изъ коихъ первый, по словамъ автора, былъ человѣкъ положительный, практический, административная голова, рационалистъ;—второй, —напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Вся помянутая глава заключается въ описаніи характеровъ и привычекъ этихъ крестьянъ, а также и ихъ помѣщика Полутыкина, котораго авторъ, по принятому имъ правилу, выставляетъ оригиналомъ и до крайности смѣшнымъ человѣкомъ.

Вотъ нѣсколько замѣчаній на нѣкоторыя мѣста въ этомъ рассказѣ.

Стран. 15.

Въ разговорѣ съ Хоремъ, авторъ спрашиваетъ его отъ чего онъ не откупится отъ своего барина?

— «А для чего мнѣ откупиться. Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю, баринъ у насъ хорошій».

— «Все же лучше на свободѣ. Замѣтилъ я». «Хорь посмотрѣлъ на меня съ боку».

— «Вѣстимо проговорилъ онъ».

Внушать крестьянину мысли, что на свободѣ ему будетъ лучше, чѣмъ у своего барина, не смотря даже, что онъ хорошій баринъ,—мнѣ кажется не слѣдуетъ; для крестьянъ, въ настоящее время, свобода есть суцая пагуба.

Стран. 26.

Хорь трунить надъ другомъ своимъ Калиничемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмѣивается надъ своимъ помѣщикомъ; Калиничъ защищаетъ его.—Хотя въ выраженіяхъ, которыя употребляетъ, при семъ случаѣ, Хорь, и нѣтъ ничего не пристойнаго, за всѣмъ тѣмъ, мнѣ кажется, не слѣдовало бы допускать къ печати, и даже малѣйшаго намека, въ которомъ проглядываетъ насмѣшка крестьянина надъ своимъ помѣщикомъ, потому что насмѣшка показываетъ неуваженіе, непочтеніе къ тому, къ кому она относится, а неуваженіе крестьянина къ своему помѣщику, часто ведетъ за собою непослушаніе, и неповиновеніе.

Стран. 31.

II. Ермолай и Мельничиха.

Въ этомъ рассказѣ авторъ объясняетъ читателю сперва что такое «Тяга» (техническое выраженіе у охотниковъ), потомъ знакомитъ его съ какимъ то бродягой, крестьяниномъ Ермолаемъ или Ермолкой, какъ его прозывали. Въ описаніи характера и наружности этого бродяги—охотника (онъ былъ охотникъ), ничего нѣтъ достойнаго вниманія, а потому я перейду прямо къ другой личности этого рассказа, къ Мельничихѣ. По случаю ночлега у мужа ея, мельника, авторъ рассказываетъ ея исторію, которая заключается въ томъ, что эта Мельничиха нѣкогда была горничной у жены какого то помѣщика Звѣркова; влюбилась она тамъ въ одного изъ лакеевъ, и нѣсколько разъ просила своего барина дозволить ей выдти замужъ. Но баринъ не дозволялъ, потому что барыня не могла терпѣть подлѣ себя замужнихъ; послѣдствіемъ этого отказа было то, что обыкновенно бываетъ... Замѣтивъ беременность горничной, Звѣрковъ приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ, и сослать въ деревню. Тамъ она понравилась Мельнику, который выкупивъ

ее на волю, женился на ней. Вотъ въ короткихъ словахъ и вся исторія Мельничихи.

Въ этомъ разсказѣ обратили мое вниманіе слѣдующія мѣста. Ермолай, давно уже знакомый съ Мельничихой, спрашиваетъ у ней:

Стран. 44.

— «А что Арина Тимофѣевна, чай, все хвораешь?»

— «Хвораю».

— «Что такъ?»

— «Кашель по ночамъ мучить».

1. — «Ты къ лекарю не ходи, Арина: хуже будетъ».

— «Я и то не хочу».

— «А ко мнѣ зайдѣ погостить».

— «Арина потупила голову».

2. — «Я свою то, жену то, прогоню на тотъ случай, продолжалъ Ермолай.—Право-ся».

1. Авторъ, словами Ермолая, совѣтуетъ не ходить къ лекарю, угрожая, что будетъ хуже! — Подобные совѣты вредны и пагубны для простого народа. И безъ того уже невѣжество и суевѣріе, недовѣряющія просвѣщенной опытности врачей, къ несчастію очень часто бываютъ причиной большой смертности въ простомъ народѣ.

2. Предложеніе Ермолая Мельничихѣ погостить у него въ отсутствіе его жены, которую онъ нарочно для сего прогнать хочетъ изъ дому,—въ высшей степени безнравственно. Очень понятно для чего Ермолай приглашаетъ къ себѣ Арину.

Стран. 97.

Мой сосѣдъ Радиловъ.

Вотъ содержаніе этого разсказа.

Однажды авторъ, скитаясь съ вышеупомянутымъ Ермолаемъ по полямъ за куропатками, зашелъ въ заброшенный садъ, принадлежавшій помѣщику Радилову, и тамъ встрѣтившись съ нимъ, приглашенъ былъ къ нему обѣдать.

Радиловъ жилъ въ старенькомъ домикѣ, со своей старушкой матерью и сестрой покойной жены своей. Радиловъ

былъ вдовецъ. Послѣ описанія характеровъ всѣхъ членовъ этого семейства, авторъ издалека намекаетъ читателю, что Радиловъ влюбленъ въ свою свояченицу, и что она вполне раздѣляетъ его любовь. Спустя нѣсколько времени послѣ перваго своего посѣщенія, авторъ вторично заѣхалъ къ Радилову, но не засталъ уже ни его, ни его свояченицы. Радиловъ внезапно исчезъ, бросилъ мать, уѣхалъ куда-то съ своей золовкой. Вся Губернія взволновалась и заговорила объ этомъ происшествіи, и я, прибавляетъ авторъ, только тогда окончательно понялъ выраженіе Ольгина (сваяченицы) лица во время разсказа Радилова о покойной женѣ своей. Не однимъ состраданьемъ дышало оно тогда — оно пылало также ревностью.

Ольга ревновала Радилова къ покойной родной сестрѣ своей! Мнѣ кажется разсказъ этотъ противенъ мудрымъ постановленіямъ нашей Церкви, слѣдовательно противенъ и нравственности.

Стран. 253.

Х. Бурмистръ.

Главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти богатый помѣщикъ, отставной Гвардейскій офицеръ Пѣночкинъ. Характеръ его описанъ съ самою злою ироніею. — Пѣночкинъ, какъ помѣщикъ представленъ деспотомъ,—какъ человѣкъ—либераломъ, трусомъ и подлецомъ. Послѣ сего Авторъ знакомитъ читателя съ Бурмистромъ Пѣночкина—Сафрономъ,—продувнымъ мошенникомъ, который обкрадываетъ своего барина и притѣсняетъ крестьянъ. Не смотря на это Пѣночкинъ называетъ его Государственнымъ человѣкомъ! (стран. 269).

Какая дерзость давать безграмотному мужику названіе, приобретаемое въ Государственной службѣ важными заслугами своему Отечеству! Если же въ словахъ Пѣночкина, или Автора, что одно и то же, скрывается иронія, т. е. насмѣшка надъ Государственными людьми, то тѣмъ еще хуже, тѣмъ не простительнѣе!

Но рассмотримъ по порядку, всѣ тѣ мѣста въ этой повѣсти, которыя я не могъ оставить безъ замѣчанія.

«Пѣночкинъ, говоря собственными его словами, строго, но справедливо, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага».

Своихъ подданныхъ! Странное, и даже дерзкое выраженіе. Подданные могутъ быть у одного только Государя, а не у помѣщика; Крѣпостный человѣкъ не есть подданный своего господина, онъ подданный Царя своего.

«Вѣдь вы можете быть не знаете, продолжалъ Пѣночкинъ, мои мужики тамъ на оброкѣ».

«Конституція, что будешь дѣлать?»

Говоря другими словами, это значить, что Пѣночкинъ далъ своимъ мужикамъ Конституцію.

Хотя тутъ и понятно, что Пѣночкинъ, употребивъ слово Конституція, хотѣлъ выразиться иронически, но тѣмъ не менѣе Г. Цензоръ не долженъ былъ бы допускать этого слова къ печати, вспомнивъ, что оно повторялось простымъ народомъ на сенатской площади, во время страшной Катастрофы 14 Декабря...

«Я, говоритъ авторъ, сидѣлъ въ одной Коляскѣ съ Аркадіемъ Павловичемъ (Пѣночкинымъ), и подъ конецъ путешествія почувствовалъ тоску смертельную, тѣмъ болѣе, что въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мой знакомецъ совершенно выдохся и начиналъ уже либеральничать».

Хотя тутъ и ни говорится, какія именно либеральныя мысли сообщалъ Пѣночкинъ автору; но во всякомъ случаѣ, слово либеральничать, не слѣдовало бы, мнѣ кажется, допускать къ печати.

Бурмистръ, по подачѣ ужина барину своему, прогоняетъ изъ избы своего сына, — говоря: «дескать духоты напускаешь».

Смѣшно, но не благопристойно, — грязно!

Государственный человѣкъ, бурмистръ Сафронъ, докладываетъ своему барину, что по случаю размежеванья онъ

далъ какому то «Миколою Миколоичу» взятку, а также далъ взятку и Становому приставу, по дѣлу о найденномъ на землѣ Пѣночкина мертвомъ тѣлѣ, которое, однакожъ, бурмистръ велѣлъ стащить на землю сосѣда.

«Вѣдь что батюшка думаете?»

«Вѣдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а вѣдь мертвое тѣло, что 200 руб. какъ Калачъ».

«Г. Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, указывая на него головой «Quel gaillard, а?».

Хорошъ помѣщикъ, который участвуетъ въ плутовствѣ своего бурмистра!

XI. Контора.

Описаніе Главной Господской конторы. — Тутъ представлены портреты: Главнаго кассира, дежурнаго писаря, главнаго конторщика и разныхъ другихъ лицъ, принадлежащихъ Конторѣ. — Авторъ, между прочимъ, передаетъ читателю подслушанный имъ черезъ перегородку, отдѣлявшую его комнату отъ конторы, разговоръ, происходившій между главнымъ конторщикомъ и пріѣзжимъ купцомъ, которому плутъ конторщикъ предлагаетъ такого рода сдѣлку, что онъ беретъ, если купецъ дастъ ему столько-то денегъ, обмануть свою барыню, и продать ему хлѣбъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Послѣ нѣкотораго спора и торга, купецъ соглашается на всѣ условія Конторщика и отсчитываетъ ему деньги...

Въ означенной главѣ, авторъ, вѣрный своему плану, снова насмѣхается надъ помѣщиками, выставя ихъ пошлыми глупцами и какими-то сумазбродами. Напримѣръ, на страницѣ 292—293, онъ заставляетъ дежурнаго въ конторѣ писаря разсуждать, что служить у купцовъ гораздо лучше чѣмъ у господъ.

— «А что, развѣ купцы жалованья больше назначаютъ?»

— «Сохрани Богъ. Да онъ тебя въ шею прогонитъ, коли ты у него жалованья запросишь. Нѣтъ, ты у купца живи

на вѣру, да на страхъ. И живетъ то купецъ по простотѣ по русскому, по нашинскому—Купецъ... какъ можно; купецъ не то что баринъ. Купецъ не блажить; ну, осерчаетъ—побьетъ, да и дѣло съ концомъ. Не можить, не шпыняеть. А съ бариномъ бѣда! Все не по немъ: и то не хорошо, и тѣмъ не угодилъ. Подашь ему стаканъ съ водой или кушанье—«ахъ, вода воняеть! ахъ, кушанье воняеть!»—Вынесешь, за дверью постоишь да принесешь опять—«ну вотъ, теперь хорошо, ну вотъ, теперь не воняеть». А ужъ барыни, скажу вамъ, а ужъ барыни что... или вотъ еще барышня»...

Подобныя разсужденія, какъ онѣ не нелѣпы, легко однакожъ могутъ способствовать къ уменьшенію уваженія слугъ къ господамъ своимъ.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній.

Стран. 282.

«Я подошелъ, говоритъ авторъ, къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ, и увидѣлъ старика до того дряхлаго, что мнѣ тотчасъ же вспомнился тотъ умирающій Козель, котораго Робинсонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова».

Грѣшно насмѣхаться надъ старостью. Неприлично чело­вѣка, созданнаго по образу и подобию Божію, — сравнивать съ животнымъ, съ Козломъ.

Стран. 283.

Изъ разговора съ этимъ дряхлымъ старикомъ, лишеннымъ и слуха, и зрѣнія, авторъ узнаеть, что онъ сторожить горохъ.

— «Такъ гдѣжъ тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй?»

— «А про то старшіе знаютъ».

— «Старшіе! Подумаль я и, не безъ сожалѣнія поглядѣлъ на бѣднаго старика».

Не есть ли это какая нибудь косвенная насмѣшка надъ тѣми, которые поручаютъ должности людямъ ни къ чему не способнымъ?

Стран. 287.

«На третьей картинѣ представлена была женщина въ лежачемъ положеніи, en rassoirci, съ ко-

сыми грудями, красными колѣнями и очень толстыми пятками, что, какъ извѣстно, въ глазахъ русскаго чело­вѣка достоинство не послѣднее».

Изображеніе картины не пристойное; слово грудь въ множественномъ числѣ не употребляется въ хорошемъ обществѣ, — какъ слово не приличное, отъ котораго покра­снѣетъ каждая порядочная женщина.

Стран. 303.

Собравшаяся въ контору дворян трунить надъ однимъ дворовымъ, котораго, по выраженію автора, произвели изъ портныхъ въ истопники. Въ отвѣтъ на насмѣшки, бывший портной отвѣчаетъ, что барыня приказала, а вы погодите, васъ еще въ свинопасы произведутъ.—

Мнѣ кажется что слово: производить тутъ не умѣстно, потому что у насъ принято употреблять его, когда даютъ кому нибудь чинъ. —

Вотъ всѣ замѣчанія, которыя я полагалъ нужнымъ сдѣ­лать на I-ю часть Записокъ Охотника. —

Коллежскій Совѣтникъ Егоръ Волковъ.

№ 13.

5 Августа 1852 года.

Эти тенденциознейшіе обобщенія, наблюденія и оценки, колоритно документированные в рапорте Волкова материа­ломъ откровенно якобы враждебныхъ официальной идеологии сентенцій, коллизій и характеристик «Записокъ Охотника», положены были в основаніе особой записки о новой книгѣ, представленной 12 августа 1852 г. министромъ народ­наго просвѣщенія императору Николаю одновременно с хо­датайствомъ «о высочайшемъ соизволеніи на увольненіе отъ службы» преступно пропустившаго изданіе цензора кн. В. В. Львова¹⁾.

¹⁾ Архив Министерства Народнаго Просвѣщенія: се­кретное. Дело Канцеляр. Мин. Нар. Прос. объ отставленіи отъ службы за небрежное исполненіе должности цензора московскаго цензурнаго комитета кн. Львова. Начато Августа 12 дня, 1852 г. № 166^а. *Особая Записка* (л. 6—7) и *Представленіе о кн. Львовѣ* (л. 2—5), полностью воспроизводимые в при­ложеніяхъ к этой работѣ, впервые были опубликованы нами в специальномъ

Определенность министерского восприятия «Записок Охотника» как опаснейшего памфлета, имеющего в значительной части своей «решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или еще чаще в предосудительном для их чести виде», что «без сомнения послужить может к уменьшению уважения к Дворянскому сословию со стороны читателей других состояний»¹⁾, исключала необходимость особых ссылок в всеподданнейшем представлении о книге Тургенева на дефекты ее «в других отношениях». Некоторыми соображениями Волкова пришлось пожертвовать здесь не только во избежание неуместных полемических раз'яснений и двусмысленных по существу цитат, но и в силу оснований строго прежде всего формальных: призванная раскрыть лишь конкретное вполне содержание обвинительной формулы первого представления, «особая записка» не могла заключать в себе материал, хоть сколько нибудь выходящий из рамок этого чисто служебного ее назначения.

издания архива цензуры и печати — «Литературный Музеум» (СПБ, 1919, т. I, стр. 315—326); некоторыми данными этих официальных источников оперировал ранее В. В. Стасов в своем очерке «Цензура в царствование Императора Николая I» («Рус. Стар.», 1903, XII, 696—697).

¹⁾ Это характернейшее по своей откровенности остро классовое восприятие «Записок Охотника» совершенно совпадает с тем впечатлением от них в определенных кругах, о котором свидетельствует, напр., П. В. Анненков: так, известная поэтесса «графиня Растопчина (ур. Сушкова), получив книгу, заметила перед Чаадаевым: „voilà un livre incendiaire"... Мы знали вельможу — ссылаемся далее на тот же источник — очень образованного и гуманного, не мало способствовавшего и облегчению уз нашей печати, который до конца своей жизни думал, что успехом своей книги Тургенев обязан французской манере возбуждения одного сословия против другого" («Вест. Евр.», 1884, II, 455). «Я сам перечитываю теперь „Записки Охотника" — писал 4 октября 1852 г. Тургеневу дружественно расположенный к нему И. С. Аксаков — и не понимаю, каким образом Львов решился пропустить их. Это стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта. Все это дает книге огромное значение, независимо от ее литературного достоинства" («Рус. Обозр.», 1894, VIII, 476). Ср. также характерные указания М. Н. Ломтинова на «множество нареканий» при появлении отдельного издания «слишком смелых» для своего времени «Записок Охотника» («Рус. Вест.», 1861, II, 913).

Намеренно не предпреляя ни дальнейшего направления следствия, ни связанных неразрывно с ним новых репрессий, кн. Ширинский-Шихматов всецело предоставил определение как первого, так и вторых Высочайшей инициативе. Однако, императора Николая в деле о «Записках Охотника» прежде всего заняли обстоятельства, связанные с нарушением кн. Львовым своего служебного долга, и, в то время как неожиданно оставлен им был открытым вопрос и об из'ятии беспрепятственно расходившейся книги и о примерном взыскании с ее автора, все попытки «смягчения жребия» опального цензора заранее обрекались на неудачу. Лаконическая резолюция 15 августа — «отставить за небрежное исполнение своей должности»¹⁾, подкрепленная 21-го сентенцией «явное небрежение, а может быть и умысел не могут оставаться без должного взыскания в пример другим»²⁾ (л. 19), не оставляла, правда, сомнений в особенностях монаршей оценки «Записок Охотника», но ликвидация «дела» о них определенно предрешена была тем не менее лишь в одном направлении.

Сказалась ли здесь фактическая невозможность парализовать действие «Записок Охотника» путем той или иной формы из'ятия их из обращения, сознание ли неизбежности тем самым совершенно противоположных результатов — искусственного повышения интереса к тургеневским очеркам и возбуждения вокруг них предосудительнейших толков — но высочайше предопределенный исход следствия 1852 года

¹⁾ 17 августа 1852 г. министр народного просвещения сообщил о высочайшем повелении об отставке кн. Львова главноуправляющему инспекторским департаментом гражданского ведомства А. С. Танееву, а 22-го, с изложением «конфиденциально» обстоятельств дела, управляющему московским учебным округом и московскому генерал-губернатору (Архив Мин. Нар. Прос., оп. cit., л. 20—23).

²⁾ Вторая резолюция положения была на всеподданнейшем представлении кн. Ширинского-Шихматова о «смягчении жребия статского советника князя Львова», мотивированном тем, что «об'явление в высочайшем приказе по всему государству, что он отставляется за небрежное исполнение своей должности, до такой степени усилило бы постигшее его несчастье, что едва ли он был бы в состоянии пережить его». Ср. дальнейшие перипетии «дела» о князе Львове в «Литерат. Музеуме», оп. cit., стр. 405—406.

об опасном московском издании оказался в общем необычайно благоприятным и для автора и для произведения¹⁾. В связи с этим уже 21 октября выяснение возможности для Тургенева «писать и печатать» привело к положительным результатам²⁾, никаких препятствий вольной продаже «Записок» чиниться более не могло, и лишь строжайшее запрещение в течение нескольких лет нового издания «зажигающей книги» напоминало о совершенно исключительных условиях допущения ее выхода в свет³⁾.

¹⁾ В кратких автобиографических сведениях, сообщенных Тургеневым для «Всемирной Иллюстрации» в письме от 8 марта 1869 г. к К. К. Случевскому сделана была, однако, несколько неожиданная оговорка: „в 1852 г. за напечатание статьи о Гоголе (в сущности за „Записки Охотника“) отправлен на жительство в деревню“... (Пер. пол. соб. писем И. С. Тургенева, СПб, 1884, стр. 155). Обобщение это, явно неточное и случайное, немедленно принято было П. В. Анненковым („Вест. Евр.“, 1882, II, 465) и встречается нередко до сих пор как в общей, так и специальной литературе.

²⁾ „Мы спрашивали о тебе — сообщал Тургеневу 21 октября 1852 г. Некрасов — и нам сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крылов (это уже он для себя) заметил, что лучше, если ты будешь представлять свои произведения в целом, чтобы можно было видеть идею сочинения“ (А. Н. Пыпин, *op. cit.*, стр. 111).

³⁾ Ср. „Дело Главного Управления Цензуры по представлению СПб. Цензурного Комитета о дозволении к новому изданию книги „Записки Охотника“. Начато апреля 14 дня 1856 г., № 102“, опубликованное в книге А. Mazon. *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov*, Paris, 1914, стр. 344 — 356. Материал этого „дела“, подкрепленный данными обширной переписки Тургенева о недопущении в течение нескольких лет перепечатки „Записок Охотника“, не оставляет места наивным предположениям М. М. Стасюлевича (в предисловии к посмертному пол. соб. соч. Тургенева) о медленном расходе издания 1852 г. Ср., напр., живое и авторитетное свидетельство Н. А. Добролюбова в февральской книге „Современника“ за 1859 г., „спешащего сообщить читателям“, что „приготавливаются к печати „Записки Охотника“ И. С. Тургенева, нового издания которых уже несколько лет с таким нетерпением ожидала терпеливая русская публика. Эта новость уже не в предположениях только, а в действительности: мы видели наконец экземпляр „Записок Охотника“, одобренный цензурою к новому изданию. Месяца через два книга эта появится в свет“ („Современ.“, 1859, II, „Новые книги“, стр. 289).

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Секретное всеподданнейшее представление министра народного просвещения об увольнении от службы цензора князя В. В. Львова за пропуск «Записок Охотника».

Секретно.

О Ценсорѣ Князѣ
Львовѣ.

Отставить за небрежное исполнение своей должности.

Собственно Его Императорскаго Величества рукою написано карандашомъ: „Отставить за небрежное исполнение своей должности“.

Въ Петергофѣ
15 Августа 1852 г.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

Отъ 19 Мая сего года я всеподданнѣйше доносилъ Вашему Императорскому Величеству о предосудительномъ содержаніи вышедшаго въ свѣтъ въ текущемъ году перваго тома Московскаго Сборника, съ присовокупленіемъ, что Цензору Статскому Совѣтнику Князю Львову, за необращеніе подробнаго и отчетливаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ, при чемъ я внушилъ ему лично, что за подобную впредь неосмотрительность онъ будетъ подвергнутъ строжайшему по законамъ взысканію.

Отъ 14 протекшаго мѣсяца Генералъ-Лейтенантъ Дубельтъ сообщилъ мнѣ, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ Общество Славянофиловъ, имѣющее цѣлю сдѣлать переворотъ въ Русской Литературѣ, не подражать иностраннымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего Общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго, но подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ оно легко можетъ получить вред-

ное политическое направление, тѣмъ болѣе что члены онаго большею частію литераторы.

Въ слѣдствіе сего Ваше Величество Высочайше повелѣть соизволили, дабы на представляемые какъ отъ поименованныхъ въ особомъ списокѣ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ Славянофиловъ, было обращено со стороны Цензуры особенное и строжайшее вниманіе.

Въ доставленномъ мнѣ тогда же списокѣ извѣстныхъ Славянофиловъ показанъ былъ и Ценсоръ Князь Львовъ.

Въ тоже время Генералъ-Лейтенантъ Дубельтъ, по Высочайшему повеленію, обратился ко мнѣ съ словеснымъ вопросомъ: не признаю ли я нужнымъ уволить Князя Львова отъ должности Ценсора? — Я осмѣлился выразить мысль свою, что какъ дѣло о Московскомъ Сборникѣ уже кончено; то увольненіе, безъ объявленія причины, могло бы подать поводъ Князю Львову жаловаться на мнимую несправедливость такого въ отношеніи къ нему распоряженія и вообще послужить къ распространенію превратныхъ объ этомъ толковъ. Посему я съ своей стороны полагалъ оставить его на нѣкоторое время въ Ценсорской должности подъ строгимъ съ моей стороны наблюденіемъ, съ тѣмъ, чтобы я немедленно донесъ Вашему Императорскому Величеству, какъ скоро только замѣчу, что онъ не воспользовался сдѣланными ему внушеніями и строгимъ выговоромъ. Такое мнѣніе мое я просилъ Генералъ-Лейтенанта Дубельта всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Между тѣмъ въ текущемъ году напечатана въ Москвѣ книга Записки Охотника, сочиненіе Ивана Тургенева, въ двухъ частяхъ. Разрѣшеніе на печатаніе ея дано Ценсоромъ Княземъ Львовымъ. Значительная часть помѣщенныхъ въ ней частей имѣетъ рѣшительное направленіе къ униженію помѣщиковъ, которые представляются вообще или въ смѣшномъ и карикатурномъ, или чаще въ предосудительномъ для ихъ

чести видѣ, какъ Ваше Величество усмотрѣть изволите изъ подносимой при семъ особой записки. Распространеніе столь невыгодныхъ мнѣній на счетъ помѣщиковъ, безъ сомнѣнія, послужить можетъ къ уменьшенію уваженія къ Дворянскому сословію со стороны читателей другихъ состояній.

Пропускомъ этой книги прежняя вина Ценсора, Статскаго Совѣтника Князя Львова, усугубляется, и послѣ этого я не могу по крайней мѣрѣ не признать его неспособнымъ къ ценсорской должности.

Въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ о Ценсурѣ (о предупрежденіи и пресѣч. преступ. прил. къ ст. 147) въ ст. 67 сказано:

Ценсоръ, оказавшійся неспособнымъ къ отправленію сей должности, не по злоупотребленіямъ или упущеніямъ умышленнымъ, а по какимъ либо другимъ причинамъ, увольняется отъ оной по представленію Попечителя и по опредѣленію Главнаго Управленія Цензуры, съ Высочайшаго утвержденія; но сіе не имѣетъ никакого вліянія на свидѣтельство о безпорочной его службѣ и на продолженіе оной по другимъ частямъ.

На этомъ основаніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества на увольненіе отъ службы Ценсора, Статскаго Совѣтника Князя Львова.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

№ 67.

12 Августа 1852.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ.

ОСОБАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ «О СОДЕРЖАНИИ КНИГИ ЗАПИСКИ ОХОТНИКА С ВЫПИСКАМИ ИЗ НЕЕ».

О содержаніи книги
Записки Охот-
ника съ выписками
изъ нея.

*Разсмотрѣна Государ-
ствомъ Императоромъ 15
Августа 1852 г.*

Иванъ Тургеневъ напечаталъ въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ Записки Охотника, въ двухъ частяхъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Сочинителю, занимающемуся охотою, представляются часто случаи сближаться съ помѣщиками, посѣщать ихъ въ домахъ, говорить съ крестьянами и подслушивать ихъ рѣчи между собою. Онъ пользовался всѣми этими средствами, чтобы описывать быть тѣхъ и другихъ въ разсказахъ, которыхъ число простирается до 22 и которые по большей части не имѣютъ никакой между собою связи. Дѣйствіе происходитъ въ Орловской и Калужской губерніяхъ.

Прочитавъ Записки Охотника съ особеннымъ вниманіемъ, я нашелъ, что помѣщики вообще представлены здѣсь съ самой невыгодной стороны, нерѣдко въ смѣшномъ и карикатурномъ, а чаще въ предосудительномъ видѣ. Приемлю смѣлость изложить характеристику ихъ, въ краткихъ чертахъ, только въ послѣднемъ отношеніи.

Такъ герой перваго разсказа Полутыкинъ, пристращенный къ охотѣ, ежедневно беретъ съ собою вѣрнаго слугу своего, крестьянина Калиныча,

отвлекая его отъ домашнихъ работъ и хозяйства, и подарилъ ему за то на лапти въ прошломъ году гривенникъ.

Во второмъ разсказѣ сочинитель знакомитъ читателей съ крестьяниномъ Ермолаемъ, также охотникомъ, котораго онъ выбралъ себѣ въ товарищи и который принадлежалъ одному изъ его сосѣдей. «Ермолаю, говоритъ онъ, было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ челоѣка ни на какую работу негоднаго, лядащаго, какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дрови, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки». Затѣмъ, по случаю ночлега у мельника, сочинитель рассказываетъ, что жена его была нѣкогда горничной у жены помѣщика Звѣркова, влюбилась въ лакея Петра и неоднократно просила своего барина дозволить ей выдти замужъ, но въ этомъ ей было отказано съ угрозою, потому что барыня не могла терпѣть подлѣ себя замужнихъ. Послѣдствіемъ отказа была беременность горничной, за что Звѣрковъ приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Тамъ она понравилась мельнику, который ее выкупилъ на волю и на ней обвѣнчался. На вопросъ сочинителя, гдѣ теперь лакей Петръ, — Ермолай отвѣчалъ: «въ солдаты поступилъ».

Здѣсь сочинитель вспомнилъ, что будучи въ Петербургѣ, онъ случайнымъ образомъ познакомился съ Звѣрковымъ, занимавшимъ тогда довольно важное мѣсто, и что разъ какъ то пришлось ему ѣхать съ нимъ вдвоемъ въ каретѣ за-городъ. Въ эту поѣздку Звѣрковъ разсказалъ происшествіе съ горничною, призрѣнною и обласканною его женою съ малолѣтства, какъ доказательство черной неблагодарности дворовыхъ людей, и въ заключеніе промолвилъ: «сердца, чувства — нѣтъ, въ этихъ людяхъ не ищите».

Въ третьемъ разсказѣ сочинитель говоритъ между прочимъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его деревни большое село Шумихино, гдѣ противъ церкви красовались нѣкогда обширные господскіе хоромы, и когда они сдѣлались жертвою пламени, господа перебрались въ другое гнѣздо, а обширное пепелище обратилось въ огородъ. Здѣсь поселили садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семью дѣтьми. «Митрофану приказали поставлять на господскій столъ за полтора ста верстъ зелень и овощи; Аксиньѣ поручили надзоръ за Тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но, къ сожалѣнію, лишенной всякой способности воспроизведенія и потому со времени пріобрѣтенія не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатого дымчатого селезня, единственную господскую птицу». У этого садовника случалось сочинителю раза два переночевывать, и здѣсь то онъ увидѣлъ впервые Степушку, который не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. «Дѣдушка Трофимычъ только разъ сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей Турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти».

Недалеко отъ хижины садовника, сочинитель нашелъ Степушку въ обществѣ старика, удившаго рыбу, который служилъ нѣкогда дворецкимъ у Графа Петра Ильича*** и получилъ отъ него отпускную. Этотъ дворецкій, по прозванію Туманъ, пустился въ розсказни о пышности и великолѣпіи бывшего своего господина; но имѣнья его, къ несчастью, не хватило на цѣлую жизнь, разорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста, и умеръ въ номерѣ гостиницы, не дождавшись никакого рѣшенія.—«Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ баринъ, продолжалъ старикъ, и душа была тоже добрая. Побьетъ, бывало, тебя; смотришь, ужъ и позабылъ. Одно: матресокъ держалъ. Охъ ужъ эти матрески, прости Господи! Онѣ-то его и

разорили. И вѣдь все больше изъ низкаго сословія выбиралъ. Кажись, чего бы имъ еще. Такъ иѣтъ,—подавай имъ что ни на есть самого дорогаго въ цѣлой Европіи. И то сказать: почему не пожить въ удовольствіи, дѣло господское... да разоряться-то не слѣдъ. Особенно одна: Акулиной ее называли; теперь она покойница, Царство ей небесное! Дѣвка была простая, Ситовскаго десятскаго дочь, да такая злущая. По щекамъ бывало Графа бьетъ. Околдовала его совсѣмъ. Племяннику моему лобъ забрила... на новое платье щеколатъ ей обронила, и не одному ему забрила лобъ».

Между тѣмъ какъ Туманъ припоминалъ старинное житіе-бытіе, приблизился къ нимъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, Власъ, запятый, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Туманъ поздоровался съ нимъ и спросилъ, гдѣ онъ пропадалъ? — Изъ послѣдовавшаго затѣмъ разговора видно, что Власъ, у котораго умеръ сынъ, ходилъ въ Москву къ барину просить чтобъ оброку сбавилъ, а въ барщину посадилъ или переселилъ. Покойникъ извоничалъ въ Москвѣ и за отца вносилъ оброкъ, но передъ смертію съ годъ хворалъ и за себя оброку не взнесъ.

Баринъ прогналъ Власа, сказавъ ему: какъ смѣешь прямо ко мнѣ итти? на то есть прикащикъ, которому ты и обязанъ напередъ донести; да и куда я тебя переселю? ты сперва недоимку за себя взнеси. Власъ съ горемъ поспѣшилъ назадъ домой, гдѣ, по словамъ его, жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ. Графъ*** Валеріанъ Петровичъ, владѣтель Власовой деревни, посадилъ ее на оброкъ, не смотря на малость земли, да и лѣсъ изъ нея продалъ, а оброку назначилъ до 95 рублей съ тягла.

Въ пятомъ разсказѣ, авторъ, скитаясь съ Ермаемъ по полямъ за куропатками, зашелъ въ заброшенный садъ, принадлежавшій сосѣду его, помѣщику Радилову, гдѣ приглашенъ былъ къ нему обѣдать. Радиловъ былъ вдовецъ, жившій со старушкою матерью

и сестрой покойной жены своей, Ольгой. Послѣ описанія этого семейства, сочинитель намекаетъ, что Радиловъ влюбленъ въ свояченицу и что она вполне раздѣляетъ его любовь. Черезъ нѣсколько времени онъ вторично заѣхалъ къ Радилову, но не засталъ уже ни его, ни его свояченицы: онъ уѣхалъ куда то съ нею и бросилъ мать. Вся Губернія взволновалась отъ такой вѣсти, и я, прибавляетъ сочинитель, только тогда окончательно понялъ выраженіе Ольгина лица во время разговора Радилова о покойной женѣ своей. «Не однимъ состраданіемъ дышало оно тогда — оно пылало также ревностію».

Въ шестомъ разсказѣ одиодворецъ Овсяниковъ разсуждаетъ такъ: «молодые господа прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю; пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ, какъ съ куклой, поступаютъ: повертять, повертять, поломаютъ да и бросятъ. И прикащикъ, крѣпостной человѣкъ, или управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ, опять крестьянина въ лапы заберетъ». Далѣе Овсяниковъ разсказываетъ, какъ Василій Николаичъ Любозвоновъ, получивъ наслѣдство послѣ матери, пріѣхалъ и что дѣлалъ въ своей вотчинѣ. Поздоровавшись съ крестьянами, сталъ онъ имъ рѣчь держать: «я де Русскій и вы Русскіе; я Русское все люблю; Русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже Русская». Да вдругъ какъ скомандуетъ:—«а ну, дѣтки, спойте-ка Русскую, народственную пѣсню!»—Василій Николаичъ позвалъ къ себѣ прикащика и говоритъ, а самъ краснѣетъ и дышетъ скоро: «будь справедливъ у меня! не притѣсняя никого! слышишь?»—да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ: въ собственной вотчинѣ живетъ словно чужой. Ну, прикащикъ и отдохнулъ, а мужики къ Василью Николаичу подступиться не смѣютъ—боятся.

Въ этомъ же разсказѣ упоминается о чиновникѣ, пріѣхавшемъ для осмотра запасныхъ магазиновъ. Крестьяне собрались и рѣшили: чиновника, какъ слѣдуетъ,

отблагодарить, да старикъ Прохорычъ помѣшалъ. Крестьяне послушались послѣдняго, а чиновникъ осерчалъ и донесеніе написалъ.

Въ седьмомъ разсказѣ босоногій, оборванный и взѣрошенный дворовый, по прозванію Сучокъ, разсказываетъ, какія онъ проходилъ разнородныя должности и какъ наконецъ сдѣлался рыболовомъ, а на вопросъ: женатъ ли—отвѣчаетъ: «нѣтъ, батюшка. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное — никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало говорить: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ; что за бабство! чего имъ надо?»

Въ десятомъ разсказѣ главное дѣйствующее лицо отставной гвардейскій офицеръ Пѣночкинъ. Какъ помѣщикъ, представленъ онъ самовластнымъ, а какъ человѣкъ, либераломъ и трусомъ. У него Бурмистромъ Софронъ, отъявленный мошенникъ, который обкрадываетъ господина и притѣсняетъ крестьянъ. Не смотря на это, Пѣночкинъ называетъ его человѣкомъ Государственнымъ. Помѣщикъ этотъ, какъ онъ говоритъ самъ о себѣ, «строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага». Здѣсь должно замѣтить, что хотя въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ слово подданные и употребляется въ простомъ народѣ для изъясненія своей зависимости, то помѣщиковъ, но никогда не должно оно появляться въ этомъ смыслѣ въ печати и въ устахъ самого помѣщика. «Вѣдь вы можете быть знаете, продолжаетъ Пѣночкинъ, мои мужики тамъ на оброкѣ». «Конституція, что будешь дѣлать». — Хотя слово конституція и употреблено въ насмѣшливомъ тонѣ, но Ценсурѣ не слѣдовало бы пропускать его.

Далѣе Бурмистръ докладываетъ своему барину, что онъ, по случаю размежеванія, далъ какому-то Миколѣ Миколаевичу взятку, а также задобрилъ благодарностію Становаго Пристава по дѣлу о найденномъ на землѣ Пѣночкина мертвомъ тѣлѣ, которое однакожъ велѣлъ стащить на землю сосѣда. «Вѣдь что батюшка

думаете? Въдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а въдь мертвое тѣло, что двѣсти рублей-какъ калачъ». Г. Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ, указывая на него головой: *Quel gaillard, a?*

Два мужика, одинъ старикъ лѣтъ шестидесяти, а другой малый лѣтъ двадцати, оба въ домашнихъ заплатанныхъ рубахахъ, на босу ногу и подпоясанные веревками, принесли жалобу на бурмистра, что онъ ихъ разоряетъ въ конецъ, двухъ сыновъ старика безъ очереди отдалъ въ рекруты, а теперь и третьяго отнимаетъ. Пѣночкинъ нахмурился, закусилъ губу и подошелъ къ просителямъ. Началъ спрашивать ихъ грозно и бранить. Судъ кончился тѣмъ, что баринъ, не глядя на мужиковъ, сказалъ имъ наконецъ: «Ну хорошо, я прикажу, хорошо, ступайте», и обернулся къ нимъ спиною.

Въ рассказѣ одиннадцатомъ — описаніе Главной Господской въ деревнѣ Конторы. Послѣ характеристическаго изображенія дѣйствующихъ въ ней лицъ, сочинитель подслушиваетъ черезъ перегородку разговоръ между главнымъ конторщикомъ и пріѣзжимъ купцомъ, которому первый предлагаетъ такого рода сдѣлку, по которой, если купецъ дастъ ему столько то денегъ, онъ берется обмануть госпожу свою и продать ему хлѣбъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Послѣ нѣкотораго спора и торга купецъ соглашается на условія конторщика и отсчитываетъ ему деньги.

Тутъ же сочинитель рассказываетъ, что онъ подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидѣлъ старика до того дряхлаго, что ему тотчасъ вспомнился тотъ умирающій козелъ, котораго Робинсонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Изъ разговора съ этимъ старикомъ, лишеннымъ и слуха и зрѣнія, авторъ узнаетъ, что онъ сторожитъ горохъ. «Такъ гдѣжь тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй?..» сказалъ ему сочинитель. — «А про то старшіе знаютъ» — отвѣчалъ старикъ. «Старшіе, подумалъ я, говорить

сочинитель; и не безъ сожалѣнія поглядѣлъ на бѣднаго старика».

Собравшаяся въ контору дворня надсмѣхается надъ однимъ дворовымъ, котораго произвели изъ портныхъ въ истопники. На это бывший портной отвѣчаетъ, что такъ приказала барыня, а вы погодите, васъ еще въ свинопасы произведутъ. Ироническое употребленіе слова производить ни подъ какимъ видомъ не должно было показываться въ печати, потому что употребляется у насъ при повышеніи чинами въ Государственной службѣ.

Въ тринадцатомъ рассказѣ, сочинитель такъ описываетъ отставнаго Генераль-Маіора Хвалынскаго: «Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой; взялъ къ себѣ въ управители отставнаго Вахмистра, Малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ въ дѣлѣ хозяйничества никто у насъ еще не переполюлялъ одного Петербургскаго важнаго сановника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что овины у него въ имѣніи часто подвергаются пожарамъ, отдалъ строжайшій приказъ: впредь до тѣхъ поръ не сажать сноповъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ же самый сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля макомъ». — Продолжая, за этой выходкою, рѣчь о Хвалынскомъ, сочинитель говоритъ, что «состоялъ онъ въ молодые годы адъютантомъ у какого то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ, какъ по имени и отчеству; говорятъ, будто онъ принималъ на себя не однѣ адъютантскія обязанности: да не всякому слуху можно вѣрить».

«А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? говорить въ этомъ же рассказѣ помѣщикъ Стегуновъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ (указывая на свой затылокъ). И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу».

Въ рассказѣ восемнадцатомъ, описавъ наружность и характеръ Каратаева, сочинитель передаетъ читателю,

разсказанный ему этимъ помѣщикомъ эпизодъ изъ своей жизни. Влюбившись въ крѣпостную дѣвку одной помѣщицы, онъ хотѣлъ было ее выкупить на волю; но такъ какъ ея барыня на то не согласилась, то онъ увезъ свою возлюбленную. Барыня, какъ водится, подала объявленіе о побѣгѣ своей дѣвки, не подозрѣвая, что она живетъ у Каратаева. Въ послѣдствіи удосто- вѣрившись въ этомъ, помѣщица подала въ судъ жалобу, да тутъ же, какъ выразился Каратаевъ, и благодар- ность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Къ Каратаеву явился исправникъ съ требованіемъ отъ него бѣглянки; но по- хититель, угостивъ его хорошимъ завтракомъ и пред- ложивъ ему свою лошадь въ подарокъ, на что тотъ и согласился, выпроводилъ Уѣзднаго блюстителя порядка изъ своего дома. Въ послѣдствіи дѣвка сама вздумала явиться къ госпожѣ своей и это повергло Каратаева въ отчаяніе.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Донесение коллежского секретаря Галова о первопечатныхъ текстахъ «Записокъ Охотника»¹⁾.

Записки Охотника, соч. Ив. Тургенева, вы- ходили въ свѣтъ въ Современникѣ въ 1847, 1848, 1849, 1850 и 1851 годахъ, въ нынѣшнемъ же году онѣ напе- чатаны въ Москвѣ въ двухъ томахъ и были препро- вождены въ Канцелярію Его Сіятельства изъ Москов- скаго Цензурнаго Комитета при отношеніи отъ 13 мая сего года за № 160. Внимательно прочитавъ и бук- вально сличивъ рассказы, напечатанные въ семъ изда- ніи съ разсказами помѣщенными въ Современникѣ, на- хожу нижеслѣдующее:

Разсказы въ Запискахъ Охотника, числомъ 22, никакой связи не имѣютъ между собою, слѣдователь- но, если они въ первомъ изданіи расположены въ од- номъ порядкѣ, а въ послѣднемъ изданіи въ другомъ, то это не можетъ имѣть особенной важности. Содер- жаніе разсказовъ осталось вездѣ одно и то-же. Толь- ко разность въ выраженіи нѣкоторыхъ словъ и мѣстъ. Въ первомъ изданіи, сравнительно съ послѣднимъ, раз- сказы какъ-то не полны. Въ изданіи же вышедшемъ

¹⁾ 18 августа 1852 г., не достаточно, очевидно, еще уяснивъ себе тотъ неожиданный оборотъ, который получило „дело“ о „Запискахъ Охотника“ после всеподданнейшаго о нихъ представленія, кн. Ширинскій-Шихматовъ распорядился „поручить г. Галову сличить рассказы въ „Запискахъ Охот- ника“, напечатанныхъ въ двухъ частяхъ, съ помѣщенными отдѣльно въ періо- дическихъ сочиненіяхъ, и объ измѣненіяхъ въ послѣднемъ изданіи составить записку“. Требуемая „записка“ (ор. cit., 1852 г., № 77, л. 26—30) была за- кончена составленіемъ 25 августа, черезъ четыре дня прочтена министромъ, но никакого применения, сколько известно, не получила. Следуетъ отметить, что на десятки летъ погибшее въ цензурномъ делопроизводствѣ невольное „розысканіе“ коллежского секретаря Галова о первопечатныхъ текстахъ „Записокъ Охотника“ до настоящаго времени не утратило интереса, какъ все еще единственный трудъ в области лишь эпизодически освещенной в по- мянутыхъ выше специальныхъ экскурсахъ А. Е. Грузинскаго и Г. З. Кунцевича.

въ Москвѣ ясно видно, что это собраніе разсказовъ Г. Тургенева, было пересмотрѣно, исправлено и дополнено. Нѣтъ ни одной статьи, которая, по изложенію, была бы совсѣмъ и даже много измѣнена. Изъ сличенія этихъ двухъ изданій оказались перемѣны трехъ родовъ.

Къ первому роду принадлежитъ замѣна одного или нѣсколькихъ словъ другими словами. Эту перемѣну словъ повидимому авторъ сдѣлалъ для вѣрности и ясности дѣйствія и чтобъ усилить выраженіе, а именно:

Въ Современникѣ	въ последнемъ изданіи	
	страница	часть I-я.
критическій	21	ироническій
проклятый брюхачъ	43	толстый брюхачъ
Жена, чай, теперь ждетъ, да не дожидется.	71	Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ.
больная находилась въ отчаяніи.	81	больная находилась в опасности.
высокой	113	важной
около одной четверти версты.	169	около двухсотъ шаговъ.
мигая	183	щурясь
колесо скоро остановилось.	188	колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало.
Да какъ же это русалка могла душу его спортить?		Да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить.
быстрымъ бѣгомъ.	191	быстрой ѣздой.
Лѣшій идетъ! ой лѣшій идетъ!	196	Тришка идетъ! ой Тришка идетъ!
до первыхъ шереховъ и шелестовъ утра, до первыхъ росинокъ зари.	202	до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари.
Водяной ее сгубилъ.	202	Водяной ее испортилъ.
стоитъ она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ.	207	топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ.
Право.	209	Ей Богу.
болѣзненного недоумѣнія.	217	непріятнаго недоумѣнія.
Сына своего Софронъ прогналъ.	266	Сына своего старикъ прогналъ.
дѣлать („совѣты“).	270	дѣлать („совѣты“)

въ Современникѣ	въ последнемъ изданіи	
	страница	
переступать ногами.	300	переступать съ ноги на ногу.
не тебя она оставитъ.	313	не удержишься ты, голубчикъ!
		часть II-я
добрые мужики.	10	сосѣдніе мужики.
Дѣвочка спала на полу.	16	Дѣвочка улеглась.
да постой, не долго тебѣ царствовать:	19	да постой, не долго тебѣ чваниться:
съ жирными волосиками	49	съ черными волосиками.
Какой то бѣлокурый молодой человекъ	66	бѣлокурый офицерчикъ
ни малѣйшаго толку не смыслилъ	83	рѣшительно ничего не смыслилъ.
господскій.	123	помѣщичій.
для деревенскаго жителя.	123	для Русскаго человѣка.
всякихъ гостей.	124	мелкихъ дворянъ.
что другіе совсѣмъ не подозреваютъ.	124	чего не подозреваетъ самый проныцатель Становой.
Крикуны.	125	Пьяницы-крикуны.
пьютъ воду изъ стоячаго пруда.		пьютъ какую то жидкую грязцу изъ пруда, но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою?
	126	
	128	
	132	
	134	
	135	
Дикарь	138	Дикій баринъ.
	142	
	145	
	148	
	151	
	152	
На лавкѣ въ передвѣмъ углу	132	на лавкѣ подъ образами.
тѣсно	132	плотно
на столъ	134	на стойку
вдругъ пропалъ.	138	бѣжалъ
въ старосты	139	въ приказни
Педантъ	143	Нѣмецъ
Пой какъ умѣешь.	148	Пой какъ Богъ тебѣ велитъ
сильный	149	твердый
„При долинушкѣ стояла, калину ломала“, пѣлъ онъ,	149	„Не одна во полѣ дороженька пролегала“, пѣлъ онъ,—

въ Современникѣ		въ послѣднемъ изданіи
смутный говоръ	154	нестройный, смутный гамъ.
Иной мужика деретъ какъ липку,		Иной Богъ знаетъ что дѣлаетъ,
превосходнаго	163	сильнаго („образованія“)
Половые	182	Прислуга.
Половой	183	Мальчикъ.
стволомъ	191	пнемъ.
паневу	193	юбку
чрезвычайно плѣнительна	193	очень мила
а онъ стоялъ.	200	а онъ лежалъ, развалясь.
ласки	200	обожаенье.
каково	202	просто скверность.
Викторъ остановился.	203	Викторъ опять улегся.
Вѣдь я здѣсь остаться не могу?	204	Вѣдь я на тебѣ жениться не могу?
за немилаго придется итти мнѣ		за немилаго выдадутъ сироти-
сиротиночкѣ	204	ночку.
гостей.	209	} дворянъ.
	210	
господинъ, жался	211	помѣщикъ, стоялъ
иностранца	211	мастера.
пансіонъ	235	университетъ
всѣмъ моимъ имѣніемъ упра-		всѣми вотчинами вольноотпу-
вляющему		щенному дворовому человѣку
	238	Василію Кудряшеву.
матери	244	отставной полковницы
сосѣдки	244	полковницы
возвышалась	245	красовалась
закрылъ	257	зарылъ
возразилъ	257	спросилъ
своему брату	263	дворянину
перепугнуть	270	перепоротъ
глухой	272	совершенно тупоумный
Наслѣдникъ! Наслѣдникъ!		Помѣщикъ! вотъ онъ новый
	279	помѣщикъ.
Но пора проститься съ вами	310	Однако, пора кончить.
читатель.		

Ко второму роду принадлежатъ слова, фразы и цѣлыя мѣста, прибавленные въ послѣднемъ изданіи, для полноты, опредѣленности мысли и красоты описаній. Сюда принадлежатъ также впечатлѣнія, которые

здѣсь выражены словами, но въ Современникѣ были обозначены точками. Выписать всѣ эти перемѣны нужно очень много мѣста, а въ особенности не дастъ полного понятія, то и обозначаются здѣсь названія страницъ, на которыхъ карандашемъ объяснены эти перемѣны:

Часть I-ая, стр. 21, 57, 62, 68, 69, 70, 72, 78, 89, 108, 165, 177, 188, 190, 195, 200 по 201, 205, 207, 209, 210, 212, 236, 241, 242, 249, 259, 274, 284, 288, 297 и 306.

Часть II-ая 12, 15, 47, 54, 117, 121, 124, 126, 127, 129, 141, 142—143, 145, 146, 154—155, 156, 159, 165, 174, 175, 178, 198, 199, 202, 209, 211, 212 до 224, 232, 233, 239, 250, 251, 257, 268, 269, 271, 273, 274, 277, 278, 283 295, 307, 308 и 309.—

Къ третьему роду принадлежатъ слова и мѣста, которыя были помѣщены въ Современникѣ, а выпущены въ послѣднемъ изданіи, и именно,

Часть I-ая, на стр. 20-ой не помѣщено:

„Хоръ походилъ болѣе на Гете, а Калинычъ болѣе на Шиллера“.

„Калинычъ, какъ человѣкъ не посредственный“,

стр. 24. Онъ („Хоръ“) дѣйствительно понималъ свое положеніе. Въ десяти верстахъ отъ усадьбы находилось до тла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владѣлецъ этого села ходилъ, вѣроятно потѣхи ради, въ мурмоликъ, и рубашку носилъ съ косымъ воротникомъ. Думаете ли вы, что Хоръ промолчалъ объ этой мурмоликѣ, что эта мурмолика его ослѣпила? Какъ бы не такъ!..

на стр. 128. „Что крестьяне намъ отъ Бога поручены“,—

на стр. 135. „съ безсрочными“,

на стр. 209. „Павлуша, Павлуша. Я слушаю, а тотъ опять зоветъ“:

на стр. 253. „Гвардейскій“ (офицеръ)

на стр. 281. „Соломенный“ (шалашъ)

на стр. 217. „Нагнулся съ облучка, посмотрѣлъ“,

на стр. 238. „Случится, такъ въ церкви Божіей на крылось меня берутъ по праздникамъ. Я службу знаю и“

на стр. 250. „Я съ тѣхъ поръ не видалъ Касьяна. Его слышно, опять вернули на Красивую Мечь“.

на стр. 303. „Изъ господской власти вышли, что-ли?“

на стр. 306. „Остальная“ ватага.

Часть II-ая, на стр. 64. „увѣрялъ въ отличныхъ качествахъ лошади“,

на стр. 83. „или какъ они выражаются къ хундонжеству и къ хундонжникамъ“.

на стр. 89. „и по цѣлымъ недѣлямъ“.

на стр. 116. „Я его перебилъ“,

на стр. 170. „Исусе Христе“.

на стр. 177. „Да вѣдь съ радости заплакалъ, а вы что подумали? Мы Кулика задарили“.

на стр. 203. „печально повторила она“.

на стр. 212. „Однако я началъ не съ тѣмъ, чтобъ описывать вамъ гостей Александра Михайлыча и его обѣдъ.“

Дѣло въ томъ, что кое какъ дождался я вечера, и, поручивъ своему кучеру заложить мою коляску, на другой день, въ пять часовъ утра, я отправился на покой. Но мнѣ предстояло еще въ теченіи того же самаго дня познаться съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ“.

на стр. 232. „Труда много нужно, а мы“.

на стр. 236. „In der Stadt Moskau“.

на стр. 285. „Что французы съ англичанами много воевали, и“

Перестановка словъ встрѣчается очень рѣдко. Но такъ какъ она здѣсь не перемѣняетъ нигдѣ смыслъ фразы, то нахожу достаточнымъ указать на нѣкоторыя.

въ Современникѣ	въ послѣднемъ изданіи
„Охотникъ Владиміръ съ презрительной улыбкой поглядывалъ на него“.	Часть I, стр. 162. „Охотникъ Владиміръ поглядывалъ на него съ презрительной улыбкой“.
„улыбнулся язвительно“.	Часть II, стр. 212. „язвительно улыбнулся“.
„глаза потускнѣли“.	Часть II, стр. 251. „потускнѣли глаза“.
„Да вы тамъ, дома купите, все равно“.	Часть I, стр. 246. „Да вы тамъ, все равно, дома купите“.

Коллежскій Секретарь Галовъ.

25-го Августа 1852 г.

II.

ПОЯВЛЕНИЕ В ПЕЧАТИ

„МУМУ“

«У меня есть небольшая вещь, написанная мною под арестом, которой и приятели мои довольны, и я,—я готов ее вам послать,—но, во первых, мне кажется, ее не пропустят, во вторых, не думаете ли вы, что мне на время надобно помолчать?» — писал Тургенев 6 июня 1852 года из места своей ссылки И. С. Аксакову, который 4 октября уже горячо благодарил Ивана Сергеевича за предоставление «Муму» для второго тома Московского Сборника, «если только мне позволено будет издать Сборник и если не воспрещено вовсе печатать ваши сочинения»¹⁾. Независимо от последнего соображения, «Муму» пришлось очень скоро возвратить автору, ибо «Московский Сборник», как орган людей «открыто неблагонамеренных», 3 марта был запрещен, и обещанный славянофилам рассказ увидел свет только через год в западническом «Современнике». Появление Муму в мартовской книжке журнала сразу, однако, учтено было в охранительных кругах как серьезнейший промах цензуры и, так как действия последней «поверялись» тогда специальными агентами власти, в очередном рапорте министру народного просвещения чиновника особых поручений Н. В. Родзянко немедленно получили определенное выражение не только традиционные «сомнения» и «опасения» предрержащих властей, но — что гораздо более сейчас исторически ценно — некоторые особенности восприятия «Муму», как необычно яркого документа филантропической беллетристики.

1) „Вест. Евр.“, 1894, I, 334; VIII, 475.

«Разсказъ подъ заглавіемъ Муму — писалъ 16 марта 1854 года официальный рецензентъ «Современника» — я нахожу неумѣстнымъ въ печати, потому что въ немъ представляется примѣръ неблаговиднаго примѣненія помѣщичьей власти къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Содержаніе этого разсказа слѣдующее: въ Москвѣ проживаетъ одна барыня, окруженная многочисленною прислугою изъ крѣпостныхъ людей, капризная, злая старуха. Ей приходитъ въ голову своеправная мысль женить одного двороваго человѣка, пьяницу сапожника Капитона, на дворовой же дѣвкѣ Татьянѣ, трезвой и усердной работницѣ, подъ предлогомъ, что будто эта женитьба исправитъ поведеніе Капитона. Дворецкій барыни, слѣпой исполнитель всѣхъ ея капризовъ, почти насильно устраиваетъ бракъ, къ огорченію дворника, глухонѣмаго Герасима, который самъ собирался просить у барыни позволенія жениться на Татьянѣ. Послѣдствіемъ такого брака было то, что Капитонъ совсѣмъ спился съ кругу, а Татьяна осталась страдальцею при пьяномъ мужѣ. Между тѣмъ Герасимъ, по своему физическому недостатку чуждый всѣмъ людямъ, привязывается со всею любовію, свойственною человѣку въ его положеніи, къ собацѣ, которую спасъ отъ смерти и далъ ей кличку «Муму». Однажды барыня, увидѣвъ Муму, велѣла принести ее къ себѣ; хотѣла приласкать собаку, но та едва не укусила барыню. Тогда барыня велѣла прогнать собаку со двора, и тѣмъ лишила Герасима, вѣрнаго и усерднаго работника, единственнаго утѣшенія въ его грустно одинокой жизни. Но собака приближала снова къ Герасиму, который, зная, что его Муму прогнали со двора по приказанію барыни, чтобы угодить сей послѣдней, сталъ, по возвращеніи Муму, еще усерднѣе работать. Но барыня все еще сердитая, что собака хотѣла укусить ее, услышавъ ея лай, велѣла своему дворецкому непременно убить собаку. Герасимъ, одаренный необыкновенною силою, хотѣлъ было сопротивляться исполненію такого приказанія, но наконецъ самъ рѣшился умертвить Муму. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ утопилъ несчастнаго единственнаго друга своего, и, лишившись его по одному злему своеправію своей барыни, ушелъ изъ ея дому въ

Подмосковную ея деревню. Барыня хотѣла было вытребовать его обратно въ Москву, но потомъ объявила, что не желаетъ имѣть возлѣ себя такого неблагодарнаго человѣка. Читатель, по прочтеніи этого разсказа, непременно исполниться долженъ состраданія къ безвинно утѣсненному помѣщичьимъ своеправіемъ крестьянину, не смотря на то что сей послѣдній честно и усердно исполняетъ всѣ свои обязанности! Вообще по направленію, а въ особенности по изложенію разсказа нельзя не замѣтить, что цѣль автора состояла въ томъ, чтобы показать до какой степени бываютъ безвинно утѣсняемы крестьяне помѣщиками своими, терпя единственно отъ своеправія сихъ послѣднихъ и отъ слѣпыхъ исполнителей, изъ крестьянъ-же, барскихъ капризовъ; хотя здѣсь выставляется не физическое, но нравственное утѣсненіе крестьянина, но это нисколько не измѣняетъ неблаговидной цѣли разсказа, а напротивъ, по мнѣнію моему, даже усиливаетъ эту неблаговидность. По сему я полагалъ бы необходимымъ объявить г. Редактору журнала, чтобы онъ избѣгалъ впредь помѣщенія въ ономъ разсказѣ подобнаго рода, а г. Цензору замѣтить, что допущеніе къ печати повѣстей, въ которыхъ описываются взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ ихъ, должно быть дѣлаемо съ особенною осторожностью». ¹⁾

Основные положенія доклада Н. В. Родзянко встречены были очень сочувственно управлявшимъ тогда министерствомъ А. С. Норовымъ, который 2 апреля уже предложилъ ихъ «принять къ руководству», темъ более, что «щекотливое содержаніе этой повѣсти, а еще болѣе тонъ, въ какомъ описывается рабская зависимость крѣпостныхъ людей отъ прихотей и своеправнаго произвола помѣщицы, легко можетъ повести читателей низшаго сословія къ порицанію существующаго въ нашемъ отечествѣ отношенія крѣпостныхъ людей къ своимъ владѣльцамъ, которое какъ одно изъ государственныхъ учрежденій, не должно подлежать осужденію частнаго лица». Отношеніе Министра 5 апреля заслушано было СПБ. цензурнымъ комитетомъ, при

¹⁾ Архивъ цензуры и печати (І Петерб. отд. IV сек. Гос. Арх. фонда): Дело канцел. министра народа. просв. по Глав. Упр. Ценз., 1854, № 70.

чем «одобrivшему» рассказ цензору В. Н. Бекетову написано было впредь «разсматривать строже представляемые статьи для журналовъ и быть вообще осмотpительнѣе и осторожнѣе»¹⁾. С последствиями циркуляра о Муму пришлось особенно серьезно считаться при рассмотрении через два года затеянного П. В. Анненковым издания «Повестей и рассказов И. С. Тургенева». Цензурная оценка заключенного здесь художественного материала поручена была И. А. Гончарову, который 11 апреля 1856 года обратился к председателю СПб. цензурного комитета гр. М. Н. Мусину-Пушкину (из за столкновения с которым пострадал, Тургенев в 1852 г.) с следующим рапортом:

«Разсмотрѣвъ представленные въ Цензурный Комитетъ Разсказы и повѣсти г. Тургенева, которые всѣ были помѣщены въ разныхъ повременныхъ изданiяхъ, я полагаю одобрить ихъ, какъ незаключающихъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, къ вторичному напечатанiю. Но какъ по поводу помѣщенiя одной изъ означенныхъ повѣстей, именно «Муму» въ мартовской книжкѣ Современника за 1854 годъ, сдѣланы были, по предложенiю Господина Товарища Министра Народнаго Просвѣщенiя отъ 2 апрѣля того же года за № 604, нѣкоторыя замѣчанiя Г. Цензору Бекетову для руководства на будущее время при разсматриванiи подобныхъ сочиненiй, то я не считаю себя въ правѣ одобрить помянутую повѣсть къ вторичному напечатанiю безъ разрѣшенiя Начальства, а равно не нахожу удобнымъ исключить ее изъ полнаго собранiя сочиненiй г. Тургенева, какъ уже однажды появившуюся въ печати. По сему представляя повѣсть «Муму» (помѣщенную въ одной книгѣ съ другими повѣстями того же автора) на благоусмотрѣнiе Вашего Превосходительства, имѣю честь испрашивать разрѣшенiя на одобренiе оной къ вторичному напечатанiю въ числѣ прочихъ повѣстей Г. Тургенева.

Ценсоръ И. Гончаровъ²⁾.

¹⁾ Архив Ценз. и Печ.: Дело СПб. Ценз. Ком., 1854 г., № 57. Ср. характерные подробности взаимоотношений Бекетова и Тургенева в книге А. Я. Голлачевской-Шанаевой, «Русские писатели и артисты», СПб, 1890, стр. 318.

²⁾ Этот собственноручный доклад И. А. Гончарова, обнаруженный на-

Разрешить своей властью сомнения И. А. Гончарова гр. Мусин-Пушкин отказался, и вопрос о «допустимости» Муму перешел на усмотрение Главного Управления Цензуры. Знаменательно, что, несмотря на якобы все признаки «нового курса», отношение здесь к тургеневскому произведению оставалось по существу прежним, и согласие на его пропуск официально обосновано было 5 мая лишь тем, что запрещенiе Муму «могло бы более обратить на нее внимание читающей публики и возбудить неуместные толки, тогда как появленiе оной в собранii сочиненiй не произведет, уже на читателей того впечатленiя, какого можно было опасаться от распространения сей повести в журнале, с приманкою новизны». Подписанное А. С. Норовым только 31 мая, заключенiе это доведено было на следующий день до сведения СПб. цензурного комитета, а 7 июня В. П. Боткин уже писал П. В. Анненкову:—«Неужели вы не имете известия, что Муму пропущена. Это сообщил мне Тургенев, которому сказал это приехавший к нему в Спасское Дмитрий Колбасин¹⁾: значит и печатанiе начнется скоро».²⁾

Этой случайной сентенцией исчерпываются сведения о цензурных мытарствах «Муму», ибо 8 июня 1856 года «Повести и Рассказы» Тургенева получили, наконец, долгожданный штамп: «печатать дозволяется».

ми в Деле СПб. Цензурного Комитета 1856 г., № 57. л. 4, остался неизвестным А. Мазон'у, опубликовавшему в своей книге *Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov, Paris, 1914*, стр. 356—362, полное Дело канц. Мин. Нар. Прос. по предст. СПб. ценз. ком. о дозволенii поместить в книге *Рассказы и повести И. Тургенева* повесть сего автора: *Муму*, 1856 г., № 99.

¹⁾ В письме к Д. Я. Колбасину от 13 мая Тургенев еще ждет с нетерпением извещенiя об участи *Муму*, а 21 мая уже «очень рад, что Муму, наконец, прошла и печатанiе скоро начнется» (*Первое собранiе писем И. С. Тургенева*, СПб, 1884, стр. 16—17).

²⁾ «П. В. Анненков и его друзья» СПб. 1892, стр. 570.

III.
ИСТОРИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ
„НОВИ“

Медленно облекая отдаленные контуры русской жизни послереформенной поры в оставленные перед тем, казалось, уже навсегда формы «большого романа», Тургенев несколько неожиданно осложнил социальный орнамент «Нови» красочными деталями революционной пропаганды семидесятых годов, проникновенно выявил определяющие черты и преходящие переливы настроений начинавшегося «хождения в народ».

Приурочением романического действия к интересам дня, художественным захватом явлений, подлежавших до того комментарию лишь официозных отчетов о волнующих политических процессах, да редких фельетонов о них общеприимного жанра, искусственно повышалось значение привходящих элементов произведения, чрезвычайно нервно поэтому воспринятого и одинаково сурово осужденного реакционными кругами—как уклон в сторону «безумных мечтаний», а радикальной общественностью—как «бездушнейшее» обнажение «зияющих ран нового поколения»¹⁾. Если одним из этих приговоров предопределен был временный и внешний неуспех «Нови», то с аргументацией другого неизбежно связывался вопрос о возможности самого выхода в свет последнего Тургеневского романа.

«Avec l'oeuvre nouvelle, le romancier se hasardait dans les cendres brûlantes, sur une route qui conduisait autrefois jusqu'en

¹⁾ Отзыв Н. К. Михайловского, переданный Тургеневым в письме к Ю. Н. Вревской от 25 ноября 1876 года („Щукинский сборник“ вып. V, М. 1906, стр. 485). Ср. „И. С. Тургенев и семидесятники“ М. М. Клевенского („Голос Минувшего“ 1914, № 1, 5—42).

Sibérie» — замечал его французский современник и один из первых популяризаторов Е. М. de Vogüe¹⁾, а сам автор «Нови», останавливаясь на особенностях ее в письме от 25 апреля 1877 года к Юлиану Шмидту, не мог не признать, что «работая над этой книгой», он был «не свободен; она должна была появиться в России, и потому приходилось считаться с разными обстоятельствами и это связывало меня (чего раньше никогда не бывало»²⁾). Таким образом, некоторое сужение граней романа под влиянием внешних — цензурных по преимуществу — опасений, Тургеневым осуществлено было еще до завершения произведения, чем им предполагалось хотя отчасти обеспечить «Новь» от дальнейших злоключений уже в печати. В самом деле, предназначенный для «Вестника Европы» роман вчерне был закончен в Спасском 15 июля 1876 года, едва успел получить заголовок. — («Имя ему — но это пока секрет — будет *Новь* с эпиграфом: Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, а глубоко забирающим плугом³⁾», а уже через 11 дней, весь во власти цензурных «сомнений», Тургенев спешно разъяснял М. М. Стасюлевичу, что плуг в его эпиграфе «не значит революция — а просвещение; и самая мысль романа самая благонамеренная — хотя глупой цензуре может показаться, что я потакаю молодежи, но цензура у нас теперь не глупа»⁴⁾). Последняя оговорка, вероятно, должна была облегчить появление анонса о «Нови» в сентябрьской книжке журнала, ибо прочие сентенции многочисленных писем Тургенева за рассматриваемый период эту квалификацию цензуры ни в какой мере уже не оправдывают. Наоборот, чрезвычайно нервно реагируя на стремление редактора расчленить роман на две книжки и упорно замечая, что «вся штука должна быть абсолютно напечатана в одном месяце на подобие *Отцов и детей*. Иначе могут выйти самые неприятные недоразу-

¹⁾ „Le roman russe“, 4-ème éd. Paris, 1897, стр. 187.

²⁾ „Вест. Евр.“, 1909, III, 275.

³⁾ „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке“. Под ред. М. К. Лемке, т. III, СПб. 1912, стр. 83.

⁴⁾ Ibid., 84.

мения»¹⁾, автор «Нови» расшифровывает последние 12 ноября неожиданным признанием, что «настаивая на публикации романа в одном №, я никаких других соображений не имел, кроме страха перед цензурой и возможности недоразумений и затруднений к печатанию второй части. Я воображал, что по напечатании первой части будут требоваться сокращения во второй. — Положение будет некрасивое. И эти опасения не фантастические. И. П. Арапетов, которому я читал две, три сцены (неизвестные Вам — сцену в кабаке между прочим), боялся за них — если дать время цензуре одуматься и оглядеться — и в сущности сделать глупость — потому что все направление романа — цензурное в высокой степени; но ведь цензура у нас на том стоит, чтобы делать глупости — и не одна она»²⁾. За три дня до этого Тургенев даже предлагает «если это окажется нужным» написать «маленькое об'яснительное предисловие к «Нови» (не для печати), которое М. М. Стасюлевич был бы в состоянии показать предержавшим властям», и только успех чтения Нови в великосветских салонах позволяет ему 8 декабря помянуть уже «удаляющийся призрак цензуры». Однако, насколько преувеличены были начальные опасения, настолько преждевременны оказались последние строки. Несоответствие «Нови» ближайшим видам правительства, курс которого очень заметно отражался всегда на изоляционной работе цензурного ведомства, неожиданно было оттенено демонстрацией 6 декабря со знаменем «Земли и Воли» на Казанской площади — и этот жест революционного подполья легко мог быть учтен как реальный комментарий к некоторым страницам печатающегося романа. Во всяком случае, вопрос о специальном «об'яснительном письме» вновь ставится на очередь³⁾,

¹⁾ Ibid., 87.

²⁾ Ibid., 90. Кроме многочисленных упоминаний о «раздроблении» романа в переписке с М. М. Стасюлевичем, очень любопытны жалобы на это Тургенева в письмах к Ю. П. Вревской („Щукинский сборник“, V, 485—486), к Флоберу (И. С. Тургенев. Письма к г-же Винардо и его французским друзьям. М. 1900, 183), к Я. П. Полонскому (Полное собрание писем И. С. Тургенева, СПб, 1884, 308—311).

³⁾ Осведомленный о демонстрации Стасюлевичем, Тургенев сейчас же отвечал ему: „Вот уж точно можно сказать: всему можно назначить предел —

и, раздраженно замечая в письме к Ю. П. Вревской от 16-го декабря, что «эта чепуха (т. е. демонстрация) может до некоторой степени повредить роману, так как, несмотря на мои просьбы, Стасюлевич не поместил его в один №», Тургенев 22 декабря, наконец, выслал издателю необходимый документ.

«Я все это время размышлял о безобразно нелепом происшествии 6-го декабря перед Казанским собором—писал здесь Тургенев—и мне пришло в голову: не может ли это происшествие иметь какое либо отражение на мой роман, тем более что в январской книжке Вестника Европы напечатано будет только первая часть и следовательно он не может произвести того целостного впечатления, в котором бы ясно определились намерения автора. Вы мне скажете, что та уличная нелепость—есть не более как грязная пена, от времени до времени выскрывающаяся на поверхность всякого общества; согласен; однако все таки не считаю лишним напомнить Вам в немногих словах те соображения, которые руководили мною при сочинении Нови—и которые, Вы помните—я Вам изустно излагал при нашем свидании прошлой осенью в Буживале.—Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников—что во первых несправедливо—а во вторых могло только оскорбить читателей—юношей как клевета и ложь;—либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал что опять несправедливо—и сверх того вредно. Я решился выбрать среднюю дорогу—стать ближе к правде; взять молодых людей, большею частью хороших и честных—и показать, что несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не мо-

за исключением глупости некоторых Россиян: она беспредельна. Хотя вы и прибавляете, что в высших сферах не придают этой чепухе слишком важного значения, однако, объяснительное (для моего романа) письмо я Вам напишу завтра же или послезавтра, которое, в случае нужды, Вы можете показать где и кому следует». После этого письма, датированного 15-м декабря, Тургенев „предохранительного“ предисловия касается в письмах к Стасюлевичу от 18, 21 и 27 декабря (ор. cit., 100—104) и в записке к К. Д. Кавелину от 17 декабря 1876 года („Рус. Мысль“, 1892, X, 9).

жет не привести их к полному фиаско. На сколько мне это удалось—не мне судить; но вот моя мысль—и Вы можете видеть, как она в сущности цензурна и благонамерна. Во всяком случае молодые люди не могут сказать, что за избрание их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне—если не к их целям—то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них—принести им пользу. Я предвижу, что на меня посыплются упреки из обоих лагерей; но ведь тоже самое случилось и с «Отцами и детьми», а между тем из всего моего литературного прошлого я имею причины быть довольным именно этой повестью—и скорее согласился бы похерить «Записки Охотника» чем ее. Буду надеяться, что и «Новь» ожидает та же участь—и что она не будет предметом или предлогом никаких недоразумений¹⁾.

Как последнее и крайнее средство в предстоящей тяжбе с цензурой прислужное Тургеневым «предисловие»—по самому заданию своему—принципиального значения иметь не могло, и все почти тезисы его были настолько случайны и наивно-тенденциозны, что вне обусловивших их в конце 1876 года обстоятельств серьезной критике не подлежали и, разумеется, не подлежат. До сих пор, однако, остается неизвестным, в какой мере использован был этот документ М. М. Стасюлевичем, и—если комментатор «предисловия»—М. К. Лемке—авторитетно раз'ясняет, что «в арсенале М. М-ча оказалось оружие гораздо более действительное, чем письмо Тургенева», то свидетельство это к первой части Нови во всяком случае не относится.

28 декабря 1876 года «наблюдающий за бесцензурным журналом «Вестник Европы» проф. В. М. Ведров в своем докладе С.-Петербургскому Цензурному Комитету о январской книжке журнала отметил следующее:

«Новь, романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая I—XXII. Ив. С. Тургеневъ. Подъ эпитафюмъ» поднимать слѣдуетъ новъ не поверхностно скользящей сохой, но глубоко «забирающимъ плугомъ» рассказываются попытки революціонной молодежи

¹⁾ „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке“, III, 102—103.

идти въ народъ и пропагандировать (стр. 12, 15, 16, 19, 23, 24, 25, 26 и т. д.). Герой романа, студентъ СПб. университета 1868 г., Алексѣй Неждановъ дѣйствуетъ по приказанію какого то Василія Николаевича, но, какъ видно изъ хода романа, не увѣренно и не успѣшно. Его сотрудники мушеры и дамы, ожидаютъ отъ него чего то необыкновеннаго, какъ отъ лица и по самому рожденію (онъ незаконный сынъ князя Г.) предназначеннаго совершить нѣчто необыкновенное. Дѣло не клеится несмотря на тысячи, жертвуемая купцомъ Галушкинымъ; рабочіе не понимаютъ никакихъ принциповъ. Эмиссары для своего политическо-соціального дѣла выбираютъ С-скую губернію.

По началу романа нельзя судить о томъ, какъ авторъ поведетъ свой разсказъ, вниманіе читателей теперь раздражено замысломъ пропаганды въ народѣ, не имѣющимъ въ себѣ ничего привлекательнаго и не разъясненнымъ а туманно скрывающимся подъ именемъ «дѣла». Любвиная связь хотя завязывается также подъ вліяніемъ политическихъ стремленій, совершенно не развитыхъ въ романѣ, но до сихъ поръ только выказываетъ любопытство, а не стойкость принциповъ. Однимъ словомъ, авторъ затрагиваетъ очень правдоподобно одну изъ самыхъ щекотливыхъ сторонъ нашихъ безумныхъ мечтаній, но, выражая ихъ въ фактахъ, нисколько не касается теоретической стороны, поддержки несбыточныхъ надеждъ и утопій. Герой романа, студентъ Неждановъ «красный», «республиканецъ», какъ то умышленно поглощенъ въ другія идеи своей умственной жизни, какъ-то въ свое происхожденіе, въ свою любовь. Въ началѣ романа цензура не находитъ порицанья началъ общества и предполагаетъ, что дерзкая попытка заговорщиковъ окажется не только смѣшною, какъ она представляется и здѣсь въ нѣкоторыхъ сценахъ, но и пагубною» ¹⁾

Обоснованное в заключительной своей части лишь предположениями о развязке романа и общих тенденціяхъ его, донесеніе Ведрова не могло бы, разумеется, имѣть ме-

¹⁾ Архив цензуры и печати (1 Петрогр. отд. IV, сек. Гос. Арх. Фонда). «Дело СПб. Ценз. Комит. по изданію журнала „Вестник Европы“ 1865 г., № 102, т. I, стр. 115—116.

сто, если бы цензоръ в той или иной формѣ не былъ осведомленъ о тургеневскомъ «разъясненіи». Безъ послѣдняго не решился бы взять на себя ответственность за «Новъ» не только цензоръ подозрительнаго произведенія, но и издатель его,—и хотя прямой ссылки на известное письмо, какъ на документъ совершенно частнаго порядка, в официальном протоколѣ сделать было нельзя, но о конфиденціальной сторонѣ переговоровъ Стасюлевича съ Ведровымъ сохранилась любопытнѣйшая отметка в самомъ «делѣ» СПб. цензурнаго комитета о «Вестникѣ Европы»: «Прочтесть Комитету:—набросалъ цензоръ передъ засѣданіемъ 28 декабря—Редакторъ В. Е. объявилъ мнѣ, что окончаніе Тургеневскаго романа таково, что имъ устраняется всякое опасеніе о томъ, чтобы въ немъ выражалось сочувствіе къ пропагандѣ нигилистами социальныхъ ученій между простонародіемъ». Справка эта имѣла решающее значеніе для судьбы первой части романа, благополучный выходъ которой изъ «чистилища» значительно, правда, былъ облегченъ еще тѣмъ, что, по совету П. В. Анненкова ¹⁾, Тургеневъ успѣлъ заменить в корректурѣ анекдотъ Діаконовскаго экзамена (о зачатіи Анны) другимъ, болѣе удачнымъ «и с цензурной и с художественной стороны» (гл. XIV), да в концѣ первой части, еще до отправки ея в Петербургъ, онъ несомненно пожертвовалъ некоторыми чертами характеристики «Василія Николаевича», коснувшись его лишь «вскользь и то не больше, чемъ прежде» в ответственной 22-ой главѣ.

«Таково уже ремесло всехъ насъ, людей причастныхъ и литературѣ. Слава Богу, на этотъ разъ обошлось» — замечалъ Тургеневъ, 3-го января 1877 года Стасюлевичу, останавливаясь на пережитыхъ только что тревожныхъ дняхъ ожиданія первой книжки журнала и не теряя надежды, что «завось и февральская половинка проскочитъ» ²⁾.

¹⁾ «Стасюлевичъ и его современ. в ихъ переп.», III, 95.

²⁾ Ibid, 96. Насколько занималъ наши общественные и литературные круги вопросъ объ окончаніи «Нови» и какъ прочно связывала молва выступленіе «Земли и Воли» с развитіемъ дѣйствія в романѣ Тургенева, — видно изъ редакціоннаго «Дневника» кн. В. П. Меццеского в «Гражданинѣ» (8 янв. 1877 г., № 1, стр. 14): «любопытно, что говорятъ—отмечалъ этотъ влиятель-

Как и в первой части, так и здесь пришлось в последний момент устранять кой-какие неприемлемые для цензуры детали — напр., упоминание об известной нелегальной брошюре «Хитрая Механика» или стих — «Один царев кабак — тот не смыкает глаз», вместо которого в журнале появился сообщенный по телеграфу вариант — «один кабак не спит и не смыкает глаз»¹⁾, но этими уступками обеспечить выход в свет окончание «Нови» не удалось. «Дай Бог, что-бы в чистилище все сошло благополучно! Чувствую, хотя не большую, но тревогу» — писал Тургенев 28 января, т. е. накануне того дня, когда должна была решиться в цензуре судьба его романа. В «Воспоминаниях о знакомстве с И. С. Тургеневым» М. П. Драгоманова²⁾ этот момент в истории «Нови» связывается с чрезвычайно странным «рассказом» самого Ивана Сергеевича. Во время одной из встреч летом 1878 года в Париже «разговор пошел главным образом о «Нови» — передает мемуарист — при чем Тургенев рассказал, что смысл романа пострадал много от выпуска цензурою двух сцен: одной, где изложен разговор Маркелова с губернатором после ареста, а другой (целая глава), в которой описано «хождение в народ» Марианы. Эта Мариана, как женщина, оказалась более способной подойти к будничной жизни крестьян, чем переодетые студенты, и возбудила к себе более симпатии и доверия мужиков. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали с нею по душе, и один старик сказал ей «это все правда, барышня, что ты говоришь о том, как нас обижают баре; мы это и сами знаем, — да ты научи, как нам избавиться от всего этого» и т. д. По поводу этого пропуска Тургенев рассказал такую

ный и хорошо осведомленный публицист — будто конец романа происходит на Казанской площади в Петербурге, как будто Тургенев предсказывает и предвидел эпизод 6-го декабря».

¹⁾ «Стасюлевич и его современ.», III, 105—107; «Вест. Евр.», 1877, II, 521.

²⁾ М. П. Драгоманов, «Воспоминания о знакомстве с И. С. Тургеневым», Казань, 1906, стр. 10. Первоначально в книге «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену» с примеч. М. Драгоманова, Женева, 1892. Драгомановская версия о запрещенных сценах «Нови» повторена, к сожалению бездоказательно, в блестящем этюде о Тургеневе П. Н. Сакулина («На грани двух культур», М. 1918, стр. 77).

комбинацию: — я, говорил он, поставил Стасюлевичу условие, чтоб роман мой, не смотря на длину его, был напечатан в одной книжке Вестника Европы, что несколько тяготило Стасюлевича. Когда книжка была представлена в цензуру, то цензора нашли сомнительными два места в моем романе и Внутреннее обозрение и предложили одно чтонибудь выбросить: или мои сцены, или обозрение. Узнав об этом, я согласился на первое. Иначе поступить мне было неловко перед Стасюлевичем». Рассказ Драгоманова, не встречая подтверждения ни в одном из многочисленных свидетельств о Нови как самого ее автора, так и его современников — корреспондентов, прямо противоречит сохранившемуся цензурному тексту романа¹⁾ и специальному «делу» о нем Главного Управления по делам печати. Никаких следов изъятия из произведения «двух сцен», одна из которых якобы являлась «целой главой», в перенумерованной самим Тургеневым рукописи не сохранилось, оживленный обмен мнений между Иваном Сергеевичем и Стасюлевичем во время печатания романа переданной Драгомановым «комбинации» не затрагивает даже отдаленно, а подлинное донесение о второй части Нови и протокол заседания СПб цензурного комитета уже вовсе не оставляют места Драгомановской версии²⁾.

¹⁾ Текст последней редакции «Нови» и корректурные ее гранки находятся в рукописном отделении Российской Публичной Библиотеки («Отчет Импер. Публич. Библиот.», 1883 г., стр. 359).

²⁾ Нас не может занимать здесь вопрос, не мистифицировал ли Драгоманов в силу тех или иных обстоятельств сам Тургенев, выдавая сокращения и поправки одной из черновых редакций романа за цензурные изъятия. Последнее тем более вероятно, что, окончив свой «большущий роман», Тургенев 8 августа 1876 года замечал о нем Флоберу — «Вы знаете, что значит переписывать. Бывают страницы, где не остается ни строчки» (И. С. Тургенев. Неизд. письма к г-же Винардо и к француз. друзьям, 176). Вообще, недостоверная по существу, Драгомановская версия крайне причудливо преломила в себе не только возможности, но и факты. Так, во второй книжке «В. Е.» внимание цензуры действительно привлекли вместе с окончанием «Нови» еще некоторые места «Внутреннего обозрения» и заметка «От редакции». Усмотренные здесь «крайне оскорбительные выходы против московского проф. Любимова, и в особенности намеки на то, что побуждением его действий, по отношению к университетскому вопросу, служило при слу-
ж-

29 января 1877 года цензор Ведров довел до сведения СПб. цензурного комитета, что в февральской книжке Вестника Европы совершенно особое внимание должно привлечь окончание «Нови». «Въ романѣ, — писал он, — какъ известно, изображается характеристика агитаторовъ, которые возбуждаютъ народныя массы противъ существующаго государственнаго строя. Въ этой, 2-ой части, авторъ высказывается яснѣе, чѣмъ въ началѣ своего романа. Согласно мысли, выраженной въ эпиграфѣ, что новъ подымается подъ пашию плугомъ, а не сохою, вопросъ затрагивается глубже. Неждановъ, герой романа, оказывается только романтикомъ реализма (стр. 575) и лишаетъ себя жизни не изъ страха тюрьмы, но потому, что ложь была въ немъ самомъ, а не въ томъ (великомъ) дѣлѣ, въ которое вѣрили дѣятели пропаганды Маріанны, Соломинъ, и за которое пострадалъ Маркеловъ (стр. 571). Лица, подобныя Соломину, настоящіе (революціонеры), которымъ принадлежитъ будущее; это крѣпкіе сѣрые, одноцвѣтные, народныя люди (стр. 579). Въ чемъ же состоитъ ихъ призваніе? Они медленно идутъ къ своей цѣли — къ сближенію съ народомъ и освобожденію его отъ разорительныхъ податей. Такой человекъ дѣла своего не оставитъ! Онъ продолбитъ! Ключъ у него тонкій — да и крѣпкій за то. Онъ молодецъ! А главное: онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ (576 стр). Маркеловъ, герой неудавшагося похода въ народъ, принялъ наказаніе, какъ должное (стр. 573), онъ на судѣ держалъ себя такъ же, какъ передъ губернаторомъ: спокойно, не

ничество и надежда защиты извне" обусловили представление цензурного комитета о применении к журналу статьи первой Высочайше утвержденной 7 июня 1872 года мненія Гос. Совета. Резолюция Микистра, в силу которой „продолжение романа Тургенева признано возможным пропустить, что же касается того места Внутреннего обозрѣнія, где идетъ рѣчь о проф. Любимове, то предложить редакціи место это исключать, в случае же несогласія, применить закон" (Архив Главнаго Управленія по деламъ печати: представленіе о второмъ номерѣ „Вест. Евр." за 1877 г.), аннулируетъ такимъ образомъ, и последнее сообщеніе Драгоманова. „Ран" в февральской книжкѣ журнала самъ Тургеневъ коснулся в письмѣ къ Стасюлевичу от 6 февраля, прося прислать ему „обещанныя вырезки" (Последніе перепечатаны в книгѣ „Стасюлевичъ и его современники", III, 736—41).

безъ достоинства и нѣсколько уныло (стр. 572). Онъ еще ранѣе сознавалъ, что не такъ принялся за дѣло. Надо было прямо скомандовать, а если кто препятствовать сталъ или упираться — пулю ему въ лобъ! Тутъ разбирать нечего. Кто не съ нами, тотъ права жить не имѣетъ... убиваютъ же шпионовъ, какъ собакъ! (стр. 555) Маріанна вѣритъ всѣми силами души въ самое дѣло и посвятила ему всю свою жизнь, до послѣдняго дыханія! (стр. 562)

Цензоръ заявляетъ, что впечатлѣніе романа, преимущественно его второй половины и окончанія, ложится тяжелымъ гнетомъ на читателя; слѣдя за революціоннымъ дѣйствіемъ, къ которому относится все содержаніе романа, читатель только на время остановленъ въ своемъ наблюденіи и окончательномъ сужденіи о романѣ, но не разочарованъ! Побужденіе къ народнымъ движеніямъ и матеріаль ихъ остается тотъ же; на нихъ указываетъ сонъ, въ который погружена Россія: «Спать непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!» Цензоръ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что разрушительныя начала движенія въ народъ не изглаживаются самоубійствомъ Нежданова (скорѣе смывающимъ съ него неосторожный фактъ опьяненія) и карою, поразившею Маркелова, — эти начала коренятся въ упорствѣ Соломина, устроившаго на артельныхъ началахъ заводъ въ Перми (стр. 576), въ неограниченной преданности этому дѣлу Маріанны, въ чрезвычайной скрытности соучастницы Машуриной, избѣгающей проговориться передъ болтуномъ Паклинымъ, въ злой насмѣшкѣ надъ Сипягинымъ — чиновникомъ охранителемъ законовъ и власти. Даже послѣ появленія въ свѣтъ начала романа, по мнѣнію цензора, едва ли можно допустить въ печати его окончаніе, такъ какъ въ немъ указывается только на раннее, несвоевременное движеніе въ народъ, а не на отсутствіе горячихъ матеріаловъ»¹⁾.

Конфискація Нови, казалось, была уже предрешена заключительными сентенціями Ведровскаго доклада, но при обсужденіи послѣдняго в комитетѣ, голоса неожиданно разделились, при чемъ лишь голосъ председателя — А. Петрова — далъ

¹⁾ Архив цензуры и печати, оп. cit., л. 122—125.

перевес оппозиции. «Съ мнѣніемъ цензора о романѣ Тургенева,—гласитъ протокол,—согласились пять членовъ комитета, а остальные пять, и въ числѣ ихъ предсѣдатель, находили: что романъ Тургенева «Новъ» не подлежитъ задержанію по слѣдующимъ причинамъ: 1) романы, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись заговорщики и агитаторы, пропускались и прежде нашею цензурою, обращающею главное вниманіе на общій смыслъ и окончательный выводъ художественныхъ созданій, таковы напр. «Марево» Ключникова, «Панургово стадо» Крестовскаго, «Взбаломученное море» Писемскаго, «Бѣсы» Достоевскаго, «Некуда» Стебническаго, и нѣкоторые другіе; въ уста дѣйствующихъ лицъ этихъ романовъ влагались также соотвѣтствующія ихъ характеру революціонныя рѣчи; поэтому нѣтъ причины запрещать за это и «Новъ» Тургенева, тѣмъ болѣе, что приведенные въ докладѣ выраженія взяты отдѣльно, а не въ контекстѣ, и если бы привести ихъ въ связи съ предыдущимъ и съ послѣдующимъ и съ указаніемъ на характеръ лицъ, которые ихъ произносятъ, то они не произвели бы того вреднаго впечатлѣнія, о которомъ говорится въ докладѣ; романъ кончается тѣмъ, что всѣ революціонные дѣятели въ «Нови» гибнутъ, вслѣдствіе несостоятельности и лжи затѣяннаго ими дѣла; многіе изъ нихъ, напр. Паклинъ, Неждановъ, Соломинъ приходятъ къ убѣжденію, что революціонныя средства, ими употребленные, оказываются негодными для достиженія идеаловъ народнаго благосостоянія, при томъ въ романѣ народъ, въ который идутъ эти дѣятели, выказываетъ къ нимъ полное несочувствіе; и наконецъ 3) содержаніе второй и послѣдней части романа составляетъ логическое развитіе содержанія первой части, помѣщенной въ январской книжкѣ «В. Европы», поэтому задержаніе ея подастъ поводъ къ неумѣстнымъ толкамъ и предположеніямъ въ публикѣ, коихъ желательно избѣжать. Должно еще къ сему присовокупить, что содержаніе второй части не только не представляетъ въ цензурномъ смыслѣ новыхъ затрудненій въ сравненіи съ первой частью, но заключаетъ въ себѣ развязку затѣянной агитации, обличающую ея внутреннюю ложь и несостоятельность. Такимъ образомъ, большинство чле-

новъ Комитета пришло къ заключенію, что вторая часть романа «Новъ» не представляетъ достаточныхъ основаній къ задержанію книжки».

Постановленіе Комитета было представлено в тот же день Начальнику Главнаго Управленія по делам печати для доклада Министру Внутреннихъ делъ, который 30 января «продолженіе романа Тургенева призналъ возможнымъ пропустить». Сохранилось преданіе, что этотъ финалъ злоключеній «Нови» в цензуре зависел в значительной степени еще от того, что М. М. Стасюлевич «сѣздилъ къ чтице императрицы Марии Александровны—А. Н. Мальцовой, далъ ей рукопись и просилъ прочесть ее при удобномъ случаѣ государыне. Во время чтенія вошелъ государь, прослушалъ несколько главъ, одобрилъ»¹⁾, а осведомленному об этомъ А. Е. Тимашеву оставалось только «пропустить» роман. Степень достоверности этихъ толковъ, къ сожалѣнію, еще не можетъ быть учтена, темъ болѣе, что самъ Тургеневъ, часто возвращаясь къ роли Тимашева в «делѣ» съ Новью, об отношеніи къ ней высшихъ сферъ не упоминаетъ, какъ известно, ни разу. Правда П. В. Анненковъ еще 7 февраля 1877 года замечалъ, что «такъ точно, такъ теперь пропущена Новъ, пропущена была Ябеда при Павле, книга Делальма и др. при Александре I, Ревизоръ при Николаѣ и т. д.»²⁾, но Тургеневъ, соглашаясь 6 февраля со Стасюлевичемъ, что «появленіе второй части в нетронutom видѣ есть вещь необычайная. Тутъ помогъ счастливый случай. Слишкомъ много было шансовъ противъ»³⁾, в письмѣ къ Юлиану Шмидту от 25 апреля⁴⁾ определенно заявлялъ, что «даже в теперешнемъ своемъ видѣ книга едва не подверглась сожженію (большинство цензурнаго Комитета высказалось за это), и только предсѣдатель ея, министръ внутреннихъ делъ, спасъ книгу. Спасибо дипломату издателя, который несмотря на мое нежеланіе, из осторожности разделилъ романъ на две части: настоящій ядъ заключается, собственно, во второй, а такъ все и просколь-

¹⁾ Рассказ М. К. Лемке, «М. М. Стасюлевичъ и его современъ». III, 102.

²⁾ «М. М. Стасюлевичъ и его современъ в ихъ перепискѣ». III, 339.

³⁾ Ibid, 115.

⁴⁾ «Вест. Европы», 1909, III, 275.

знуло. Не хотели поднимать скандала. Министр заявил, что прочитай он раньше сразу всю книгу, то несомненно запретил бы ее и т. д. Но сейчас книга представляется точно чем то из «histoire ancienne»: до того мелким и незначительным кажется все именно теперь, когда мы стоим на пороге огромных событий»... Так, под впечатлением раздражающей военной грозы на востоке, тускнели и отходили в прошлое перипетии недавней борьбы за опубликование «Нови» — последнего социального романа Тургенева.

IV.

К ИСТОРИИ СЦЕН И КОМЕДИЙ

1. „Нахлебник“
2. „Завтрак у предводителя“

Комедия в двух действиях «Нахлебник» — одно из самых ярких творческих достижений Тургенева-драматурга в тонах характерного для художественного жанра сороковых годов сентиментального натурализма — начата была им в конце 1847 г. в Париже и завершена около середины ноября следующего года в Гиере¹⁾.

Повышенным интересом Тургенева в это время к проблемам бытового театра обусловлена была драматизация фабулы, подход к определяющим моментам которой может быть установлен по «Запискам Охотника» не только в некоторых эпизодах предшествующего *Нахлебнику* «Моего соседа Радилова», но и в вводных сценах датированного, как известно, позже пьесы «Чертопханова и Недопюскина»²⁾.

¹⁾ Самым ранним свидетельством о «Нахлебнике» является глухое упоминание в письме к П. Вьардо от 17/5 января 1848 г. о работе „над комедией, которая предназначена для одного московского актера“ (*И. С. Тургенев. Неизданные письма к г-же Вьардо и его французским друзьям*, М. 1900, стр. 39). Завершение произведения относится к первой половине ноября того же года, ибо в письме от 20 октября Тургенев еще говорит о „комедии, которую я хочу окончить до отъезда из Гиера“, т.-е. до 5 ноября, а в конце месяца отправляет уже „Нахлебника“ в Москву (ор. cit., 55 и письмо от 3/15 декабря 1848 г. к М. С. Щепкину в „Трудах Оренбург. Учен. Арх. Ком.“ IV, 1898, стр. 118).

²⁾ Ср. напр. писанные явно с натуры потрясающие сцены увеселения господ престарелым Эсдором Михеичем („Тот же был помещик — и богатый, да разорился — вот проживает теперь у меня“) в „Моем соседе Радилове“ (*„Современник“*, 1847, III, 143—144, 147) и — композиционно вводные — динамические страницы о прошлом другой жертвы „подчиненного существования“ *Тихоне Недопюскине*, послужившем на своем веку „тяжелой прихотью, заспанной и злобной скуке праздного барства“ (*„Совр.“*, 1849, I, 300—301). Строка, выделенная нами курсивом, из журнала была цензурой устранена.

Посвященная М. С. Щепкину и приуроченная к его январьскому бенефису, новая комедия препровождена была тотчас по окончании в Москву, в литературных кругах которой ожидалась она уже давно с интересом совершенно необычайным. Восторженный отзыв о «Нахлебнике» А. И. Герцена в письме от 8 ноября к Е. Ф. и М. Ф. Корш, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину¹⁾, живое и непосредственное обращение Н. А. Герцена к П. В. Анненкову с просьбой сообщить за границу тотчас после премьеры ее «эффект, следствие и проч., как на своих, так и на чужих»²⁾, исключительное внимание к комедии в запросах о ней петербуржцев — Н. А. Некрасова и А. А. Краевского³⁾, надежды на «фурор» В. П. Боткина⁴⁾, наконец, самое увлечение «Нахлебником» М. С.

¹⁾ А. И. Герцен. Пол. соб. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, V. Петрогр. 1915, стр. 249—250. При исключительно внимательном отношении его к «Нахлебнику» весьма характерна деталь, о которой, напр., упоминает Тургенев в письме от 3/15 дек. к М. С. Щепкину: «Прятедь наш Герцен, которому я читал мою комедию, сделал два небольших замечания, которые просил меня сообщать вам (и с которыми я совершенно согласен). Во первых он находят, что Кузовкину не след носить дворянский сюртук, а частный, а во вторых он в сцене, где Елецкий выходит от жены, уже все узнавши, и видит что Тропачев забавляется над Кузовкиным — в словах: „Да-с, Флегонт Александрович, я признаюсь удивляюсь: что вам за охота с вашим воспитанием, с вашим образованием заниматься такими — смею сказать пустыми шутками“ предлагает: „смею сказать“ заменить фразой „извините за выражение“, потому что по его мнению, смею сказать, не идет в устах петербургского чиновника. Я с ним вполне согласен — притом же это такая мелочь, что я бы устыдился писать вам о ней, если бы он этого не потребовал».

²⁾ П. В. Анненков и его друзья, СПб, 1892, стр. 631.

³⁾ А. Н. Пыпин, Н. А. Некрасов, СПб, 1905, стр. 97 и 104. Как свидетельствует письмо В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 9 февр., Щепкин был в недоумении, куда послать «Нахлебника» для опубликования — в Современник или Отеч. Записки — хотя он и получил письмо от Тургенева, где он пишет, чтобы пьесу послать вам, но вместе с этим Щепкин получил письмо и от Некрасова, в котором Некрасов просит прислать пьесу ему («Отчет Импер. Публич. Библ.» за 1889 г., приложение, стр. 94).

⁴⁾ «Нахлебник Тургенева очень хорош, хотя основной мотив и не совсем идет к русской жизни — писал 10 марта 1849 г. В. П. Боткин П. В. Анненкову. — На сцене эта пьеса произвела бы фурор и Щепкин был бы превосходен. Она завязла, как вы уже, конечно, знаете, в известном болоте и дана не была» («П. В. Анненков и его друзья», op. cit., 556).

Щепкина — предопределяли, казалось, значение нового произведения, как бесспорного гвоздя сезона и надолго авторитетно обеспечивали сценический и литературный его успех. Однако, в самый разгар подготовительных к премьере работ, включение «Нахлебника» в репертуар неожиданно извне затормозилось: сюжет новой комедии возбудил весьма тревожные для этих лет предположения театральных властей и, несмотря на энергичную защиту тургеневского текста М. С. Щепкиным, получить в Москве одобрительный штамп цензуры к бенефису не удалось. Отнюдь не подозревая, что комедия его надолго «завязла в известном болоте» и что на близкую постановку ее рассчитывать не приходится, Тургенев письмом в редакцию «Отечественных Записок» от 7/19 января 1849 г. принципиально разрешал уже вопрос об опубликовании «Нахлебника» в журнале: «31-го числа января (т. е. через 24 дня) будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в 2-х актах под названием: Нахлебник. Хотите вы ее напечатать в О. З., если она не шлепнется, разумеется. Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от вас письма, вам ее вышлет. Только ради Бога, чтобы не было опечаток!»¹⁾

9 февраля, согласно указанию Тургенева, «Нахлебник» отправлен был в Петербург, при чем, как пояснял В. П. Боткин в сопроводительном письме к А. А. Краевскому, «пьеса эта не запрещена еще формально театр. ценсурой; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, след. она к бенефису его и не могла поспеть. После этого он ничего не знает о театральной судьбе ее. Итак, узнайте о ней. А потом Щепкину хочется ее публично прочесть, но для этого она должна быть пропущена ценсурой. И хочется ему прочесть постом. След. нужно чтоб она как можно скорее была представлена в цензуру. Итак, нельзя ли сделать, чтоб вы представили ее поскорее в цензуру и тотчас, если она будет пропущена, известили хотя меня, а я тотчас дам знать ему»²⁾.

¹⁾ «Отчет Публичной Библиотеки за 1890 г.», СПб, 1893, прилож. стр. 2.

²⁾ «Отчет Публич. Библиот. за 1889 г.», op. cit., 94. В письме от 10 февраля В. П. Боткин вновь напоминает Краевскому просьбу Щепки-

Между тем, драматическая цензура, внимательно координирующая свою работу с общими директивами III Отделения Собственной Его Величества Канцелярией, в ведении которой она тогда находилась, не только не признала возможным допущение на московской сцене «Нахлебника», но, безапелляционно вменяя в вину автору «оскорбление нравственности и дворянского сословия», предупреждала суровым своим приговором резолюцию генерала Дубельта о безусловном запрещении комедии¹⁾.

Пораженный этой официальной квалификацией «Нахлебника», Тургенев все же не терял надежд на возможность скорого опубликования пьесы и 1/13 марта еще замечал А. А. Краевскому: «я, ей же ей, не понимаю, что могла найти цензура в Нахлебнике, и с нетерпением ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедия, как вы увидите, написана более для одной роли, и вы можете себе представить, как мне было неприятно неисполнение Нахлебника в его бенефис. Ну, однако, дело сделано, и я желаю только, чтобы в вашем журнале ее бы не исказили»²⁾. В то время как писалось это письмо, участь «Нахлебника», набранного для третьей книжки «Отечест. Записок», была, однако, уже решена, и неожиданное veto театральной цензуры успело сказаться совершенно определенно в особом донесении о комедии Тургенева в СПб Цензурный Комитет двух авторитетных его членов—А. И. Фрейганга и Ю. Е. Шидловского.

Как свидетельствует выписка из журнала заседаний от 22 февраля 1849 года³⁾, их впечатления от «Нахлеб-

на, которому „хочется прочесть ее не то что публично, а так где нибудь в доме“ (стр. 95). В цитированном выше письме Боткина к Анненкову от 10 марта есть указание на то, что „у Щепкина будет сыгран Нахлебник в доме. Теперь репетиция идет“. Как свидетельствуют, однако, Воспоминания А. В. Щепкиной (Сергиев Посад, 1915, стр. 213), спектакль этот почему-то не состоялся.

¹⁾ Бар. Н. В. Дризен, „Драматическая цензура двух эпох“, Петроград, стр. 77. (Первоначально в „Рус. Богат.“, 1914, VII, 120—121).

²⁾ „Отчет Публич. Библиот. за 1890 г.“, прил., стр. 3.

³⁾ Архив цензуры и печати (I Петербург. отд. IV. сек. Гос. Арх. Фонда): Журналы заседаний СПб Цензурного Комитета за

ника» послужили материалом для следующего обличительного резюме:

«Петербургский чиновник Елецкий, женившись на дѣвицѣ Ольгѣ, отправляется къ ней въ деревню, которая досталась ей отъ покойныхъ ея родителей. Въ барскомъ домѣ этой деревни находятъ они дворянина Кузовкина, который съ давнихъ поръ проживаетъ на хлѣбахъ въ семействѣ Ольги, и при жизни ея отца разыгрывалъ роль шута. Сосѣдъ Елецкихъ, отставной поручикъ Тропачевъ, прѣхавши навѣстить молодыхъ супруговъ, трунить за завтракомъ надъ Кузовкинымъ, подпаваетъ его, принуждаетъ пѣть и заставляетъ рассказывать исторію процесса, вслѣдствіе котораго Кузовкинъ давнымъ давно лишился небольшого приходившагося ему имѣнія. Когда Кузовкинъ совершенно опьянѣлъ, то ему надѣваютъ на голову огромный колпакъ изъ сахарной бумаги. Это такъ огорчило Кузовкина, что онъ начинаетъ плакать, потомъ горячиться, упрекаетъ Елецкаго, что тотъ позволяетъ такъ дурно съ нимъ обращаться, и наконецъ, объявляетъ ему, что онъ Кузовкинъ, отецъ его жены—Ольги Петровны. Послѣдняя, входившая въ эту минуту въ комнату, услышала эти слова и на другой день, когда Кузовкинъ собирается оставить ихъ домъ, отъ котораго отказалъ ему Елецкий, требуетъ у Кузовкина объясненія вчерашнихъ словъ его. Кузовкинъ послѣ долгаго колебанія, наконецъ признается, что онъ дѣйствительно отецъ Ольги. Онъ рассказываетъ ей при этомъ длинную исторію о жизни покойной ея матери, описываетъ какъ она была несчастлива въ супружествѣ, какъ много терпѣла отъ мужа и какъ, наконецъ, дурное обращеніе съ нею послѣдняго и любовная связь его съ какою то сосѣдкою побудила несчастную женщину прибѣгнуть къ мести, орудіемъ которой былъ онъ, Кузовкинъ, а плодомъ—она Ольга Петровна, нынѣ г-жа Елецкая.

Комедія кончается тѣмъ, что Ольга и мужъ ея, удостоившіеся въ справедливости словъ Кузовкина, на-

1849 год. Особое дело о „Нахлебнике“ (№ 8 по описи 1849 г.) в архиве не сохранилось, погибнув, вероятно, при одном из пожаров в помещении СПб Цензурного Комитета.

дѣляютъ его деньгами для продолженія вышеупомянутаго процесса и для выкупа деревеньки, въ которой Кузовкинъ и хочет поселиться. Заключение. Разсказъ Кузовкина, на которомъ основанъ главный интересъ комедіи, дѣлаетъ его произведеніемъ безнравственнымъ, которое кромѣ того бросаетъ тѣнь на дворянское сословіе. Въ Комедіи кромѣ шута Кузовкина выставлены въ жалкомъ и презрительномъ видѣ еще два другіе подобные ему бѣдняки: Кирпичевъ и Ивановъ сосѣди Елецкихъ. — По этимъ причинамъ гг. Цензора Фрейгангъ и Шидловскій находятъ, что Комедія «Нахлебникъ» къ напечатанію дозволена быть не можетъ, и представили о томъ на благоусмотрѣніе Ценсурнаго Комитета».

Обвинительный комментарий официальныхъ рецензентовъ «Нахлебника» по существу не могъ вызвать тогда никакихъ возраженій, в виду чего СПб. Цензурный Комитетъ сейчасъ же «призналъ эту комедію совершенно безнравственною и наполненною выходками противъ русскихъ дворянъ, представляемыхъ въ презрительномъ видѣ, и потому положилъ: запретить оную и корректурные листы оставить при дѣлѣ»¹⁾.

«Нахлебникъ вашъ не пошелъ — этого бы не случилось еслибъ онъ попалъ къ намъ, а теперь онъ погибъ невозвратно» —

¹⁾ Шесть корректурныхъ листовъ запрещеннаго текста «Нахлебника» обнаруженные в 1917 г. при разборке архива СПб. Комитета по деламъ печати, воспроизведены [нами] в «Литературномъ Музее» (Матер. I отд. IV сек. Гос. Архив. Фонда под ред. Ю. Г. Оксманъ, т. I, СПб., 1919, стр. 189—257). Все листы перенумерованы; в правомъ верхнемъ углу на каждомъ листе надписано «16 февраля»; на обороте второго листа карандашомъ — «къ дѣлу 1849 г. подъ № 8»; на обороте пятого листа чернилами — «Г-ну Цензору Фрейгангу. Отечеств. Зап. Изд. тип. Глазунова». На первомъ листе передъ росписью действующихъ лицъ набрано:

Отечественныя Записки 1849 г. № 3.
«Нахлебникъ»,
Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ
(Посвящена М. С. Щепкину).

Второй экземпляръ корректурныхъ листовъ «Нахлебника» сохранился в бумагахъ А. А. Краевского и находится ныне в Российской Публичной Библиотеке (Ср. «Отчетъ Публич. Биб.» за 1889 г., прилож., стр. 78).

замечалъ 27 марта Тургеневу Некрасов¹⁾), обиженный темъ, что вместо «Современника» пьеса отдана была в «Отечественныя Записки», а самъ авторъ запрещеннаго произведенія, признаваясь, что онъ никакъ «не ожидалъ поражения на голову Нахлебника», писалъ 14/2 апреля в Петербургъ: «С неделю тому назадъ, любезный Краевскій, получилъ я ваше письмо съ извѣстиемъ об окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго Нахлебника. Миръ его праху! Трудно, говоритъ священное писаніе, переть противъ рожна»²⁾.

Неожиданное запрещеніе «Нахлебника» несомненно только усилило успехъ частныхъ чтеній его в московскихъ салонахъ, где, какъ видно, напр., изъ перехваченнаго агентами III отдѣленія письма петрашевца А. Н. Плещеева отъ 20 марта 1849 г. къ С. Ф. Дурову, новая комедія Тургенева занимала «всехъ» наряду съ письмомъ Белинскаго къ Гоголю и послѣдними закордонными статьями Искандера-Герцена³⁾. Несмотря на это, надежды на снятіе опалы съ «Нахлебника» еще долго, очевидно, не оставляли Ивана Сергеевича, и 1/13 декабря онъ «напередъ» проситъ Краевскаго, чтобы «никакихъ важныхъ измѣненій в этой комедіи не было. Лучше ее вовсе не печатать, чѣмъ напечатать изуродованную»⁴⁾, а 24 марта (4 апр.) 1850 г., подъ впечатленіемъ какихъ то непроверенныхъ московскихъ слуховъ, спешитъ сообщить, что «Нахлебникъ наконецъ дозволенъ»⁵⁾, вновь уславливается съ Краевскимъ

¹⁾ А. Н. Пытин, *op. cit.*, 87.

²⁾ «Отчетъ Публ. Библ. за 1890 г.», стр. 4.

³⁾ «Общество пропаганды 1849 г.» Собрание секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій. Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ, 1875, стр. 78 и в изд. В. М. Саблина «Политич. процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы» М. 1907, стр. 39.

⁴⁾ «На дняхъ я прочелъ в одномъ письмѣ гр. Виельгорскаго весьма большіе похвалы моему Нахлебнику, котораго в одномъ обществѣ прочелъ Щепкинъ. Графъ прибавилъ: Cette pièce n'a pas encore été jouée. Стало быть есть надежда, что ее дадутъ и в такомъ случаѣ позволятъ печатать. Вотъ вамъ и пожива. Но я напередъ прошу, чтобы никакихъ важныхъ измѣненій в этой комедіи не было. Лучше ее вовсе не печатать, чѣмъ напечатать изуродованную». («Отчетъ Публ. Библ. за 1890 г.», стр. 9).

⁵⁾ *Op. cit.*, 15. В связи, очевидно, съ невозможностью опубликованія «Нахлебника», Гоголь определялъ его какъ «пьесу съ причиною». (Ср. замечаніе об

об его опубликовании, но, разумеется, и на этот раз преждевременно.

Возвращение Тургенева к концу лета на родину и довольно долгое вслед за тем пребывание в столице ничем, сколько известно, не сказалось на его затянувшейся тяжбе с цензурой из-за запрета комедии. Судьба ее не могла в это время особенно занимать Тургенева, ибо как раз зимой 1850—1851 г.г. для него уже стала выясняться необходимость серьезной художественной переработки текста всех предназначенных им для сцены произведений.

«Как поучительно для автора присутствовать на представлении своей пьесы! — спешил поделиться он 8 декабря с П. Виардо впечатлениями от постановки «Холостяка». — Что там ни говори, но становишься публикой, и каждая длинота, каждый ложный эффект поражает сразу, как удар молнии»¹⁾.

С признанием этим тесно связаны интереснейшие замечания сделанного им несколько позже разбора «Бедной Невесты»²⁾, где, особенно выдвигая «те простые, внезапные движения, в которых звучно высказывается человеческая душа», автор «Нахлебника» сурово предостерегает от «утомительного воспроизведения всех частных и мелочей каждого отдельного характера», от всего того, что «замедляет и охлаждает ход действия».

Явно не удовлетворяя «взыскательного художника» в последнем отношении, начальная редакция «Нахлебника» оставалась тем не менее в течение нескольких лет не правленной, — во первых, потому, что новые замыслы естественно

этом *Аполлона Григорьева* в статье «И. С. Тургенев и его деятельность» («Рус. Слово», 1859, № 4—6).

¹⁾ «Вест. Евр.», 1911, VIII, 197. В письме от 31 октяб. ст.ст. 1850 г. Тургенев отмечает, что он «не видел еще ни одной своей комедии на сцене» (ор. cit., 184). К началу ноября должно относиться посещение им одного из представлений «Завтрака у Предводителя», о связанных с которым впечатлениях автора передает, несколько произвольно, впрочем, комбинируя фактический материал, *А. Я. Головачова-Панаева* («Русские писатели и артисты» СПб, 1890, стр. 251—252).

²⁾ «Несколько слов о комедии Островского „Бедная Невеста“» («Современник», 1852, III, отд. 3, стр. 5).

должны были отвлекать творческое внимание от неимевшей никаких шансов на скорое опубликование пьесы, во вторых, оттого, что Тургенев, навсегда отказавшись после 1852 г. от драматической деятельности, к прежним своим «сценам и комедиям» до новой поездки за границу почти не обращался¹⁾.

В середине 1856 г. вышло в свет первое собрание сочинений Тургенева — его «Повести и Рассказы», дополненными томами к которым естественно должны были явиться недопущенные к перепечатке «Записки Охотника» и, не собранные еще воедино, творения драматические. Отдельное издание последних немедленно взял на себя Н. А. Некрасов²⁾ и, как свидетельствует его «инструкция» Е. А. Колбасину, 6 августа 1856 г. определены были даже технические детали этого, очевидно, еще ранее одобренного самим автором, плана: «Комедии Тургенева издать в 2-х томах, в формате Повестей и на такой же бумаге, в числе 3025 экземпляров. Все издание продать за 4500 руб. Списывать вымаранные цензором места и отправить к Тургеневу. На цензуру все представлять Бекетову через Вульфа»³⁾.

Некоторые признаки смягчения прежнего курса, обозначившиеся с началом нового царствования, позволяли надеяться на пропуск цензурой дотоле запретных тургеневских драматических текстов, но подготовка их к печати, не-

¹⁾ В письме Тургенева из Спасского к доктору И. Ф. Миницкому от 5/хI 1853 г. сохранилось, впрочем, мимоletное замечание: «Нахлебника для вас переписывают» («Вест. Евр.», 1909, VIII, 634). В письме к нему же еще от 5 октяб. 1852 г. нашли место след. соображения Тургенева: «что же касается до вашего предположения на счет печатания моих комедий в Одессе — то не находите ли вы, что мои литературные занятия и так причинили мне в последнее время довольно неприятностей? Я решился в данное время ничего не печатать — но тем сильнее желаю работать» (ор. cit., 629).

²⁾ В относящейся к лету 1856 г. записке Некрасова к Тургеневу с просьбой разрешить перепечатку «Где тонко, там и рвется» он, между прочим, отмечает: «Это, кажется, не может повредить отдельному изданию твоих драм. сочинений, да притом ведь это издание ты предоставляешь мне?» (*А. Н. Пытин*, ор. cit., 141).

³⁾ Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова к Некрасову. Москва. МСМХVI, стр. 277.

смотря на многократные напоминания и просьбы Некрасова, шла настолько медленным темпом, что даже предварительное опубликование в журнале не издавшего еще света «Нахлебника» пришлось отодвигать с месяца на месяц.

Так, 21 сентября 1856 г. Тургенев обещает И. И. Панаеву приняться за «Нахлебника» тотчас после переезда из Куртавенеля в Париж¹⁾, 3 октября в письме к нему же предполагает закончить переделку пьесы к середине следующего месяца (сперва к декабрьской, затем — к январьской книжке «Современника»²⁾), но, начав работу не ранее первых чисел ноября³⁾, он лишь 18 января уведомляет П. В. Анненкова, что «нисколько не прочь от печатания Нахлебника и кое-что даже переделал и сократил. Поправки эти я немедленно вышлю Панаеву — они еще ко 2-му номеру поспеют»⁴⁾. Непосредственное вслед за тем обращение в «Современник» с предложением заблаговременно провести комедию через цензуру («списки достать, я думаю, легко») заключалось несколько для Тургенева необычным поручением «Толстому держать корректуру и в случае надобности — сделать поправки и сокращения»⁵⁾. Таким образом, обещанная переработка «Нахлебника» опять к сроку выполнена Тургеневым не была⁶⁾, и в журнале едва не появился один из случайных списков первой его редакции.

Отправка нового текста комедии в Петербург последовала не ранее средних чисел февраля, ибо еще 13/II

¹⁾ И. И. Панаев, Литературные воспоминания с приложением писем, изд. III, СПб, 1888, стр. 402.

²⁾ Op. cit., 403.

³⁾ «Я принялся за Нахлебника — писал Тургенев 10 ноября 1856 г. — и постараюсь в самом скором времени его выслать, лишь бы здоровье не изменило» (Op. cit., 404).

⁴⁾ «Наша старина», 1914, XI, 990.

⁵⁾ И. И. Панаев. Op. cit., 406.

⁶⁾ «Я умоляю тебя выслать на 2 № „Нахлебника“ или твою статью о Гамлете — писал Некрасов из Рима 18 янв. 1857 г. — Да и вообще пора отправить драматические сочинения для печатания к Колбасину, а то выход затянется до лета и продажа пойдет хуже, впрочем, надеюсь об этом поговорить при свидании (А. Н. Пыпин, Op. cit., 161); 25 дек. 1858 г. в письме к нему же отмечал: „ты одно время предоставлял мне все свои драм. соч.“ (Op. cit., 192).

Н. Г. Чернышевский в письме к Некрасову только отмечал, как «обрадовало» его известие о предстоящем получении «Нахлебника» для третьей книжки журнала¹⁾. В последней, действительно, пьеса увидела, наконец, свет, но с несколько измененным по требованию цензуры заголовком — «Чужой хлеб»²⁾.

Принципиально давно предreshенная, художественная отделка старого текста «Нахлебника» выразилась при печатании его прежде всего в сокращении явно замедлявших ход действия реплик, в тщательном устранении многочисленных и ничем не индивидуализирующих обычной речи повторений, в некоторой чеканке характерных диалогов Елецкого с Тропачевым и, при оставлении без перемен облика самого Кузовкина, в довольно отчетливом кое-где противопоставлении ему второстепенных персонажей произведения³⁾. Проведя всю черновую работу исправления текста «Нахлебника» в 1856—1857 г.г. по тому самому автографу, с которого набиралась пьеса в 1849 г. для «Отеч. Зап.»⁴⁾, Тургенев тем самым как бы санкционировал прежнее построение комедии и ограничивал задание свое лишь общей поверкой ее словесных деталей.

Осведомленный 5/17 марта 1857 г. о снятии запрета с «Нахлебника», Тургенев на другой же день обратился к Панаеву с просьбой немедленно выслать ему пьесу хотя бы «в от-

¹⁾ «Очень обрадовало меня известие (в вашем письме к И. И. Панаеву), что вы, Николай Алексеевич, уговорили Тургенева прислать „Нахлебника“ на третью книжку, и заняться обработкою романа. Без „Нахлебника“ и третья книжка была бы так же неудовлетворительна, как вторая» («Современ. Мир», 1911, X, 162).

²⁾ «Современник», 1857, III, 81—133 (Печатать позволено, СПб, февраль 28 дня. Цензор И. Лажечников).

³⁾ Ср. заметки М. К. Клемана о двух первых редакциях «Нахлебника» («Литер. Музеум», I, 374—377).

⁴⁾ Автограф «Нахлебника» — семнадцать мелко исписанных листов (л. 14 недостает) форматом несколько больше четверки — хранится в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук. Внимательное исследование этого текста позволяет установить, что именно он был в 1848—1849 г. в распоряжении Щепкина и Краевского, а, по возвращении автору, послужил черновой основой второй редакции комедии (Op. cit., 373—374).

дельных листах по почте»¹⁾. Не особенно, однако, полагаясь на Панаева, он 8/III писал о том же Е. А. Колбасину: «я узнал, что мою комедию Нахлебник пропустили под заглавием Чужой хлеб. Я просил Панаева, чтобы он, не дожидаясь отправления мартовского нумера, послал бы по почте листы этой комедии. Так как я не очень верю его деятельности, то сделайте одолжение, напомните ему об этом или возьмите эти листы и пришлите сами»²⁾.

Допущение «Нахлебника» к печати нисколько, как известно, не могло обеспечить пропуска его цензурой драматической и, несмотря на то, что со времени написания комедия являлась «предметом дум, тайных желаний и явных домогательств» такого большого артиста и влиятельного человека, как М. С. Щепкин, провести ее на сцену по прежнему никак не удавалось. В самом лишь конце 1861 г., благодаря счастливой для пьесы случайности—временному исполнению обязанностей начальника III отделения братом П. В. Анненковым,³⁾—друзьям Тургенева удалось получить разрешение на ее постановку. «Слышал, что разрешили представить Нахлебника—писал Тургенев 11/23 декабря П. В. Анненкову—в таком случае передаю вам все свои права и прошу в особенности обратить внимание на то, чтобы Нахлебника не давали без прибавочной сцены во 2 акте, которую я давным давно выслал Щепкину и которую могу выслать вам теперь»⁴⁾. Эта новая вставная сцена,

¹⁾ И. И. Панаев, *op. cit.*, 407. В письме к И. И. Панаеву от 26 марта ст. ст. 1857 г. сохранилось упоминание Тургенева об авторском гонораре за комедию: «Сделай одолжение, выдай немедленно Д. Колбасину следующие 240 р. сер. за „Чужой хлеб“ (считая по 75 р. за лист, как сказано в условии)», *op. cit.*, 407.

²⁾ Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 50.

³⁾ Воспоминания Ф. А. Бурдина (*Вестн. Евр.*, 1886, XII, 671).

⁴⁾ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, СПб., 1909, 554. Несомненно к более позднему времени должно относиться письмо Тургенева, на которое ссылается Анненков в одном из своих черновых набросков воспоминаний: «Осенью 1861 года, по возвращении моем в Петербург, я получил из Парижа след. письмо: Милейший Пав. Вас.—писал Тургенев: 1) Я получил от Бурдина письмо, в котором он заявляет желание играть главную роль в „Нахлебнике“ или „Чужом хлебе“, якобы допущенном на сцену. Мне

обусловившая некоторое изменение первоначального построения всего акта, с небывалой для тургеневских комедий резкостью выявляла до конца облик еще в 1857 г. выдвинутого автором Елецкого. В текстах первых двух редакций «Нахлебника»—запрещенной и журнальной—Елецкий, возвратившись к гостям после объяснения с Ольгой о Кузовкине, решительно обрывает Тропачева, возобновившего, было, свои шутки (его даже «передергивает» от них), настоятельно предлагает не вспоминать о происшедшем и, желая оставить жену с Василием Семеновичем наедине, выпроваживает всех в сад. В следующей за тем трогательной сцене между Кузовкиным и Ольгой Петровной, последней удается уговорить отца принять деньги на выкуп Ветрова—(«Вы могли отказать чужой, богатой женщине, вы имели право не принять ее подарка, но дочери, вашей дочери вы не можете, вы не должны отказать... Не плачьте, не плачь... мы будем видаться... ты к нам будешь ездить»...), и к возвращению хозяина и гостей из прогулки «все—говоря словами Елецкого—устроено»... В новой редакции, Елецкий, предложив гостям *un petit tour*, сам остается с Кузовкиным, грубо обвиняет старика в вымогательстве, резко требует публичного отказа от «нелепой басни» и, дав ему

кажется—Бурдин чорт знает что сделает из этой роли, но так как я предоставил и предоставляю Вам всю эту вещь, то Вы и решите, как знаете. Не помню, спрашивал ли я Вас—имеете ли Вы сцену, которую я прибавил во втором акте и послал Щепкину. Эта сцена необходима. На всякий случай я ее перепишу и вместе с другими поправками и изменениями pošлю ее Вам дня через два или три». Получив наконец от Щербаева пьесу и поправки к Нахлебнику, я переслал их М. С. Щепкину, который и сам приехал в Петербург для первого представления. Подаренный ему автором „Нахлебник“ сделался с тех пор предметом его дум, тайных его желаний и явных домогательств, которые не прекращались все время, когда он находился под запрещением. Неожидаанное осуществление его мысли возвратило ему молодость... (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, СПб., 1912, III, 481). Следует, впрочем, отметить некоторую неточность свидетельства Анненкова о времени и месте первого представления „Нахлебника“, состоявшегося, как известно, на сцене Московского Большого Театра в бенефис М. С. Щепкина 30 января 1862 г. (Ср. замечания об этом спектакле А. Н. Баженова в „Московских Ведомостях“, 1862, № 33).

«четверть часа на размышление», выходит. Только после того следует сцена с Ольгой Петровной, возвращение всех из сада—и прежнее заключение комедии получает, таким образом, совсем иную психологическую мотивировку.

Прочие варианты третьей редакции «Нахлебника» определялись, во первых, заметной динамизацией всего произведения (оживление Елецкого, Ольги Петровны, Тропачева, выявление Иванова), во вторых—новым сокращением начального текста, имеющим целью выигрыш места для вставной сцены и, наконец, в третьих—завершением стилистической его отделки¹⁾.

Эта переработка комедии при постановке ее в 1862 г. на императорской сцене принята во внимание, однако, не была ни в Москве, ни в Петербурге. С одной стороны, несколько натуралистическая дополнительная сцена во втором акте мало, очевидно, соответствовала старым эстетическим традициям друзей автора, свыкшихся с прежним текстом²⁾, с другой—им могло представляться рискованным вновь обращаться с «Нахлебником» в цензуру, ибо, несмотря на утверждение его в репертуаре, в охранительных кругах продолжали высказываться опасения, что «комедия раздражит еще и без того тревожно настроенную публику и послужит предлогом к переносу политических страстей с арены публичных прений в театральный партер; опасались и враждебных и симпатических заявлений»³⁾.

Предположения эти, о которых с таким волнением передает в своих воспоминаниях П. В. Анненков, оказались

¹⁾ Впервые опубликован был этот текст «Нахлебника» только в 1869 г. среди «сцен и комедий», составивших, наконец, отдельный (шестой) том салаевского издания собрания сочинений Тургенева. Перепечатки последних в 1874, 1880 и 1883 г. воспроизводят текст третьей редакции «Нахлебника» почти без всяких уже исправлений.

²⁾ В письме от 10/22 февраля 1862 г. к В. Я. Карташевской Тургенев упоминает, что, как он узнал из письма П. В. Анненкова, «прибавочная сцена в *Нахлебнике* не попадает в театр. Но в ней нет ничего зазорного и написана она более с целью поправления плохой пьесы». Впрочем он «машет рукою», так как пьеса «от сокращения, по выражению Анненкова, не будет ни лучше, ни хуже» («Голос Мяну», 1919, № 1—4, стр. 215—216).

³⁾ «М. М. Стасюлевич и его современн.», *op cit*, 483.

совершенно беспочвенны. Публицистические тенденции двенадцать лет находившегося под запретом произведения не могли в эмансипационный период оказать того действия, какого с таким волнением и тревогой были все основания ожидать в пору создания пьесы—в грозном 1848 году. Элементы, определившие тогда восприятие «Нахлебника» с официально классовой точки зрения—«выходки против русского дворянства, представляемого в презрительном виде»—утратили уже свое значение, произведения обличительного жанра давно сменили в общественном и литературном обиходе «сентиментально-филантропические настроения периода «Шинели», «Муму» и «Бедных людей» и, в то время как театральные рецензенты отмечали появление, наконец, на сцене «давно ожидаемой пьесы г. Тургенева»¹⁾, последняя могла в некоторой исторической перспективе подлежать лишь формально-художественной интерпретации.

¹⁾ «Санктпетербургские Ведомости», 1862 г., № 33. Ср. А. И. Вольф, «Хроника Петербургских театров» СПб, 1877, III, 23 и «Северная Почта», 7 февраля 1862 г., № 30: «Сегодня, 7 февраля, в пользу г-жи Снетковой 3-ей.—*Нахлебник*, ком. в 3-х д.; «*Страшная ночь*», ком. в 1 д.; *Сельские школы*, сцены в 1 д.; *Нимфы и сатиры*, анакреонт дивертисмент в 1 д.; дивертисмент из танцев».

Одноактная комедия «Завтрак у Предводителя», обозначенная первоначально Тургеневым как «сцена из уездной жизни», творчески реализована была им во время пребывания в Куртавенеле летом 1849 года.

Определив незадолго перед тем театр, как «самое непосредственное произведение целого общества, целого быта», он тематическим стержнем своих построений намечает в «Завтраке у Предводителя» характернейший для мелкопоместной провинциальной среды процесс затяжного и никак «полнобовно» не удающегося раздела — размежевания.

Опыт подхода к этой жизненно-колоритной и необычайно благодарной по своим чисто комическим возможностям и сценическим перспективам фабуле уже сделан был Тургеневым в одном из первых очерков «Записок Охотника»: так, несколько реплик, образов и коллизий «Однодворца Овсянникова» на два года несомненно предвосхищали построение «Завтрака у Предводителя».

«На прошлой неделе — передает Овсянников о неудаче одного из помещичьих переделов — с'ехали мы в Березовку, по приглашению посредника, Никифора Ильича. И говорит нам посредник, Никифор Ильич: «надо, господа, размежеваться; это срам, наш участок ото всех других отстал, приступимте к делу». Вот и приступили. Пошли толки, споры, как водится; поверенный наш ломаться стал. Но первый забуянил Овчинников. Порфирий... И из чего буянит человек?.. У самого — вершка земли нету: по поручению брата распоряжается. Кричит: «нет! меня вам не провести! нет, не на того натинулись! планы сюда! землемера мне подайте,

хриstopродавца подайте сюда» — «Да какое, наконец, ваше требование?» — «Вот дурака нашли! эка! вы думаете: я вам так таки сейчас мое требование и объявлю?... нет, вы планы сюда подайте, — вот что!» А сам рукой стучит по планам. Марфу Дмитриевну обидел кровно. Та кричит: «как вы смееете мою репутацию позорить?» — «Я», говорит, «вашей репутации моей бурой кобыле не желаю». Насилу мадерой отпоили. Его успокоили, — другие забунтовали. Королев то Александр Владимырьч сидит, мой голубчик, в углу, набалдашник на палке покусывает, да только головой качает. Совестно мне стало, мочи нет, хоть вон бежать. Что, мол, об нас подумает человек? Глядь, поднялся мой Александр Владимырьч, показывает вид, что говорить желает. Посредник засуетился, говорит: «господа, господа, Александр Владимырьч говорить желает». И нельзя не похвалить дворян: все тотчас замолчали. Вот и начал Александр Владимырьч, я говорит: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались; что хотя размежевание, бесспорно, выгодно для владельцев, но в сущности оно введено для чего? — для того, чтоб крестьянину было легче, чтоб ему работать сподручнее было, повинности справлять; а то теперь он сам своей земли не знает и нередко за пять верст пахать едет, — и взыскать с него нельзя. Потом сказал Александр Владимырьч, что помещику грешно не заботиться о благосостоянии крестьян, что, наконец, если здраво рассудить, их выгоды и наши выгоды — все едино: им хорошо — нам хорошо, им худо — нам худо... и что, следовательно, грешно и не рассудительно не соглашаться из-за пустяков... И пошел, и пошел... да, ведь, как говорил! за душу так и забирает... Дворяне то все носы повесили; я сам, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, в старинных книгах таких речей не бывает... А чем кончилось. Сам четырех десятин мохового болота не уступил и продать не захотел. Говорит: я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на нем заведу, с усовершенствованиями. Я, говорит, уж это место выбрал: у меня на этот счет свои соображения... И хоть бы это было справедливо: а то просто, — сосед Александр Владимырьча, Карасиков Антон, поскупился Королевскому приказчику сто

рублев ассигнациями взнести. Так мы и раз'ехались, не сделавши дела...»¹⁾).

Весьма возможно, что превалирующий в передаче рассказа Овсянникова элемент драматической композиции определял не только сюжет, но оттенял и самую форму будущего «Завтрака у Предводителя». Подготовлена к печати новая комедия была в необычайно короткий срок, а сам автор ее—судя по брошенному вскользь замечанию в одном из писем к П. Виардо от начала июля 1849 года о только что «написанной, переписанной и отправленной» в Москву пьесе²⁾),—не придавал последней особенно серьезного значения и интереса.

К началу сезона «Завтрак у Предводителя» привезен был М. С. Щепкиным в Петербург и, как видно из письма Некрасова к Тургеневу, немедленно по поступлении в редакцию «Современника» сдан в набор для десятой книжки журнала³⁾. 12 сентября пять корректурных листов пьесы представлены были одному из постоянных цензоров «Современника» И. И. Срезневскому и, вероятно, одновременно в III отделение Собственной Его Величества канцелярии, в ведении которой находилась тогда цензура драматическая. Первоначально не внушая никаких опасений, параллельное рассмотрение «Завтрака у Предводителя» в двух цензурных инстанциях, одна из которых должна была разрешить его напечатание, другая—постановку, неожиданно осложнилось: пьеса из за некоторых «сомнений» не могла появиться ни в десятой, ни в одиннадцатой книжке журнала. В последней, правда, в рубрике «театральные новости» Н. А.

¹⁾ «Современник», 1847, III, 155—156. В состав «действующих лиц» комедии Тургенев, кроме того, ввел упоминаемого Митей в «Одюдворце Овсянникове» помещика Безпандина: «У шутоломовских крестьян сосед Безпандин четыре десятины земли запахал. Моя, говорит, земля... А земля их бесспорная, крепостная испокон веку. Вот, и пришли ко мне, говорят: нашии просьбу. Я и написал. А Безпандин узнал и грозиться начал: «я, говорит, этому Митьке задние лопатки из вертлюгов повыдергаю, а не то и совсем голову с плеч снесу».

²⁾ И. С. Тургенев. Незданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям. М. 1900, стр. 90.

³⁾ А. Н. Пыпин, «Н. А. Некрасов», СПб., 1905, стр. 101.

Некрасов мог уже упомянуть о предстоящей постановке «Завтрака у Предводителя» на Александринской сцене¹⁾), но вопрос об опубликовании комедии по-прежнему продолжал оставаться только «вопросом»: «Ваш Завтрак у Предводителя—писал Некрасов 8 ноября Тургеневу—подвергался сомнению (ибо в нем действуют помещики), но теперь его позволили для сцены, и стало быть он попадет и в печать»²⁾).

Предположения эти, как известно, не оправдались: «решительные меры», которые Высочайше предложено было 24 октября 1849 г. принять против «замеченного неоднократно в журнале неблагонамеренного направления», не могли не сказаться в исключительно суровой оценке цензорами «Современника» материала очередных номеров; тенденции тургеневских сцен из уездной жизни должны были внушить в это время тем большее опасение, что лишь недавно их автору инкриминировалось в «Нахлебнике» подобное же стремление «бросить тень на дворянское сословие»—обвинение, не снятое даже после допущения 9 декабря постановки «Завтрака у Предводителя» на императорской сцене в бенефис П. А. Каратыгина³⁾).

Н. А. Некрасов продолжал, тем не менее, толковать неодобрение пьесы, как личный каприз, как «упрямство», обусловленное произвольным толкованием тургеневского сюжета, и уверен был в разрешении «Завтрака у Предводителя» цензорами другого издания, например, «Отечественных Записок», куда, по его совету⁴⁾), и обратился Тургенев 24 марта 1850 г.: «Я более, чем когда нибудь желаю теперь вернуться,—писал он А. А. Краевскому из Парижа,—для этого мне не достает одного: денег. Мне совестно говорить об этом вам, которому я уже без того много дол-

¹⁾ «Современник», 1849, кн. XI, смесь, стр. 139.

²⁾ А. Н. Пыпин, *op. cit.*, 106.

³⁾ «Сев. Пчела», 1849, № 274, пятница, 9 декабря. Характерно, что имя автора в афишах указано не было, а заголовок, согласно водевильной традиции, несколько распространен: «Завтрак у Предводителя или Полюбовный дележ, оригинальная комедия».

⁴⁾ А. Н. Пыпин, *op. cit.*, 104.

жен, но я прошу немногого: 200 р. сер. За то я вам предлагаю, кроме моей благодарности, во 1-х, Нахлебника, который, наконец, позволен в Москве (сколько мне известно из письма оттуда); во 2-х, мою небольшую одноактную комедию «Завтрак у Предводителя», которую г-да редакторы Современника вручат вам (их цензор почему то заартачился, хотя ее позволили на театре)»¹).

Очевидно, Тургеневу в это время не были еще известны те искажения подлинного текста комедии, согласием на которые удалось обеспечить ее появление на сцене,—но даже этой цензурной редакции «Завтрака», несмотря на все возрастающий успех пьесы и оживленнейший вокруг нее обмен мнений на страницах наиболее распространенных изданий²), нельзя было в течение нескольких лет провести в печать.

«Тяжелые тогда стояли времена — вспоминал впоследствии об этой поре своей литературной работы Тургенев, возвратившийся к осени 1850 года на родину»³). — Утром

¹) Отчет Имп. Публ. Библ. за 1890 г., СПб., 1893, приложение, стр. 15.

²) Восторженная оценка новой комедии „как со стороны создания, так и со стороны выполнения“ дана была Ф. А. Кони в „Пантеоне и репертуаре русской сцены“, 1850 г., I, 26. Очень сочувственны были отзывы о комедии рецензентов „Северной Пчелы“ (1849, 22 декабря, № 285)—Р. Зотова, „Отечественных Записок“—Вл. Ч., (1850, т. LXVIII, отд. VIII, стр. 47 и 52-55) и отклик именованной успеха московской постановки—Апол. Григорьева („Отеч. Зап.“, 1850, I, отд. VIII, 85). Резко отрицательно встречена была пьеса лишь „Библиотекой для чтения“ (1850 г. т. 99, Новости-петерб. сцены, стр. 105—108). Ср. более позднее свидетельство об успехе „Завтрака у Предводителя“—И. И. Панаева („Современник“, LIV, 1855 г., стр. 266) и А. И. Вольфа, наивно подчеркивавшего отсутствие в комедии „всяких задних мыслей, всяких тенденций“ и, главное, „желания представить российское дворянство с невыгодной стороны“ („Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г.“, СПб., 1877, ч. I, стр. 136).

³) Во время пребывания своего в Петербурге в начале ноября 1850 г. („Вест. Евр.“, 1911, VIII, 181—189) Тургенев посетил одно из представлений „Завтрака у Предводителя“, подробности о связанных с которым „приготовлениях“ И. И. Панаева, волнениях автора, неуспехе актеров и пр., передаваемые А. Я. Головачевой-Панаевой („Русские писатели и артисты“, СПб. 1890, стр. 251—2), вызывают серьезнейшие сомнения ввиду некоторого несоответствия их сохранившимся документальным данным. К осени 1850 г.

тебе, быть может, возвратили твою корректуру, всю исполованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; может быть тебе даже пришлось с'ездить к цензору, представить напрасные и унижительные объяснения, оправдания, выслушать его безапелляционный, часто насмешливый приговор... Особенным юмором отличался при подобных свиданиях цензор Ф(рейганг), тот самый, который говаривал: „помилуйте, я все буквы оставляю: только дух повытравлю“. — Он мне сказал однажды, с чувством глядя мне в глаза. «Вы хотите, чтоб я не вымарывал; но посудите сами: я не вымараю — и могу лишиться 3.000 руб. в год, а вымараю—кому от этого какая печаль? — Были словечки, нет словечек—ну, а дальше?—Как же мне не марать!? Бог с вами!»¹).

Испещренные красными чернильными пометами корректурные гранки «Завтрака у Предводителя», перешедшего на рассмотрение только что охарактеризованного цензора «Отечественных Записок» А. И. Фрейганга, могут служить документальным подтверждением всего тургеневского расказа.

Тщетно пытаюсь, однако, обезвредить пьесу путем определенных искажений, сокращений и исключений отдельных слов, реплик и целых сцен, новый цензор в конце концов отказался взять на себя ответственность за разрешение этого «сомнительного» произведения и обратился 14 ноября 1850 г. со следующим чисто формальным представлением на имя председателя СПб. цензурного комитета гр. М. Н. Мушина-Пушкина:

Для помѣщенія въ журналѣ «Отечественныя Записки» доставлена на мое разсмотрѣніе комедія въ одномъ дѣйствіи

должны быть также отнесены адрес на задержанных впоследствии цензурой корректурных гранках „Завтрака у Предводителя“: „гост. Наполеон, в Мал. Морск., г-ну Тургеневу в № 6“ и авторские пометки в росписи действующих лиц об именах петербургских актеров, исполнивших в пьесе главные роли: „Сосницкий“ (Балагалаев), „Самойлов“ (Пехтерьев), „Каратыгин 2-й“ (Алупкин), „Мартынов“ (Мирвошкин), „Сосницкая“ (Каурова).

¹) Пол. соб. соч. И. С. Тургенева, XII, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1898, стр. 45—46.

«Завтрак у Предводителя». Так как комедия эта не одобрена цензурою для другого журнала «Современник», то я имѣю честь испрашивать разрѣшенія Вашего Превосходительства: слѣдуетъ ли затѣмъ считать означенную пьесу запрещенною.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

В тот же день рапорт этот был оглашен в заседании СПб цензурного комитета, «определение» которого, разумеется, оказалось не в пользу рассматриваемого произведения: «Комедию Завтрак у Предводителя — отмечено было в протоколе — уже запрещенную къ печатанію въ Современникѣ, не позволять къ напечатанію въ «Отечественныхъ Запискахъ». Корректурные листы этой комедии удержать при дѣлахъ и о запрещеніи ея сообщить прочимъ цензурнымъ комитетамъ»¹⁾.

Включенный, таким образом, подобно «Нахлебнику» и «Месяцу в деревне» в число «недозволенныхъ» к опубликованию творений, «Завтрак у Предводителя» освобожден был от запрета только в 1856 году, когда, в связи с фактическим пересмотром некоторых оснований прежних цензурных изъятий, он увидел свет в августовской книжке «Современника»²⁾.

В основу первопечатного текста произведения, для облегчения формального дозволения его в журнале, положен был, однако, не авторизованный корректурный оригинал, а одобренная, очевидно, ранее для сцены, сглаженная и сокращенная «цензурная» редакция. В этом убеждает не только общий характер всех искажений и усечений полной редакции «Завтрака» в «Современнике», не только некоторые технические детали последнего (устранение длиннот, замедляющих темп действия, отделение авторских ремарок от

реплик действующих лиц, разбивка на «явления», вообще почти не свойственная Тургеневу¹⁾, самое обозначение «комедия»), но и такие определенно известные нам особенности театрального текста, как переделка неудобной на императорской сцене для дворянина фамилии «Мирвошкин» в «Мирволин», заключительная реплика «Вот тебе и полюбовный дележ!» вместо «Вот тут и дели этих господ» и мн. др.³⁾.

В 1860 году «Завтрак у Предводителя» перепечатывается из «Современника» в десятом номере «Драматического Сборника» Ф. Стелловского и выпускается им же отдельно. «Мы не охотники до драматических опытов г. Тургенева, за исключением Завтрака у Предводителя, который не более как рассказ в драматической форме. Остальные его комедии и драмы: «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка», «Холостяк», «Нахлебник», все это очень длинно и

¹⁾ На явления разбита только «Провинциалка», написанная в Петербурге в ноябре 1850 г. для В. В. Самойловой и появившаяся в первой книге «Отеч. Записок» за 1851 г. «Я вижу, что „Провинциалку“ напечатали в „Для легкого чтения“ — писал Тургенев Некрасову 22-XI 1857 г. — „Помнится, она появилась в Отеч. Зап. с миллионом опечаток; надеюсь, что их выправили. Другие мои комедии (как-то: „Месяц в деревне“ и т. д.) прошу тебя не печатать, ибо я хочу их издать отдельно, предварительно поправивши и переделавши („Рус. Мысль“, 1902, I, 522).

²⁾ «Библ. для чтения» 1850 г., т. 99, стр. 108 и «Отеч. Зап.» LXVIII, стр. 52—55; подлинный театральный текст «Завтрака у Предводителя» пока еще неизвестен, и в своих заключениях о некоторых особенностях его мы могли исходить лишь из случайно дошедших до нас в отзывах рецензентов первой постановки комедии нескольких весьма показательных цитат. Возможно, что цензурные варианты театральной редакции «Завтрака» были приняты во внимание Фрейгангом при его работе над текстом пьесы, предназначенным для опубликования в журнале. Помимо означенных нами выше запрещенных деталей комедии, из нее исчезли характернейшие ремарки о числе крепостных душ, которыми владеет каждый из помещиков, замечательнейшие диалоги о «развращенных девах кружевницах — первых отравительницах», о барышниках в начальной сцене, о тростнике, который крестьянские коровы и те с голодухи не едят», ссылка Перхтерьева на царя Алексея Михайловича, место, где Каурова начинает читать «Господи, владыка живота моего», и мн. др. строк, интерес и значение которых устанавливается простым сличением подлинного тургеневского текста с общеизвестным печатным. Ср. данные М. К. Клемана о последних текстах «Завтрака у Предводителя» («Литер. Музеум», I, 384—391).

¹⁾ Архив цензуры и печати: Дело С. Петерб. Цензур. Комитета о статьях запрещенных по докладам цензоров, № 26, Нач. 7 февр. 1850 г. кон. 14 ноября, л. 29 и 30.

²⁾ «Современник» 1856 г. август, стр. 207—236 (цензурная дата книги — июля 19 дня 1856 г. Старший цензор Ротфорт: на обложке — СПб. июля 31 дня. Цензор В. Бекетов).

скучно на сцене» — отмечал в февральской книге «Русского Вестника» за 1861 г. М. Н. Лонгинов — и, быть может, отчасти поэтому в 1864 г., подготавливая 3-е издание собрания своих сочинений¹⁾, Тургенев впервые включает в него «Завтрак у Предводителя» — «сцены — по неожиданному его признанию в предисловии — не имеющие значения драматического». Характерно, что ни в этом, ни в позднейших изданиях (1869, 1874, 1880, 1883 г.г.) не были устранены существеннейшие искажения начального текста, на которые пришлось согласиться в 50-х годах по чисто цензурным условиям: запрещенная — наиболее полная редакция «Завтрака у Предводителя» оставалась до последнего времени неизвестной²⁾, а сам автор ее, вообще не склонный к серьезной реконструкции цензурных оригиналов своих ранних произведений, ограничивался при просмотре их «полных собраний» лишь беглыми стилистическими поправками первопечатного текста.

¹⁾ Соч. И. С. Тургенева (1844–1864). Изд. братьев Салаевых, том второй. Карлсруэ. В придвор. типогр. В. Гаспера. 1865 (Дозволено Ценсурой, С. Петербург, 20-го февраля 1864).

²⁾ По корректурным листам, обнаруженным нами в 1917 г. в архиве СПб. Комитета по делам печати, первоначальный текст «Завтрака у Предводителя» опубликован был в альманахе «Литературный Музеум» (т. I, СПб, 1919, стр. 361–311), а затем по новой орфографии воспроизведен в общедоступном отдельном издании (Одесса, 1921).

V.

К БИОГРАФИИ И. С. ТУРГЕНЕВА

1. Тургенев в С.-Петербургском университете
2. Цензурная справка о „Помещике“
3. К истории „Письма“ о смерти Гоголя

1. ТУРГЕНЕВ В С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

18 июля 1834 года, закончив перед тем в Москве переходные экзамены с первого на второй курс словесного факультета¹⁾, И. С. Тургенев—из-за переезда родных в столицу—вошел с ходатайством о приеме его «в число своекоштных студентов» С.-Петербургского Университета по историко-филологическому отделению.

Как рассадник высшего образования, СПб университет не стоял в это время на высоте своего призвания и, едва оправившись за тринадцать лет от рунического погрома, выпускал из своих стен людей, по авторитетному свидетельству его студента, профессора, а затем и официального историка,—«с весьма малым запасом сведений и еще с меньшею любовью к науке.—Жиденькое знание профессорских тетрадок или печатных учебников, испарявшееся со сдачею каждого экзамена, и оставлявшее в голове только название пройденных наук, смутное представление об их содержании и объеме, да случайно застрявшие в памяти факты и положения: вот все, что обыкновенно выносили тогда студенты из университета. Об источниках и литературе преподававшихся предметов никто никакого понятия не имел: студент, выходявший из университета с знанием, каким образом приобретаются научные сведения, и умением работать научнообразно, являлся у нас исключением крайне редким... Причинами такого положения вещей были, без сомнения: плохая подготовка, с которою молодые люди вступали в универси-

¹⁾ Третьим по успехам из шести студентов, переведенных на второй курс. *Н. С. Тихонравов*. „И. С. Тургенев в Московском Университете“ („Вест. Евр.“, 1894, I, 721).

тет, неудовлетворительность профессорского преподавания, и отсутствие в заведении той научной закваски, которая, в Московском Университете, вырабатывала хороших студентов при тех же самых неблагоприятных условиях»¹⁾).

Преобразование университета по новому уставу, высочайше утвержденному 26 июля 1835 г., не могло быть полностью осуществлено в ближайшем учебном году, и Тургенев заканчивал философский факультет фактически по планам прежнего трехгодичного курса еще не обновленного филологического отделения²⁾.

Как известно, проведенные здесь будущим писателем годы остались ничем незапечатленными в его творчестве и, если не считать нескольких мимолетних характеристик в позднейших «Литературных и Житейских воспоминаниях», сам Тургенев времени пребывания своего в СПб Университете почти никогда не касался³⁾. Документальный материал об этом периоде его жизни чрезвычайно скуден и относится, главным образом, к повторным испытаниям его на степень кандидата в 1837 году⁴⁾. Поэтому, не-

¹⁾ В. В. Григорьев. «Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования», СПб, 1870, стр. 104—105.

²⁾ Философский факультет объединял по уставу 1835 года два отделения: первое—филологическое и второе—математическое; курс преподавания на одном и другом устанавливался четырехлетний.

³⁾ В письме Тургенева от 17 сентября 1876 г. к М. Е. Салтыкову есть очень любопытное замечание об официальной истории СПб. Университета, автор которой занимал тогда пост начальника главного управления по делам печати: «История ваша с Григорьевым меня не удивляет... Я имею честь разделять с вами недоброжелательность г. Г—ва. Он издал историю 50-летия Петербургского Университета и в числе сотен лиц, поименованных им и получивших свое образование в этом заведении, упомянул меня, причем весьма презрительно отозвался обо мне. Что делать! постараемся утешиться» (Первое соб. писем И. С. Тургенева, СПб, 1885, стр. 300). Вероятно, некоторая «презрительность» усмотрена была Тургеневым в полном игнорировании его имени в тексте истории (напр., в перечне выдающихся воспитанников университета), так как никакого отзыва о писателе в книге нет, и поименован он, действительно, лишь в числе сотен других лиц, отмеченных в пятом приложении к «истории» (ор. cit., LXXIV).

⁴⁾ Ср. М. И. Сухомлинов. И. С. Тургенев, СПб, 1884, стр. 4 и Н. М. Лисовский. «Новые материалы для биографии Тургенева» («Библиограф», 1892, № 3, стр. 98-99).

сколько новых данных о Тургеневе-студенте, извлеченных нами из «Дела Совета Императорского СПб Университета о годичных экзаменах студентов в 1836 году»¹⁾, приобретают совершенно особый интерес и значение первоисточника для характеристики учебных лет одного из крупнейших наших художников слова.

Правда, роль экзаменационных баллов, как показателя учебных успехов и интересов, несколько условна, но, при наличии некоторых дополнительных данных, традиционная оценка знаний молодого Тургенева по обязательным факультетским предметам должна быть признана весьма для него характерной. «Я был убежден—пояснял впоследствии свое отношение к родной науке Иван Сергеевич—что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей. Из числа тогдашних преподавателей С.-Петербургского университета не было ни одного, который бы мог поколебать во мне это убеждение». В самом деле, все, напр., философские дисциплины были прослушаны Тургеневым у единственного представителя кафедры проф. А. А. Фишера, знакомившего студентов с «азбукою философии в кантовской разработке», но, в виду слабого знания русского языка, «совершенно по гимназически, прибегая даже нередко к сократическому способу изложения»²⁾. Кафедру *русской словесности* занимал в это время П. А. Плетнев, преподавание которого не отличалось «ни особенною новостью взглядов, ни глубиной мысли, и еще менее ученностью». За то, как свидетельствует Тургенев, «он искренно любил свой предмет, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом, и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное: он умел сообщать слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, умел заинтересовать их»³⁾.

¹⁾ Архив Петербургского Университета: Дело Совета Императорского СПб. университета о годичных экзаменах студентов в 1836 году. Начато 27 июня 1836 г., № 173.

²⁾ В. В. Григорьев, ор. cit., 88-89.

³⁾ По собственной формулировке П. А. Плетнева, в основу лекций положено было им «историко-критическое объяснение произведений отече-

Теоретическое преподавание по этой кафедре перешло в бытность Тургенева на последнем курсе к А. В. Никитенко, обращавшемуся при изложении теории словесности «к основным началам природы и человеческой жизни, извлекая их из психологии и истории; для доставления же общим началам несомненной применимости, вводил их в область русской народности, уравнивая правила мышления с требованиями нашего языка и успехами литературы»¹⁾. В основу курса *всеобщей истории* проф. И. П. Шульгина положены были довольно элементарные «мысли о духе и связи событий в Европе с исхода XV до начала XIX века», вошедшие в его же учебник «Изображение характера и содержания истории трех последних веков». На правах адъюнкта *историю древнего мира и средних веков* читал в 1834-1835 учебном году Н. В. Гоголь, отношение к редким лекциям которого осталось на всю жизнь у Тургенева крайнее отрицательным, а с 1835 г. его сменил начавший лишь тогда свою ученую деятельность М. С. Куторга. Кафедру *русской истории* представлял ограниченный эрудит Н. Г. Устрялов, *классической филологии* — малодоступный студентам Ф. Б. Грефе и совершенно не авторитетный бездарный адъюнкт его И. Я. Соколов; *статистику* читал (по учебнику Зябловского) на втором курсе будущий цензор Тургенева А. Л. Крылов, а на третьем — молодой В. С. Порошин; *догматическое богословие* — протопресвитер В. Б. Бажанов и, наконец, немецкий язык и литературу лектор К. Ф. Свенске, разбиравший со студентами «исключительно Шиллера, преимущественно драмы его и лирические стихотворения»²⁾.

При той подготовке, которая Тургеневым была получена в Москве и закреплена — в дополнение к лекциям —

ственной Литературы, соединяя в нем взгляд на успехи умственных сил вообще с характеристикой самого искусства, в переменах которого показывал развитие духовной жизни наций» (Первое двадцатипятилетие С.-Петербургского университета, СПб, 1844, стр. 80).

¹⁾ П. А. Плетнев, *Первое двадцатипятилетие...*, стр. 80-81. Сверх того, А. В. Никитенко «упражнял студентов в сочинениях на русском языке».

²⁾ В. В. Григорьев, *op. cit.*, 91—95, 141.

особыми с 1835 г. занятиями на дому с известным педагогом классиком Вальтером¹⁾, экзаменационные показатели общего усвоения им университетского курса отнюдь не свидетельствуют о значительности его достижений. Неизменно хорошими являлись лишь отметки по «русской словесности», богословию и философии; на третьем курсе констатировано было повышение уровня знаний по обоим древним языкам (четверки вместо прежних двоек и троек), просто удовлетворительными были всегда отметки по географии и статистике и, наконец, явная неуспешность Тургенева установлена была в области исторических дисциплин — двойки по всеобщей истории на II и III курсе, двойка по русской в последнем году²⁾.

Прежде всего, очевидно, поэтому пришлось будущему писателю в официальной «сравнительной ведомости» I отделения философского факультета за 1836 г. «о успехах выпускаемых ныне студентов, расположенных по их достоинству и с означением удостоения» занять лишь десятое место (всего выпущено было 14 казеннокоштных и 5 своекоштных слушателей).

Трудно судить, чем вызван был отмеченный нами выше неожиданный дефект в усвоении Тургеневым обязательных факультетских предметов, но, во всяком случае, можно считать отныне установленным, что лишь крайне низкая оценка его знаний по всеобщей истории, весьма неблагоприятно осложнив весь «вывод средней сложности успехов» за два учебных года, обусловила выпуск Тургенева в 1836 г. из С. Петербургского университета со званием только «действительного студента» и новые — по прослушании еще раз

¹⁾ «Я давал Ивану Сергеевичу — вспоминал впоследствии Вальтер — в течении двух лет, на дому, private уроки чтения Горация, Тацита, Гомера, Софокла и других классиков. Он жил тогда в бытность студентом здешнего университета, со своим отцом, полковником, и старшим братом, офицером, на углу Спасской и Надеждинской...» (Новости. 1883 г., № 167).

²⁾ Сам Тургенев почувствовал, однако, очень скоро недостаточность своей подготовки по древним языкам: «я слушал в Берлине латинские древности у Цумпта, историю греческой литературы у Бёка-а на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. И я был не из худших кандидатов».

лекций третьего курса¹⁾ — испытания его в 1837 г. на кандидатскую степень²⁾.

Въ Совѣтъ Императорскаго Санктпетербургскаго
Университета.

отъ I отдѣленія философскаго факультета.

Представляя при семъ на благоусмотрѣніе Совѣту Вѣдомости о успѣхахъ Выпускаемыхъ нынѣ Студентовъ II и I курсовъ, факультетъ имѣетъ честь изъяснить: что при удостоеніи ученыхъ степеней онъ руководствовался Правилами Соображеній, утвержденными Его Сіятельствомъ Господиномъ Попечителемъ. На основаніи сихъ правилъ § 19, успѣхи выпускаемыхъ нынѣ студентовъ сличены за всѣ три года университетскаго курса, какъ по факультетскимъ, такъ и по общимъ предметамъ; но въ выводѣ средней сложности успѣховъ послѣдовалъ прежнему раздѣленію учебныхъ предметовъ. Далѣе—въ исчисленіи балловъ

¹⁾ Какъ видно изъ „объявленія о лекціяхъ на 1836 — 1837 г.“, Тургеневъ, кроме отмеченныхъ уже нами курсовъ, могъ слушать у проф. Фишера „Метафизику с критическимъ разборомъ главнейшихъ философскихъ системъ“ и „Нравоучительную философію“, у Ф. Грефе—избранные места изъ Одиссеи, объясненія Аякса Софоклова и главы Геродота о „Персидскихъ войнахъ“ и, наконецъ, у новаго профессора римской словесности Ф. К. Фрейтага „избранные оды Горация и Questiones Tusculanae Цицерона“ (В. В. Григорьевъ, *op. cit.* 127—128). Опыты несколько, правда, тенденціозной характеристики С.-Петербургскаго университета в годы пребыванія в немъ И. С. Тургенева даны на основаніи материаловъ В. В. Григорьева, в юношеской книгѣ С. А. Венгеровъ „Рус. лит. в ее современ. представит. И. С. Тургенев“, СПб., 1875, стр. 70—87.

²⁾ Действительный студентъ Тургеневъ—отмечено было 24 іюня 1837 г. в журнале засѣданій перваго отдѣленія философскаго факультета, — выпущенный изъ университета с сею степенью в прошломъ году, с разрѣшенія совета поселившій целый годъ лекціи третьяго курса и оказавшій на нынѣшнемъ испытаніи вездѣ отличные или очень хорошіе успѣхи, удостоивается степени кандидата (М. И. Сухомлиновъ, *op. cit.*, 4).

за послѣдній годъ по древнимъ языкамъ, такъ какъ преподаваніе оныхъ раздѣлено на 3 отдѣленія, студентъ окончившій курсъ въ среднемъ отдѣленіи, противъ окончившаго курсъ въ высшемъ, терялъ $\frac{1}{2}$ балла, студентъ низшаго I б.—Знаніе двухъ новѣйшихъ языковъ отъ выпускаемыхъ нынѣ студентовъ строго не требовано, по причинѣ недавняго полученія въ руководство правилъ соображеній. По сему уваженію и по силѣ § 20 Правилъ, результаты за послѣдній годъ, если у кого оказывались выше результатовъ за всѣ 3 года, то симъ послѣднимъ предпочитались, какъ очевидное доказательство возрастанія успѣховъ студента при увеличивающейся многосложности его занятій. Итакъ по § 21, студенты имѣющіе въ факультетскихъ предметахъ не менѣе $\frac{3}{4}$ и въ общихъ не менѣе 3-хъ, достойными степени кандидата единогласно признаются, журналомъ факультета отъ 4-го сего Іюня: 1) Черняевъ Сергѣй, 2) Черняевъ Николай, 3) Зосимскій и 4) Поллевицъ; 5) Навалишину, у котораго въ выводѣ 3-хъ лѣтней сложности недостаетъ до требуемаго количества около $\frac{1}{12}$ доли, факультетъ ходатайствуетъ также о степени кандидата. За симъ студенты имѣющіе въ результатѣ по факультетскимъ предметамъ не менѣе 3 или $2\frac{2}{3}$ и въ общихъ не менѣе 2, на основаніи § 22, достойными степени дѣйствительнаго студента признаются единогласно: 1) Стравинскій, 2) Жиллевицъ, 3) Любенскій, 4) Тарховъ, 5) Тургеневъ, 6) Свирщевскій, 7) Стунгуръ, 8) Суриный, 9) Гарткевицъ Генрихъ, 10) Студитскій и 11) Котовицъ. О трехъ не вошедшихъ въ сіе число: Барановскомъ за 1 въ латинскомъ языкѣ, Шпартенкѣ и Клементьевѣ за мелкія дробы недостающія до требуемаго количества, факультетъ покорнѣйше проситъ о присвоеніи имъ степени дѣйствительнаго студента.

Деканъ факультета Ф. Грефе.
Секретарь Адъюнктъ Ив. Соколов.

ВЫВОДЪ

средней сложности успѣховъ Тургенева за всѣ три года Учебнаго Академическаго Курса¹⁾.

ПРЕДМЕТЫ ФАКУЛЬТЕТСКІЕ										О Б Щ І Е			ПРИВАТОЧНЫЕ			
Латинскій языкъ	Всеобщая исторія	Русская исторія	Россійская словесность	Статистика	Сравнит. географія	Новый языкъ	Результаты	Греческій языкъ	Философія	Богословіе	Результаты	Французскій Нѣмецкій Англійскій Италійскій Сумма	За третій годъ			
Курсъ. I, II, III	I, II, III	II, III	I, II, III	II, III	I, II	I, II, III	Итогъ	I, II, III	I, II, III	I, II, III	Средн. баллъ	Итогъ	Средн. баллъ			
— 3 4 —	2 2 1/2 —	3 1 1/2 2 1/2 —	4 4 3 3 —	3 —	3 —	4 4	22 3/4 3 1/2	— 2 1/2 4 —	4 — 4 — 4 4	— 4 4 —	11 1/6 3 1/2 1/18 —	3 — — 3	— — —			
7 — 3 1/2 4 1/2 —	2 1/2 —	6 3 8 —	4 4 3 3 —	3 3 3 3 —	3 3 3 3 —	4 4	22 3/4 3 1/2	6 1/2 — 3 1/2 4 4 8 —	4 4 4 4 8 —	— 4 —	— — —	— — —	— — —			

Іюня 9, 1836 г.

¹⁾ В ведомости этой нижний ряд цифр обозначает сумму годовых отомков Тургенева по каждому предмету и средний балл, получаемый от ее деления на два, ибо московские отметки первого курса здѣсь приняты во вниманіе почему то были. Ю. О.

2. ЦЕНЗУРНАЯ СПРАВКА О „ПОМЕЩИКЕ“ ТУРГЕНЕВА.

30 октября 1845 г. член СПБ. Цензурнаго Комитета проф. А. В. Никитенко, которому еще в 1837 году Иван Сергеевич «препровождал» свои «первые слабые опыты на поприще русской поэзии»¹⁾, огласил в очередном заседании Комитета несколько «сомнительных» мест из поступившей перед тем на его рассмотрение новой поэмы Тургенева «Помещик».

Вниманіе цензора в этом произведеніи привлекли два едких упоминанія о «богомолье»²⁾, да известная сатирическая характеристика вождя московских славянофилов К. С. Аксакова:

... Умница Московскій
Мясистый, пухлый, с кадыком,
Длинноволосый, в кучерском
Кафтани, бредит о чертогах
Князей старинных...
От шапки-мурмолки своей
Ждет избавленья! возрожденья!
Ест редьку—западных людей
Бранит и пишет донесенья...³⁾

Однако, СПБ. Цензурный Комитет, «не находя в сих стихах ничего противнаго правилам цензуры, определил: дозволить их к напечатанію»⁴⁾.

¹⁾ «Рус. Стар.», 1896, XII, 588.

²⁾ 1. «Он отдыхал. Его жена отправилась на богомолье».

2. Ах старый греховодник

Вот я молилась—вас угодник

И наказал... Ну, как я зла!

А я вам просфиру везла!

Неблагодарный...

³⁾ В самом начале 1857 г., когда Тургенев узнал о желаніи Некрасова перепечатать «Помещика» в известной серии сборников «Для легкаго чтенія», он категорически потребовал устранения из новаго изданія всей «строфы о славянофилах» («Рус. Мысль», 1902, I, 123—5; «Наша Старина», 1914, XI, 989; И. И. Панаев. «Лит. воспом. с прил. писем». СПб., 1888, стр. 406).

⁴⁾ Архив цензуры и печати (I отд. IV сек. Гос. Арх. Фонда): Дело СПБ. Цензурнаго Комитета о статьях, разрешенных по докладам гг. цензоров, 1845 г., № 7, л. 41.

Эти несколько строк официального протокола, определяя время и характер одного из первых столкновений Тургенева с цензурой, вместе с тем позволяют установить и более точную дату «Помещика», обычно относимого к 1846 г.¹⁾, когда он лишь впервые увидел свет в некразовском «Петербургском Сборнике».

3. К ИСТОРИИ „ПИСЬМА ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА“ О СМЕРТИ ГОГОЛЯ.

Несколько пламенных строк о Гоголе, запрещенных 29 февраля петербургской цензурой и появившихся 13 марта в «Московских Ведомостях», определили, как известно, «за явное ослушание» арест и ссылку Тургенева «пох присмотр на родину» в 1852 году.

«Попечитель здешнего университета гр. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для СПб. Ведомостей» — замечал Тургенев о провале статьи в одном из своих перлюстрированных жандармами писем, а сам строгий цензор некролога в официальной справке для III-го отделения откровенно изъяснял, что ему «казалось неуместным писать о Гоголе в таких пышных выражениях, едва ли приличных говоря о смерти Державина, Карамзина или некоторых других наших знаменитых писателей и представлять смерть Гоголя как незаменимую потерю»²⁾.

В тот самый день, когда подверглась запрету поминальная заметка Тургенева, обратился к М. Н. Мусину-

¹⁾ Ср. Н. М. Гутъяр. «Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева», СПб, 1910, стр. 10.

²⁾ История тургеневского «Письма из Петербурга» на основании сохранившихся печатных данных и материалов III-го отделения освещена в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.», СПб 1908 г., стр. 203—213 и в статье Н. В. Дризена «Арест и ссылка И. С. Тургенева» («Истор. Вест.» 1907, II, 559—569); часть использованных в этих работах документов опубликована в «Всемирном Вестнике», 1907, XII, 49—79. См. также «Рус. Стар.», 1903, IX, 662; А. В. Никитенко, «Записки и Дневники» изд. 2, СПб. 1905, I, 407—409; «Переписка Я. К. Гроta с Плетневым», СПб. т. III, 575—578; «Жизнь и труды М. П. Погодина», XII, стр. 2—7.

Пушкину с чрезвычайно характерным для момента письмом известный впоследствии романист Г. П. Данилевский. Он сотрудничал в это время в СПб. Ведомостях, и статья его, очевидно, должна была заменить в издании Краевского сомнительные с цензурной точки зрения «возгласы» творца Записок Охотника¹⁾:

Милостивый Государь

Михаиль Николаевич!

Разстройство здоровья, именно болѣзнь глаза, мѣшаетъ мнѣ имѣть счастье лично явиться къ Вашему Превосходительству и испросить покорнѣйше извиненіе передъ Вашимъ Превосходительствомъ въ поступкѣ, который можетъ бросить на меня тѣнь Вашего неудовольствія. — На дняхъ, пораженный печальною вѣстію о кончинѣ нашего любимого всѣмъ образованнымъ обществомъ и облагодѣтельствованнаго Высочайшими милостями литератора, моего стараго наставника въ трудахъ поэзіи, Гоголя, я написалъ небольшую статью о немъ для С. Петербургскихъ Вѣдомостей. Мнѣ ее возвратили изъ редакціи съ извѣщеніемъ, что цензоръ не рѣшается пропустить ее и требуетъ ея небольшого измѣненія. Затрудняясь, подѣ влияніемъ тяжелой утраты человѣка, который даже нашему Университету близокъ тѣмъ, что былъ въ немъ нѣкогда Профессоромъ Исторіи и о которомъ при жизни написаны цѣлые томы благосклонныхъ отзывовъ, — затрудняясь въ выборѣ словъ для перемѣны выражений статьи моей, я долженъ былъ обратиться къ Вашему Превосходительству, какъ къ моему благодѣтелю и всегдашнему милостивому совѣтнику въ моихъ трудахъ и начинаніяхъ; но это было уже вечеромъ, и я боялся, я не смѣлъ не въ урочное время беспокоить Васъ: статья между прочимъ требовала скорого

¹⁾ Письмо это, сохранившееся в Деле СПб. цензурного комитета за 1892 год, № 54 (I Петерб. отд. IV секц. Гос. Арх. Фонда), представляется нам тем более любопытным, что Г. П. Данилевскому пришлось, как известно, перед тем использовать свою близость к А. С. Норову для получения согласия министра на пропуск задержанного цензурой «письма» Тургенева. Князь Шаринский-Шихматов отказался, однако, от отмены распоряжения Мусина-Пушкина (Пол. соб. соч. Г. П. Данилевского, т. XIX, СПб., 1901, стр. 111).

разрѣшенія. Въ 9 часовъ вечера, по дѣламъ службы чиновника Особыхъ Порученій, я былъ у Его Сіятельства Князя Платона Александровича, и рѣшился просить его участія въ моемъ затрудненіи. Князь былъ такъ благосклоненъ ко мнѣ, что прочелъ эту статью и указалъ мнѣ то, что нужно было въ ней смягчить и измѣнить: чтобы не смѣшивать Гоголя съ великими именами Державина, Жуковского и Карамзина, я назвалъ его достойною знаменитостью «современной» нашей литературы, и вычеркнулъ нѣкоторыя уже очень молодые слова, какъ напримѣръ—что насъ наполняетъ «великая» скорбь о его утратѣ. Жаль, Ваше Превосходительство, что печатно неловко сказать, что этотъ человѣкъ, мой сосѣдь по имѣнію и землякъ, удостоился еще великой милости быть знакомымъ лично Государю Императору и получать отъ него пенсіонъ въ двѣ тысячи серебромъ изъ Его Кабинета за труды свои. Великій цѣнитель дарованій своего царствованія теперь даже къ матери покойнаго Гоголя изволилъ написать нѣсколько святыхъ строкъ утѣшенія, что онъ сдѣлалъ и при смерти другой славы Своего Царствованія—Пушкина.

Вотъ, Ваше Превосходительство, что я осмѣлился сдѣлать. Повергаю мой поступокъ на Ваше усмотрѣніе и прошу чувствительнѣйше прощенія, если онъ можетъ, къ моему несчастію, бросить тѣнь на питомца Вашего. Статья, исправленная мною, отправлена къ Редактору Вѣдомостей. Если цензоръ вторично затруднится пропустить ее и представить на рѣшеніе Вашего Превосходительства, то я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, объ одномъ: сдѣлать, какъ угодно будетъ Вашему Превосходительству, не щадя моей горячей любви къ необыкновенному дарованію утраченнаго нами Гоголя...

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и чувствительнѣйшею преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства Покорнѣйшимъ слугою Григоріемъ Данилевскимъ.

26 февраля 1852 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анонимная статья Некрасова о комедіяхъ Тургенева
(1849 г.)

«У меня начато к вам большое письмо о бывшем недавно представлении «Холостяка». Если паралич не хватит мне правую руку, то, клянусь честью, я его допишу и pošлю на днях к вам» — извещал Н. А. Некрасов 8 ноября 1849 г. Тургенева, а через два месяца, оправдывая в письме от 9 января к нему же свое молчание об этом, заключал: «Я вам моего большого письма не дописал — но за то надеюсь, что вы прочтете о своих комедиях мою же статейку в «Современнике», который скоро к Вам поедет»¹⁾. Сопоставление двух этих свидетельств, на долгие годы затерянных в дружеской переписке, позволяет с совершенной определенностью установить принадлежность Некрасову интереснейшей статьи в одиннадцатой книжке «Современника» за 1849 г. о петербургской постановке только что опубликованного тогда Тургеневым «Холостяка»²⁾.

Проникновенный анализ самого построения новой комедии, как произведения прежде всего для сцены, мастер-

¹⁾ А. Н. Пытин. Н. А. Некрасов, СПб. 1905, стр. 106 и 104. В конце последнего письма Некрасов отмечал: «Третий акт вашего „Холостяка“ имел огромный успех, первый был принят хорошо, второй „сухо“. Под свежим впечатлением только что прочитанного „Холостяка“, Некрасов упоминал о нем впервые в письме к Тургеневу еще от 14/IX: „Ваша комедия „Холостяк“ в IX № „От. Зап.“ просто удивительно хороша, особенно первый акт“ (op. cit., 101).

²⁾ К истории опубликования „Холостяка“ относятся следующие материалы: 1/13 марта 1849 г. Тургенев писал из Парижа А. А. Краевскому — „Вечеринка“ вам не выслана до сих пор по весьма простой причине: надо бы ее переписать, а меня чорт дернул написать другую комедию в 3 актах, опять для Щепкина, которую я ему на днях высылаю. Это должно остаться между

ская интерпретация художественных ее возможностей и особенностей «драматического содержания» каждого акта, яркое критическое выявление всех характерных персонажей пьесы, оживленных искусным разбором изобразительных средств и творческих приемов таких мастеров, как М. С. Щепкин, Мартынов, Максимов, Каратыгин и Линская — вот материал, несомненно документирующий соображения авторитетного рецензента не только о рассмотренном в деталях «Холостяке», но, по существу, и о театре Тургенева в целом.

Последний, правда, к этому времени представлен был всего пятью произведениями, из которых «Студент» известен притом был только по заголовку¹⁾, а о запрещенном

нами" („Отчет Пуб. Библ." за 1890 г., прилож., стр. 3). 2/14 апреля в письме к нему же Тургенев отмечал: „Вчера мною отправлена в двух толстейших пакетах к Щепкину другая комедия в 3-х актах, под названием „Холостяк". В этом произведении цензуре не только нечего вычеркивать, но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность. Разумеется, я очень буду рад видеть эту комедию в „Отеч. Записках"; но так как она назначена для бенефиса Щепкина, а оный бенефис не будет ранее января будущего года, то вам придется ждать еще долго. Во всяком случае однако вы можете написать Щепкину и сказать ему, что „Холостяк" назначен вам. Я впрочем уже сам об этом ему писал... Этот Холостяк у меня много времени отнял" (ор. cit., 4—5). 30 мая ст. ст. им же уведомлен был Краевский о согласии Щепкина на опубликование комедии до бенефиса, а „что до цензурных затруднений, то на этот раз ручаюсь всем на свете, что буквы не возможно выкинуть" (стр. 6). В связи с этим В. П. Боткин 15 июня писал в редакцию „Отеч. Зап.": „Завтра через Баунова посылаю вам вновь присланную комедию Тургенева „Холостяк". Кажется, она может быть напечатана, потому что скромнее ее трудно представить себе чтонибудь. Далеко уступает она „Нахлебнику". Заметно, что автор главное имел в виду то, чтоб театральная цензура пропустила ее" („Отчет Публич. Биб. за 1889 г.", прилож., 100). Появился „Холостяк" в сентябрьской книжке „Отеч. Зап." за 1849 г. (отд. I, стр. 1—64). „Темные слухи дошли до меня, любезнейший Краевский,—писал ему Тургенев 22 октября ст. ст., что вы напечатали в „О. З." моего „Холостяка". Желаю, чтобы он понравился русской публике" (ор. cit., 7).

¹⁾ „Студент"—первоначальное название запрещенного „Месяца в деревне". В дневнике московского цензора И. М. Свигирева („Рус. Арх.", 1903, III, 452) есть упоминание о прочитанной им 9/XI 1850 г. комедии г. Тургенева „Две женщины", под каким названием Тургенев пытался провести в печать, очевидно, того же „Студента", а не какое-то особое, нам еще неизвестное произведение, как полагает К. К. Истомин („Извест. Отд. Рус. Яз. и Слов. Академ. Наук", 1913, XVIII, кн. 3, стр. 121).

«Нахлебнике» нельзя было упомянуть даже в простом перечне названий (ранних опытов—«Неосторожности» и «Безденежья», как не включенных в репертуар, Некрасов преднамеренно не касался), но эта ограниченность материала нисколько не ослабляла общего значения одной из первых критических оценок драматических достижений Тургенева.

Прямая ссылка на разбор «Холостяка» в предыдущей книжке журнала и некоторые характерные особенности самого содержания некрасовской анонимной рецензии обличают непосредственную и живую ее связь с шестым «Письмом инородного подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике». Как устанавливалось здесь А. В. Дружининым,—«Несколько месяцев тому назад автор «Записок Охотника», в маленькой пьеске «Где тонко, там и рвется» доказал русским читателям, что новая русская комедия может сделаться занимательной, если в нее ввести дельную мысль, наблюдательность и занимательный разговор. «Где тонко, там и рвется», была скорее пословицею, или драматическою попыткою; в новой же своей комедии «Холостяк» автор представил нам настоящую, живую новую русскую комедию, которая умна, занимательна, свежа, удобна для сцены и произвела бы на ней большой эффект... еслиб для нее сыскались старательные актеры и публика, предпочитающая тонкий анализ двусмысленным шуткам, пересыпанным солью... солью вовсе не аттической!..»¹⁾. Это априорное пессимистическое заключение официального рецензента «Современника» об отсутствии на нашей сцене корней для «настоящей русской комедии» из-за неподготовленности актеров к художественному ее воплоще-

¹⁾ „Современник", 1849, X, смесь, стр. 288. Свой разбор А. В. Дружинин заключал тесно связанной с началом статьи пессимистической сентенцией: „Комедия „Холостяк", по удачному распределению сцен, неожиданности развязки и даже по смешному лицу старухи Пряжкиной (а г. Тургенев не всегда мастер смешить), должна иметь большой успех на сцене, если будет хорошо разучена и если каждый из актеров не раз призадумается над своей ролью. Но так как актеры не любят обдумывать своих ролей, а кроме того многие из них, даже и задумываясь, не извлекают из своего мышления ничего особенно выгодного для хода пьесы, то я не знаю даже, желать или не желать представления комедии г. Тургенева на сцене" (стр. 293).

нию, а зрителей к серьезному восприятию, и обусловило явно полемическое построение всего Некрасовского отчета о театральной реализации «Холостяка»¹⁾.

Тот «явный интерес и удовольствие», с которым публика премьеры следила за ходом пьесы, те «жаркие толки и споры о новой комедии, которые можно было слышать в партере и коридорах театра», то «уважение» и «внимание» к оригинальному драматическому произведению, которое с таким одушевлением проявлено было всеми исполнителями тщательно поставленного и разученного «Холостяка» — все это не могло не свидетельствовать о несомненном «сочувствии к русской комедии» как в наших актерах, так и самых широких слоях публики и, не оставляя места дружининским опасениям, позволяло решительно утверждать, что «явись настоящая русская комедия — и не увидишь, как полетят со сцены, чтоб уж никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы». Необычайно тонкое выявление перед тем сценических дефектов комедий Тургенева, обусловленное определением причин, по которым «Холостяк» не имел того «полного и блестящего успеха, которого заслуживал по драматическому содержанию своему и по прекрасному его развитию», позволяет Некрасову установить несколько критических положений, впоследствии усвоенных не только нашей театральной и литературной историографией, но и самим автором обобщенных «сцен и комедий». Впервые проницательным рецензентом обращено было внимание на слабое знакомство Тургенева с самой техникой сцены — и прежде всего той, для которой пьесы его предназначались, — на композиционные их особенности, «столь понятные в чтении и столь трудные, даже местами невозможные для полной передачи на сцене», на характеры, которые «лучше улегаются в повести», на томительную медленность темпов дей-

¹⁾ «Современник», 1849, XI, смесь, стр. 138—142. В рубрике «Театральные новости» объединены три рецензии, из которых Некрасову принадлежит первая, отличающаяся от остальных не только значительностью самого содержания своего, но и выделенная автором чисто формально, последними строками — «заклучим нашу статью» и т. д.

ствия, ложность некоторых комических эффектов и, наконец, на многочисленные «повторения» и «длинноты», досадно осложняющие развитие события «не бросающегося в глаза, но поразительного по своей естественности». Возможность некоторой проверки этих общих соображений представилась автору «Холостяка» только через год, во время пребывания его зимой 1850 г. в Москве, где он посетил 6/18 декабря одно из представлений своей комедии. «Завтра я должен быть в театре: даю мою пьесу в 3-х актах: «Холостяк» с Щепкиным. Я сяду в ложе, скрытой от публики. Мне кажется, что буду бояться: второй акт холоден, как лед»¹⁾ — писал Тургенев накануне М-те Виардо, а через два дня после спектакля с ней же делился впечатлением от пьесы: «Публика приняла ее очень горячо; особенно третий акт имел чрезвычайно большой успех. Сознаюсь, это приятно. Щепкин был великолепен, полон правды, вдохновения и чуткости; его вызвали один раз после второго акта, два раза в течение третьего и два раза после него. Одна старая актриса была великолепна в роли кумушки. Другой актер, Живокини, был очень хорош в роли доброго провинциала. Jeune première была посредственна, немного неловка, но естественна; другие актеры были плохи. Но как поучительно для автора присутствовать на представлении своей пьесы! Что там ни говори, но становишься публикой, и каждая длиннота, каждый ложный эффект поражают сразу, как удар молнии. Второй акт, несомненно, неудачен, и я нашел, что публика была слишком снисходительна. Тем не менее, в общем — я очень доволен. Опыт этот показал мне что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи»²⁾.

¹⁾ «Вест. Евр.», 1911, VIII, 196. Ссылаясь, как на источник своих сведений, на письмо гр. М. Ю. Вельгорского, Тургенев сообщал 13/1 декабря 1849 г. А. А. Краевскому: «я вижу, что моего Холостяка дали в театре и что он заслужил un succès d'estime. Я другого не ожидал и рад даже этому: 2-й акт для сцены холоден» («Отчет Публич. Библиот. за 1890 г.», приложение 10). Ср. А. И. Волыф, «Хроника», I, 135.

²⁾ Op. cit., 197. В первый раз представлен был «Холостяк» в Москве 25 января 1850 г. при следующем распределении ролей: Мошкин — М. С. Щепкин, Вилицкий — И. В. Самарин, Белоногова — Л. П. Косицкая, Шпунь-

Октябрь 1849.

В полном соответствии с замечаниями Некрасова признана была Тургеневым, очевидно, тогда же необходимость серьезной художественной переработки всех предназначенных им для сцены произведений, опубликованных в новых редакциях, однако, лишь в 1869 г. Текст «Холостяка» в первом собрании «сцен и комедий» тщательно был уже очищен от всего того, что «замедляло и охлаждало» ход действия, при чем эта динамизация произведения осуществлена была прежде всего благодаря значительному сокращению особенно «холодного» второго акта, последовательному устранению из пьесы всех мало характерных реплик, многочисленных повторений одних и тех же слов («так справедливо, так справедливо»; «ну, однако, ступайте, ступайте»; «должен, непременно должен»; «не может, никак не может» и т. д.), благодаря более тонкой отделке несколько растянутых прежде диалогов Мошкина и Вилицкого, Вилицкого и фон Фонка и т. д. Что же касается некоторых входящих комических эффектов, отмеченных Некрасовым в «Холостяке» как слишком «тривиальные», то весьма возможно, что именно в связи с этим указанием Тургенев первоначальную фамилию героини — Маши Белокопытовой изменил на Белову (ср., напр., первоначальную сцену в 1 действии: «Фонк — А фамилия как? Вилицкий — Фамилия... (глянув в сторону) Белокопытова... Марья Васильевна Белокопытова»)¹⁾, устранил двусмысленность в словах Пряжкиной — «Он ее облагодетельствовать хотел» (вместо облагодетельствовать), выпустил вторую часть реплики Шпуньдика — «Скот-с, тоже сильно колеет... то бишь дохнет-с» и т. п.²⁾.

дик — В. И. Живокини, фон-Клак — Д. Т. Ленский, Пряжкина — А. Т. Сабурова («Тургенев и Савина», П., 1918, стр. 108).

¹⁾ В театральных текстах «Холостяка» фамилия героини не Белокопытова, а Белоногова и изменена на Белову, очевидно, не была. Ср., напр., росписи ролей в «Холостяке» с 1849 до 1890-х годов в изд. «Тургенев и Савина», стр. 108. Любопытно, что там же вместо фон-Фонка фигурирует везде «фон-Клак».

²⁾ Некоторые новеллы печатного текста пьесы стояли, возможно, в связи с теми сокращениями, которые, как свидетельствует, напр., А. Н. Ба-

1) ХОЛОСТЯК, комедия в трех действиях, Ив. Тургенева.

Четырнадцатого октября происходил в Александринском театре спектакль, выходящий из ряда обыкновенных: шел бенефис одного из любимейших артистов как московской, так и петербургской публики — М. С. Щепкина, и в бенефис этот давалась в первый раз новая русская комедия Холостяк, соч. И. С. Тургенева. Талант г. Тургенева хорошо известен читателям Современника. До 1847 года г. Тургенев, начавший свое поприще стихами, не имел определенной физиономии, как писатель, и можно сказать, что известность его в литературе началась с «Записок Охотника», появившихся в 1847 году в «Современнике». В них талант его определился резко. В прошлом году г. Тургенев попробовал свой многосторонний талант в комедии, и опыт был удачен; с той поры он постоянно пишет комедии, и кроме напечатанных уже и известных пьес «Где тонко, там и рвется» и «Холостяк», нам известны еще две комедии г. Тургенева, из которых одна, под названием «Завтрак у Предводителя», скоро будет дана, как мы слышали, на Александринском театре. Наконец пятое, недавнее произведение г. Тургенева, комедия в пяти актах «Студент», уже обещано автором редакции «Современника», и мы скоро надеемся представить эту комедию нашим читателям.

Некоторые утверждают, что комедия есть настоящий род г. Тургенева, что талант его собственно всего лучше проявляется в комедиях. Мы думаем, что талант г. Тургенева такого рода, что он может примениться до известной степени ко всякому роду: хотелось ему писать рассказы, он писал рассказы, и чем же хуже проявлялся его прекрасный талант в «Записках Охотника», чем в комедиях? вздумалось писать комедии, и он пишет комедии, и комедии его нравятся; даже, когда г. Тургеневу приходила, бывало, охота писать стихи, талант его и тут не терялся совсем, а иногда даже проявлялся блистательно. В этой многосторонности таланта г. Тургенева, по нашему мнению, скрывается и слабая сторона его, о которой поговорим при случае. Как бы то ни было, несомненно, что г. Тургенев столько же способен к комедии, сколько и к рассказу или роману, и если он решился писать комедии, а не рассказы и повести, то тут мы видим одно преимущество: русская по-

же нов («Музык. и Театр. Вестник», 1860 г., № 18) сделаны были в «Холостяке» режиссурой Александринского театра при возобновлении комедии 8 октября 1859 г. с А. Е. Мартыновым в заглавной роли. «Пьеса Тургенева — отмечал в своей «Хронике» А. И. Вольф — не игранная около десяти лет, получила всю прелесть новинки и долго привлекала публику» (III, 19). Сам Тургенев надолго запомнил эту постановку, неоднократно отмечая, как Мартынов «превратил, силою великого дарования, бледную фигуру „Мошкина“ в живое и трогательное лицо» (Предисловие, 1874 г.). Ср. его же упоминания об этом в письмах 1832 г. к Ж. А. Полонской, Д. В. Григоровичу и В. Н. Давыдову («Первое собр. писем И. С. Тургенева», СПб., 1884).

весть еще имеет на своей стороне несколько дарований, а хорошие комедии, как известно всем, появляются у нас так редко.

В прошлой книжке Современника в „Письме о русской журналистике“ было сказано подробно о литературных достоинствах и недостатках „Холостяка“; поэтому нам остается сказать теперь только о сценической стороне комедии и о том, как выполнили ее артисты.

Главный недостаток, много повредивший полному успеху комедии и замеченный всеми—растянутость, недостаток почти неизбежный в каждом первом произведении для сцены, и за который, следовательно, нельзя винить автора. В первом акте почти нет ничего лишнего, но второй утомил зрителей. Начинается он монологом, в котором Вилицкий высказывает свое колебание; жениться на Маше ему уже не хочется после того, как светский друг его фон Фонк нашел и Машу и все семейство ее слишком недостойными великой чести породниться с Вилицким; отказаться и страшно и совестно. Приходит фон Фонк с греком Созоменосом (лицо, заметим мимоходом, на сцене совершенно лишнее, чего не кажется в чтении), и Вилицкий, прося его совета в своем затруднительном положении, опять отчасти пересказывает то, что уже высказал в первом своем монологе. Первый акт начинается монологом слуги, развалившегося в барских креслах, второй кончается тем, что слуга ложится на господский диван отдохнуть, с соответствующими прибаутками. Эти две сцены произвели неприятное впечатление, напомнив Осипа (в „Ревизоре“). Мы уверены, что автор совершенно не рассчитывал посмеяться ими, а поместил их потому, что так действительно бывает в жизни; и в чтении они проходят совершенно незаметно; но автор не расчит, что на сцене их будет произносить актер, и как подобную роль в десять слов нельзя дать хорошему актеру, то следовательно плохой актер; что он, пожалуй, вообразит, что собственно от его роли зависит успех или падение всей пьесы, и постарается, чтоб роль вышла как можно поэффектнее. Таким образом из мимолетных десятка слов выйдет нечто торжественное, на чем зритель по неволе приостановит свое внимание, хотя приостановить тут его внимание автор не желал, да и причины не было. Избежание подобных неприятностей, часто обращаемых поверхностными судьями в вину самой пьесы, приобретает только знанием сцены, и часто даже той сцены в особенности, где играется ваша пьеса. Сделаем еще следующее замечание; оно, пожалуй, ничтожно, но показывает, как должен быть осторожен иногда автор, пишущий для сцены. У г. Тургенева часто попадаются несколько тривиальные фамилии.—Где вы остановились? „В доме Блинниковой“. С кем приехали? „С купцом Сивоплятовым“ и т. п. Из этого выходит вот что: актер, встретив в своей роли подобную фамилию (особенно, если роль незначительна и досталась плохому актеру), чаще всего думает, что автор вставил ее с намерением рассмешить; поэтому он произносит ее с особенным ударением,—как хохочет, а образованный зритель, не вникнув в дело, сожалеет, что автор прибегает к такой избитой манере остроумия! Конечно, подобные мелочные промахи могли бы легко быть предупреждены при личном присутствии автора на репетициях пьесы, но г. Тургенева в Петербурге нет. Обращаясь к главному недостатку пьесы—растянутости, заметим еще, что третий акт

начинается рассказом, в котором Мошкин передает своему другу Шундику то, что уже известно зрителю из второго акта; да и самая роль Мошкина (Щепин) не чужда длиннот и повторений, которые несколько ослабляют производимое ею впечатление.

Вот причины, по которым „Холостяк“ не имел того полного и блестящего успеха, которого заслуживал по драматическому содержанию своему и по прекрасному его развитию.

Напрасно стали бы мы искать их в равнодушии публики к комедии благородной и тонкой, в неумении оценить тихое и искусное развитие события, не бросающегося в глаза, но поразительного по своей естественности; нет, публика с явным интересом и удовольствием следила за ходом пьесы, и все хорошее было замечено и одобрено громкими рукоплесканиями; жаркие толки и споры о новой комедии можно было слышать в партере и в коридорах театра, по окончании пьесы, каких не услышите после десятка новых самых эффектных французских водевилей. Ясно, что сочувствие к русской комедии в публике существует: явился настоящая русская комедия—и не увидишь, как полетят со сцены, чтоб уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличны, натянутые фарсы. и т. п. Еще более порадовало нас сочувствие к русской комедии в наших актерах,—сочувствие, которого нельзя было не заметить в представлении „Холостяка“. Ни тени той самоуверенной небрежности, которая встречается при исполнении фарсов и водевилей, не заметили мы при исполнении „Холостяка“. Артисты видимо приваились за дело с уважением, подобающим русской комедии, и исполнили его превосходно. Особенно поразил нас г. Максимов, игравший роль Вилицкого, весьма трудную и представляющую много поводов к фарсам, до которых г. Максимов большой охотник в водевилях. Но ни одного фарса, к радости и удивлению многих, не выкинул здесь г. Максимов, доказав тем, что может, если захочет, обходиться и без фарсов. Он играл просто и естественно. Борьба мелкого самолюбия с остатками порядочного чувства, еще сохранившегося в душе Вилицкого, была передана им прекрасно в первом акте; также хорошо был произнесен начальный монолог второго акта. Можно находить в его игре недостатки; но нам кажется, что трудно сыграть лучше эту роль, столь понятную в чтении и столь трудную, даже местами невозможную для полной передачи на сцене, мудрено дать вполне уразуметь и проследить зрителю, неприготовленному чтением пьесы, внутреннюю мелкую драму, обнаруживающуюся обыкновенно во внешности чуть заметными случайными признаками да игрой физиономии, как и сделано у автора. Подобные характеры лучше улегаются в повести. Как бы то ни было во всяком случае г. Максимов исполнил свою роль хорошо.

Г. Мартынов исполнил роль Шундики с искусством и успехом тем более замечательными, что роль его одна из самых незначительных.

Г. Каратыгин 2-й прекрасно сыграл роль фон Фонка, франта и резонера, глумящегося бедностью и презирающего низший круг, откуда он сам недавно выскочил. Презрительные улыбки, ужимки и гримасы, поднимание плеч, сатирическое подергивание носа и всей физиономии, беспрестанное

охорашивание собственной особы, которая ежеминутно боится замараться от прикосновения окружающих ее плебеев, — все это было в игре г. Каратыгина и производило непритворный смех.

Г-жа Самойлова 2-я верно передала роль русской девушки Маши, а г-жа Линская неподражаемо хорошо выполняла роль Катерины Савиной Прижкиной, вдовы и кумушки пожилых лет. Рассказ о знакомстве с генеральшей Бондандиной вышел у нее художественно верен. У г-жи Линской талант самобытный и оригинальный, особенно поражающий естественностью, по которой она не может быть сравнена ни с кем, кроме г. Мартынова; на сцене он как будто дома, и в голосе ее часто звучат ноты, которые вдруг переносят вас в действительную жизнь, напоминая вам множество сцен и фраз, Бог знает когда и где виденных и слышанных. Это признак таланта первостепенного.

Наконец мы дошли до самого бенефицианта, игравшего главную роль старика Мошкина, влюбленного, без собственного ведома, в свою воспитанницу и сватающего ее за другого. Роль эта, как ни трудна она, совершенно по силам и в духе таланта Щепкина. Весь третий акт с самого того места, где начинаются опасения старика за участь своей воспитанницы, был торжеством Щепкина... Рукоплескания не умолкали, и этот акт, отдельно взятый, имел огромный успех.

Заключим нашу статью благодарностью бенефицианту за то, что он подарил публику в свой бенефис новой русской комедией, и вместе с тем не забудем поблагодарить просвещенную дирекцию театров, давшую ему средства поставить на сцену эту комедию.

Весьма в начале сочувственное отношение критики к тургеневским комедиям настолько резко меняется около середины 50-ых годов, что даже прежде к ним расположенный А. В. Дружинин в большой статье о Тургеневе в «Биб. для Чтен.» за 1857 г. лишь иронически уже упоминает о тех «энтузиастах, которые, не сознавая отсутствия драматического элемента в даровании Тургенева, видели в нем надежду русской сцены и новое светило нового театра» («Собр. соч. А. В. Дружинина», VII, СПб, 1865, стр. 288). В известном обзоре Аполлона Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность» («Рус. Слово», 1859 г.) с удовлетворением отмечается видимое «отречение» автора от старых его комедий и с необычайной резкостью определяются «Холостяк» и «Нахлебник» — как произведения «заказные, не по внутреннему побуждению созданные» и всей искусственностью своей обличающие внутреннюю «ложь» школы «сентиментального натурализма», а «Где тонко, там

и рвется» и «Провинциалка», — как изящные безделки в стиле «пословиц» А. де Мюссе, литературное «баловство» и чисто «женская прихоть автора Записок Охотника». В любопытных заметках М. Н. Лонгинова в «Рус. Вест.» за 1861 г. (II, 915) выражается, правда, пожелание об издании «театра» Тургенева, но с характерной оговоркой, что «все это очень длинно и скучно на сцене» и «Тургенев-драматург совершенно бледнеет перед Тургеневым-повествователем». В следующем году театральный критик «Московских Ведомостей» А. Н. Баженов вновь подвергает общему рассмотрению «драматические опыты» Тургенева и приходит к заключению, что все они «кроме «Провинциалки» и «Завтрака у Предводителя» писаны решительно не для сцены. Литературное достоинство их прежде всего в живой, необыкновенно тонкой и правдивой обрисовке характеров, в умении автора разлить по целой пьесе какую-то особенную, обаятельную теплоту, которою приятно греется читатель: их сценическая слабость заключается в недостатке действия и в некоторой растянутости» («Моск. Вед.», 1862, № 33 и в «Соч. и перев. А. Н. Баженова», т. I, М., 1869, 152—155). Сам Тургенев склоняется перед этим приговором критики и выпуская впоследствии в свет собрание своих сцен и комедий, оговаривается в «предисловии» к ним, что «не признает в себе драматического таланта» и пьесы свои «неудовлетворительные на сцене» предназначает только «для чтения». В тургеневской историографии некоторое время или вовсе не упоминается о драматических его произведениях (ср., напр., С. А. Венгеров, «И. С. Тургенев», СПб, 1875) или мимоходом варьируются старые оценки А. Баженова и А. Григорьева (ср., напр., А. Незеленов, «Тургенев в его произведениях», СПб, 1885, стр. 57—63). Более внимательный подход к ним намечается В. Бурениным («Литер. деят. Тургенева». Крит. этюд, СПб, 1884, стр. 15—17, 251—253), но ни сочувствия, ни интереса, очевидно, не вызывает. Решительный поворот в оценке драматических достижений Тургенева определяет в 1900 г. блестящий, но, к сожалению, слишком общий этюд Н. А. Котляревского — «Тургенев-драматург» («Ста-

ринные портреты», 1907, стр. 259—271). К 1903 г. относится содержательный реферат о комедиях Тургенева П. О. Морозова, включенный в обозрение деятельности СПб. театров («Ежегод. Императ. театров», XIV, 1903—1904 г., стр. 33—43). По письмам и ранним рецензиям Тургенева беглый очерк его драматической деятельности дает Н. М. Гутьяр («И. С. Тургенев», Юрьев, 1907, стр. 98—106). Данными последнего и лишь несколькими по поводу их соображениями ограничивается И. И. Иванов в своей обширной монографии — «И. С. Тургенев. Жизнь, личность, творчество» (Нежин, 1912, стр. 149—157). Интересно формулирует своё отрицание тургеневского «театра», этого «без всякого движения, без всякого пафоса лирического эпоса великого беллетриста» Вс. Мейерхольд («О театре», СПб, 1912, стр. 112—113). Много ценных замечаний специалиста рассеяно, наконец, в юбилейной статье Б. В. Варнеке «Тургенев-драматург» («Венок Тургеневу» 1818—1918, Одесса, 1918, стр. 1—24).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Секретное следствие 1852 г. о „Записках Охотника“	5
II. Появление в печати „Муму“	51
III. История опубликования „Нови“	59
IV. К истории „сцен и комедий“	75
1. „Нахлебник“	90
2. „Завтрак у Предводителя“	90
V. К биографии Тургенева	
1. Тургенев в С.-Петербургском университете	101
2. Цензурная справка о „Помещике“	109
3. К истории „Письма“ о смерти Гоголя	110
Приложение	
Анонимная статья Н. А. Некрасова о комедиях Тургенева	115

BIBLIOTEKA TURGENEVA

37472